КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3
1993

Общество изучения Сахалина и Курильских островов

●

Сахалинский областной краеведческий музей

●

Сахалинский фонд культуры

●

Сахалинский центр документации новейшей истории

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3

1993

СОДЕРЖАНИЕ

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Крюков Д. Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945—1948 гг. Воспоминания. (Окончание) . . 3

Статьи

Ищенко М. И. Занятия и хозяйственные традиции русского населения Сахалина (конец XIX — начало XX вв.) 41

Самарин И. А. Боевые действия на Северном Сахалине во время русско-японской войны 1904—1905 гг. . 72

Исторический портрет

Колесников Н. И. Восемнадцать лет на Сахалине. К политическому портрету Павла Артемовича Леонова 109

Публикации

Лесная песня Семена Надеина. Вступительная статья и подготовка к публикации **К. Я. Черпаковой** . 134

26.89
К-78

Полевые этнографические и археологические исследования на Сахалине и Курильских островах

Роон Т. П. Полевые исследования современных процессов у ульта в Поронайском районе 148

Василевский А. А., Самарин И. А., Плотников Н. В. Археологическая экспедиция научно-исследовательского сектора Южно-Сахалинского государственного педагогического института: итоги полевого сезона 1992 года 151

Горбунов С. В. Полевые исследования краеведческого клуба «Абориген» в 1992 году 156

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — М. С. Высоков

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов, О. П. Кузнецов, В. М. Латышев, Г. В. Матюшков, О. А. Шубина

Оформление художника А. Я. Мезиса

Адрес редакции: Россия, 693000, Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, 33, каб. 5. Сахалинский центр документации новейшей истории.

Телефон редакции — 2-21-36.

Лицензия ЛР № 040429.

При перепечатке ссылка на «Краеведческий бюллетень» обязательна.

© **Общество изучения Сахалина и Курильских островов**

Сахалинская и Курильская
историческая библиотека

Д. Н. Крюков

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ В 1945—1948 ГОДАХ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

СОВЕТИЗАЦИЯ ЮЖНОГО САХАЛИНА И КУРИЛ

Районные гражданские управления встали на ноги. Уже половина аппарата состояла из советских граждан. В трестах и ведомствах также прибавилось наших, хотя еще много работало японских специалистов и чиновников.

Начали регулярно прибывать пароходы с переселенцами, а также с продовольствием, сырьем и материалами для предприятий. На материк же во всех портах отгружали бумагу, уголь, рыбу. А впереди — уйма новых нерешенных вопросов. И главный из них — это в течение сорок шестого года осуществить юридическую советизацию Южного Сахалина и Курил, а именно: национализировать все хозяйство, обеспечить быстрое заселение возвращенных земель советскими гражданами; при наличии японского населения не нарушить производственной, культурной и бытовой жизни обоих народов.

Но до сих пор официально не был определен статус Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровский

Окончание. Начало в № 1—2 за 1993 г.
© Сахалинский областной краеведческий музей.

крайком этим практически не занимался, своих дел было много. Тогда я, посоветовавшись с Военным советом, дал шифровку на имя Сталина во второй раз. Подписали мы ее вдвоем с Пуркаевым. Шифровка была передана Маленкову и Косыгину, как мы после узнали. Московский аппарат, по сути, никакого представления не имел о Сахалине (1).

Маленков возмущенно позвонил первому секретарю Хабаровского крайкома Назарову: «Ну и порядки у вас! Крюков опять, минуя вас, обращается к Сталину. Рассмотрите их предложения и вышлите в ЦК. Учтите, шифровку подписал и командующий фронтом». Назаров тут же позвонил мне: «Почему опять обращаетесь в ЦК помимо нас?» Я ответил: «Право обращаться в ЦК предоставлено каждому коммунисту!» Назаров вспылил: «Это по личным вопросам, а не по делам области. На днях мы созываем пленум, так что готовься, заслушаем».

Мы вместе с Военным советом составили и рассмотрели производственный план на 1946 год. Наметили по промышленности довести производство продукции до уровня производства японцев в 1940 году, по сельскому хозяйству увеличить производство картофеля и овощей на 20 процентов. Провести реконструкцию и расширение ряда предприятий и значительное культурно-бытовое строительство. Правда, порядок работы пока оставался старый — с японской администрацией.

Вдруг за три дня до пленума крайкома мы получили шифровку из Москвы о вызове на бюро Совета Народных Комиссаров СССР Назарова, Леонова и меня. Звоню Назарову: «Как теперь с пленумом?» Он: «Пленум проведут без нас, твой вопрос отложим, собирайся быстрее, от Хабаровска поедем поездом».

В запасе у нас было два дня. Все это время наш аппарат работал и день, и ночь, почти без перерыва. Подготовили доклад и даже составили большую карту, на которой разместили новые районы, основные предприятия и сельхозугодья. В ту ночь я не был дома, пришел лишь на следующий день в одиннадцать часов, чтобы сказать, что в три вылетаю с Леоновым в Хабаровск. Возможно, на месяц. Новый год встречайте одни.

Вечером уже были в кабинете Назарова. Договорились по всем вопросам, которые будем ставить в правительстве. Ночевал дома (в квартире жила старшая дочь, студентка мединститута). Утром приехал на вокзал. На перроне со-

бралось более двух десятков провожающих. Секретари крайкома, председатель крайисполкома, работники НКГБ, военные, родственники. Поодаль — толпа зевак. Гадают, какой тут начальник самый главный. К Назарову жмется его супруга Анна Семеновна. Она не знает, что в запертом купе давно сидит «вторая» жена Назарова — машинистка-стенографистка. Я страшно не любил эти показные, парадные проводы начальства. Но вынужден стоять с Леоновым возле Назарова.

Наконец свисток. Все обнимаются, целуются, хотя знаю: некоторые просто ненавидят друг друга. Но вот поезд трогается. Когда проехали мост через Амур, Назаров предложил сегодня не работать, отдохнуть, сыграть в домино. Тут же его помощник с девушкой накрыл стол. Пришла разодетая, с пышными длинными волосами, не такая уж красивая, но статная, свежая, лет тридцати машинистка-стенографистка. Я недавно узнал, что у нее от Назарова растут двое детей. Позднее в Москве в Академии общественных наук, куда Назарова направили на курсы, рассматривалось его дело. Оказалось, он снял в Москве квартиру, привез в нее любовницу и там жил с ней. А жена металась по столице, искала его неделями, просила помочь знакомых. Наконец написала жалобу в ЦК. Назарову объявили выговор, сняли с работы и послали в г. Иванов секретарем парткома текстильной фабрики.

Утром после завтрака дал по экземпляру своего доклада Леонову и Назарову с тем, чтобы прочли и высказали замечания, предложения. К вечеру они прочли, и мы из нашего спецвагона пошли в ресторан встретить Новый год. Затем пять дней под стук колес я диктовал машинистке заново переделанный доклад.

В Москве нас встретил начальник отдела подготовки местных вопросов Кузнецов. Договорились завтра с утра встретиться в специально выделенной нам рабочей комнате в здании Госплана. Кузнецов забрал у меня доклад и проект постановления с тем, чтобы размножить их.

На следующее утро нас принял Микоян, а вечером—Косыгин. Они просмотрели наш проект, перечеркали его и сказали, чтобы в течение недели, сократив доклад, подготовили новый проект, согласовали его с министерствами и взяли от них визы. Назаров сразу от нас отбился, заявив, что у него куча дел в ЦК.

Мне выдали двухмесячный пропуск в Кремль и в здание

Госплана. В нашей рабочей комнате я попросил Кузнецова ускорить дела, хотя бы за три дня подготовить наш вопрос. Он засмеялся: «А месяц, максимум, не хотите?». Действительно, когда стали встречаться с сотрудниками министерств для согласования пунктов проекта постановления, то начали приходить заведующие отделами, консультанты, юристы, редко — заместители министров. Тут началась с ними «торговля»: что включать, что не включать, как написать текст. Спорили порой даже из-за одного слова. Но когда все утрясали, оказывалось, что окончательно решить вопрос они не правомочны; говорили: дескать, доложим министру, он и решит, надо визировать или еще изучить вопрос. Тогда я понял, что для согласования такого большого проекта и месяца не хватит. Ну и бюрократы! Никому и дела нет, что у нас там, на Сахалине, неотложные дела. Намучившись в приемных разных чиновников, я пошел к Микояну и сказал, что сахалинский вопрос продвигается очень медленно. (В этом месте рукописи отсутствуют две страницы. Когда и кем они были изъяты, сейчас установить не удалось. Но точно известно, что речь в них шла о встрече Крюкова со Сталиным. Сохранилось лишь окончание описания этой встречи. — **Прим. ред.**).

...начал мне опять задавать вопросы о том, какие у нас богатства. Я показал по карте, где нефтеносные и угольные районы, где идет добыча леса, где находятся бумкомбинаты. Назвал предполагаемые запасы нефти, угля и леса. На вопрос, какой там климат, сказал: «Жить там можно». Микоян вставил: «Он живет там четырнадцать лет (Микоян имел в виду мою работу на севере острова)». Я продолжил: «Природа богаче, чем в Крыму, даже дикий виноград растет, и очень много на склонах гор бамбука и стелющегося кедра. Климат на побережье влажный, а внутри острова континентальный. Выращивать там можно все сельхозкультуры средней полосы России». Выслушав меня, Сталин сказал: «Ваша задача — быстрее наладить там все хозяйство и хорошо принять переселенцев. Да, они уже подъезжают?» Я ответил: «Уже несколько тысяч человек прибыло». Сталин: «Где вы их размещаете?» Я сказал: «С согласия японцев, подселяем на свободную площадь». Сталин взглянул на Микояна, но ничего не сказал. Затем произнес: «Если где заскрипит, обращайтесь к товарищу Микояну. К японцам относитесь лояльнее, — и, помолчав, добавил: — Возможно, будем дружить с ними».

Аудиенция закончена. Я поклонился и вышел. Микоян остался у Сталина. Только в приемной я почувствовал, что от волнения весь вспотел и ничего не заметил в его кабинете, кроме стола. Бывает же! Мои карты, доклад и конспект не потребовались. Тот же товарищ (очевидно, о нем было сказано на отсутствующих в рукописи страницах. — **Прим. ред.**) подошел ко мне и проводил до гостиницы. Дорогой в машине он сказал, чтобы о вызове к Сталину я не распространялся. И я понял, что надо молчать. И молчал около тридцати лет.

18 января на два часа дня назначен мой доклад на заседании большого бюро правительства. Мы с Леоновым явились в Кремль к часу. Позднее появился Назаров. Тогда большое бюро проходило дважды в месяц. На него вызывались чуть ли не все министры и много других лиц. Мы зашли в приемную и отметились о явке. Заседания проходили в том же зале, где проводил их Ленин. Из приемной вход в него налево, а в другом конце зала — дверь прямо в рабочий кабинет (известный во всем мире) Ленина. В зале длинный широкий стол и стол поперек него, в виде буквы «Т». За ним сидят председательствующий и члены бюро. У самой стены стоит плетеное кресло Ленина, в него никто не садится. Направо из приемной — дверь в большую комнату-«ожидалку» с большим столом, стульями и буфетом. Здесь минеральная вода, подается чай с бутербродами. В зал заседания вызывают лишь тех, кто связан с обсуждаемым вопросом. Часто один министр вызывается по три-четырем вопросам и проводит здесь весь рабочий день.

За этим столом в «ожидалке» варится вся кухня: министры оформляют друг с другом распоряжения, решают свои межведомственные вопросы и т. д. Вскоре и я, имея постоянный пропуск, заходил сюда и приспособился решать кое-какие вопросы.

Два часа. На наш вопрос приглашено более двадцати человек. Председательствует Вознесенский, рядом с ним Молотов, Микоян, Косыгин, другие члены бюро. Вознесенскому тогда было около сорока лет. Говорили, это будет выдающийся политический деятель и ученый. Я его вижу первый раз. Он показался мне грубоватым. Мы все трое сели у конца стола. Вознесенский объявил: «Слушаем о делах Южного Сахалина. Товарищ Крюков здесь?» Я встал и ответил: «Здесь». Он сказал: «Проходите сюда». И указал место возле их стола. Мы с Леоновым прошли и сели возле

их стола. Назаров не пошел. Я начал доклад. Проходит двадцать минут, меня не перебивают. Начал говорить, как японцы реагируют на наши мероприятия. И вдруг вошел Сталин, немного постоял у стола, наклонился к Вознесенскому, о чем-то тихо спросил его, подошел к карте, посмотрел и стал ходить, раскуривая трубку. Я занял докладом полчаса. Сталин, еще раз подойдя к Вознесенскому, что-то сказал и ушел (2).

Вопросов было много. Мы с Леоновым хорошо отвечали. Выступать никто не стал. Прошел уже час. Вознесенский внес предложение: поскольку проект ряд министерств завизировал с оговорками, а в ходе обсуждения возник еще ряд вопросов, надо создать комиссию по редактированию проекта под председательством Косыгина.

Из Кремля мы отправились в гостиницу, пообедали. Затем Леонов повез меня в военную мастерскую к знакомому портному, чтобы сшить мне генеральскую форму. «В слишком незавидном костюмчике ты ходишь», — сказал он. А мое «генеральское» сукно украли из «краба» во время пожара. Через неделю в мастерской все для меня было готово, и я перед начальством уже появлялся в приличном виде.

Дважды собирались у Косыгина, договорились по всем вопросам, кроме одного, — по штатному расписанию. Зверев (Минфин) никак не соглашался с нашими предложениями. В частности, и по северным льготам, и льготным ценам на рыбу. Дня за два до бюро мне позвонил Емельянов и сказал, что они на Сахалине перехватили письмо, в котором сообщается, что в Японии усиленно ходят слухи о проведении девальвации иены и обмене на новые деньги в десятикратном размере. Девальвация намечается на начало марта; вопрос этот решен Макартуром с согласия императора.

Я немедленно позвонил Микояну, передал разговор с Емельяновым и сказал, что, видимо, надо срочно избавляться от японских иен, а они есть у советских граждан. Микоян спросил: «А сколько на Южном Сахалине японских денег?» Я ответил: «Проверка в банках показала, что около тридцати миллионов». Микоян: «Ну вот об этом и доложи на бюро, там посоветуемся».

Второго февраля в час дня мы снова были приглашены на бюро. Председательствовал Молотов. Приглашенных больше, чем в первый раз. Докладывать мне не пришлось. Сообщение сделал Косыгин, сказав, что не договорились только

по трем вопросам. Недовольный Вознесенский грубовато бросил Звереву: «Всегда ты что-нибудь затеешь». Зверев ответил: «Я не могу швыряться государственными деньгами». Вознесенский зло: «По-твоему, Совет Министров ими швыряется». Молотов оборвал их спор, заявив, что постановление надо принять и товарищам возвращаться на место. Никто не возражает, все молчат. Молотов спрашивает, есть ли у кого вопросы. Я попросил слова и сказал о предстоящей девальвации японской иены. Молотов спросил председателя Госбанка Голева: «У вас есть какие-либо данные?» У него не было никакой информации об этом. Встал Микоян и заявил, что он звонил Шикину в Маньчжурию — тот подтвердил слухи, и получил от него поручение: немедленно закупить для Сахалина на 30 миллионов иен сои, гаоляна, риса.

И тут неожиданно началась перепалка. Вознесенский спросил: «А почему 30 миллионов?» Микоян: «По подсчетам Крюкова». Вознесенский: «Неверно. Мне сейчас Голев сообщил, и Минфин подтверждает, что на Сахалине должно быть не менее ста двадцати миллионов». В общем, оба разгорячились, дошли до оскорблений друг друга. Например, Вознесенский сказал Микояну: «Надо знать политэкономию». Микоян ответил: «Знаем, кто ее пишет!» Молотов с трудом успокоил их. В общем, решили провести обмен японских иен на советские деньги по действующему на Южном Сахалине паритету; обмен начать через неделю и провести его в десятидневный срок. Отправить на Сахалин для этой работы самолетом одного из замминфинов. Молотов поставил вопрос на голосование. Вознесенский был против.

Через день снова собрались у Микояна. Были Косыгин, Зверев, Голев, Ишков, еще ряд министров. Микоян спросил Зверева: «Ну как, договорились с Крюковым?» «А мы еще не встречались», — ответил Зверев. Я доложил, что министр Павлов как будто согласился на льготные цены на рыбу, но его заместитель Ишков вдруг сказал: «Анастас Иванович, мы тут потеряем кругленькую сумму». Микоян неожиданно вспылил, бросил проект на стол и крикнул: «Я, старый дурак, связался с Сахалином, а тут каждый учит!..» Все же и о северных льготах, и о надбавках договорились, о ценах на рыбу тоже, а по штатному расписанию Микоян предложил Звереву и мне договориться завтра же. Зверев сказал мне: «Приходи с утра».

Утром за полчаса до рабочего дня пришел на Ильинку.

Оказывается, Зверев уже на месте. В приемной уборщица. Зашел в кабинет, поздоровались. Он спросил: «Завтракал?» Я ответил, что выпил на ходу стакан кефира. Он позвал уборщицу и послал ее в буфет за крепким чаем и бутербродами. Буфетчица принесла чай и целую тарелку бутербродов с колбасой, ветчиной, сыром и маслом. Зверев сложил на масло сыр и колбасу и пьет чай с удовольствием. Я, следуя его примеру, впервые составляю такой слоеный бутерброд и думаю о Звереве: «Так вот почему ты такой толстый».

Завели разговор о Сахалине, а главное — об охоте и рыбалке. Оказалось, он страстный охотник и рыболов. Я рассказал ему о нашем охотнике Малыгине, который убил 55 медведей, а 56-й его покалечил, едва спасли в больнице. Прошел почти час, нам повторили чай; секретарю Зверев сказал, что занят, пусть подождут. Я рассказал, как с Папаниным ездил в море ловить треску. В Рыбновске ловили тайменей. На озерах охотились на уток, гусей. Прошел второй час. Наконец Зверев вызывает своих заместителей и говорит: «Ну что, дадим Крюкову штат 38 человек? Может, дадим еще пару инспекторов к финотделу?». Так решили все вопросы и дружески попрощались (3).

В день отъезда я получил один экземпляр постановления Совета Министров Союза № 263 от 2 февраля 1946 года о Южном Сахалине и Курильских островах. С этого дня юридически оформилась Южно-Сахалинская область, живущая по советским законам, примененным полностью и к японскому населению. Было окончательно утверждено и ее административное деление на одиннадцать районов, без Курил, где позднее создали еще три. Еще на два года, т. е. до конца 1947 года, было сохранено областное Гражданское управление с оперативным подчинением ему партийных, профсоюзных, советских и всех других органов. На местах были сохранены японские мэрии, а в городах созданы гражданские управления.

Как только вернулся домой, я написал приказ об обмене японских иен на советские денежные знаки в течение шести дней. Для обмена было создано сорок пунктов при банках и сберкассах. Основная масса денег была сдана населением за четыре дня. На седьмой день, имея данные — сдано 28,4 миллиона иен, — я позвонил Микояну. Он обрадованно сказал: «Замечательно! Немедленно отправляйте все иены в Маньчжурию». К вечеру все деньги мы погрузили на само-

лет, и ночью он вылетел. А через две недели к нам начали подходить пароходы с гаоляном, чумизой, соей, пайзой и рисом. Это были запасы для японского населения на два года.

Гражданское управление, все наши тресты и ведомства, около тысячи коммунистов из более чем сорока парторганизаций, ознакомленные на закрытом совещании с постановлением правительства № 263, приступили к его выполнению. Мы уже были в состоянии поставить во главе всех крупных предприятий и организаций советских работников, оставив заместителями японцев. Инженерно-технический состав и рабочие тоже в большинстве своем — японцы. Нужно было и среди них проводить работу. Поэтому на русском и японском языках были опубликованы выдержки из постановления и комментарии к ним. Все предприятия и учреждения были переведены на 8-часовой рабочий день. Японцы были уравнены с советскими гражданами в зарплате за одинаковую работу; женщины получили право на труд и оплату его наравне с мужчинами; все получили право на отпуск.

Надо сказать, что эти мероприятия японцами были встречены восторженно. В Гражданское управление и в редакцию газеты поступали письма. Вот письмо рабочего Мацудзи из г. Поронайска: «Работаю 8 часов в день. Получаю достаточно продуктов питания. Живу с семьей безбедно, радостно, счастливо. Смотрю, больше и лучше стало обрабатываться полей, больше работает рыбных промыслов. Нам дают бесплатно одежду, инструмент, автомашины. Все мои друзья-японцы довольны жизнью. Мы берем на себя обязательство: в ответ на эти заботы о нас работать еще более прилежно».

А это заявление рабочих мыловаренного завода начальнику Гражданского управления: «Мы видим, ваши власти управляют государством в угоду народу. Все японцы Карафуто ведут весьма спокойную жизнь. Хочется с радостью сотрудничать с вами. За эту работу нельзя не выразить глубочайшей признательности руководству армии и гражданскому управлению. Мацузаки Тосио, Судзуки Ионисуке и прочие».

Большая группа работниц хлебозавода писала: «Введение для нас советских трудовых законов вызвало большое чувство радости у всех японских женщин. Впервые мы встречаем Международный женский день и радуемся. Ведь толь-

ко здесь нам дали одинаковые права на труд и зарплату с мужчинами. Мы своим трудом вполне обеспечиваем безбедную жизнь своих близких, стариков, родителей и маленьких детей, братьев и сестер. Выражаем за все это благодарность Советскому правительству».

В газету «Новая жизнь» написал главный инженер шахты «Тайхей» Искгоока Такаси: «В период войны шахта «Тайхей» не работала. Оборудование пришло в негодность. Кто же были те, что восстановили работу шахты? Это была Советская Армия. Я как технический руководитель шахты восхищен этой работой. Советское правительство проявляет большую заботу о шахтерах. Материальное положение шахтеров улучшается. Ряд шахтеров из месяца в месяц получают по 4—9 тысяч рублей при рабочем восьмичасовом дне. Шахтеры, русские и японские, обмениваются опытом. Нет сомнения, шахтеры будут работать еще лучше».

В марте 1946 года мы устроили праздник Международного женского дня на ряде предприятий и для японских женщин, освободив их от работы. Вечером политотдел провел собрание. Лучшим производственницам вручили подарки. Они были удивлены и обрадованы.

До этого они работали по японским законам 12 часов в сутки, а в мелких мастерских — до 14 часов, отпусков почти не было. За любой проступок их штрафовали, били, увольняли.

В течение февраля и марта, не нарушая нормальной производственной деятельности, мы провели полную национализацию всего хозяйства Южного Сахалина и Курил. Одним словом, вся экономическая и политическая жизнь была переведена на советское начало с ликвидацией всех японских учреждений и администрации. Были прекращены взаимные задолженности рабочих фирмам и предприятиям (списали). В итоге, если к началу января на крупных предприятиях работали 57 тысяч, то к началу репатриации — более 100 тысяч японцев.

Производственная деятельность и выработка продукции значительно возросли. В успешном выполнении планов нам очень помогла и возможность (при единоначалии) маневрировать рабочей силой. Например, зимой после сильных заносов начали отставать лесозаготовки, а у рыбаков в это время было затишье. Так вот: мы рыбаков бросили на помощь лесникам, и план был успешно выполнен. А весной и осенью большинство рабочих лесной промышлениости

было направлено на обе путины, и лов сельди и кеты провели с перевыполнением.

Многие японцы не только хорошо работали на производстве, но участвовали в благоустройстве городов, поселков, на строительстве мостов и дорог, тротуаров, участвовали и во всех наших манифестациях, и революционных праздниках, играх. Если 7 ноября 1945 года они были лишь зрителями (тогда командующий фронтом Пуркаев не на машине, а на белом коне в сопровождении группы командиров объезжал и поздравлял с праздником Октябрьской революции военные соединения, затем произнес речь с трибуны и принял парад войск), то уже 1 Мая 1946 года на площадь пришли с флагами и транспарантами тысячи японских граждан. Вообще во всех городах Южного Сахалина хорошо прошли первомайские демонстрации.

СОВЕТСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В 1946—1947 годах в нашей жизни очень большое значение имели вопросы приема советских переселенцев и репатриации японцев. Далеко не все знают об этих двух больших политико-экономических и политических событиях, в общем-то редких в жизни народов. Действительно, нелегкая это задача: в течение двух лет выселить около четырехсот тысяч японского населения с острова, при этом не допустив ни одного конфликта, и одновременно принять и расселить около трехсот тысяч советских переселенцев без всякого административно-принудительного вмешательства, не нарушая всей производственно-хозяйственной жизни острова.

Вслед за прибывшей на Южный Сахалин осенью 1945 года группой работников, возглавивших учреждения, тресты, управления и крупные предприятия, на далекий остров двинулись шахтеры Донбасса и Подмосковья, бумажники Карелии, рыбаки Приморья и Каспия, курские, брянские, воронежские, орловские колхозники. Только за зиму 1945-46 года прибыло более 30 тысяч человек.

Для приема переселенцев в Корсакове было организовано несколько пунктов со столовыми и врачебной помощью. На пристани было несколько буфетов. Каждую группу переселенцев встречал я или Емельянов. Мы выступали перед ними, рассказывали об условиях жизни здесь, о перспективах, о том, что жить придется первое время вместе с япон-

цами. К каждой группе выезжали руководители трестов, ведомств. Они организовали перевозку переселенцев. Транспортом помогали военные.

Переселенцам, прибывшим работать на предприятиях, было легче устраиваться. Подселенные в дома японцев на излишнюю площадь, они сразу шли на производство, включались в дело. Труднее было переселенцам-крестьянам. Освоенные земли пока оставались у японцев. Мы не могли их отобрать. Только после репатриации японцев эти земли отошли к переселенцам. А до этого приходилось осваивать новые земли, создавать колхозы. Государство оказывало большую помощь бесплатными кредитами на строительство домов, приобретение скота, инвентаря, семян. Были завезены с материка 30 тысяч голов скота, тракторы, сельхозмашины.

Например, переселенцы колхоза «Красное утро» из Брянской области с весны 1946 года организовали колхоз у залива Анива. За два года они построили более 30 добротных домов, завезли 72 лошади, 20 дойных коров, построили свиноферму, пасеку, мельницу, электростанцию с плотиной на реке и заложили плодовый сад. Колхозник Егор Ершов через год писал на родину: «Я построил себе дом из трех комнат, имею корову, две телки, свинью с поросятами, трех овец. Рядом залив, рыбы всякой вдоволь. В лесу много ягод, грибов. Живем богато, только трудись. Урожаи хорошие, переезжайте к нам».

Проезжая по районам, я заглянул в колхоз «Большевик», организованный воронежскими переселенцами. Колхоз обосновался недалеко от моря в красивом распадке, у речки. Рядом, на горах, лес. По берегам речки полно малины, смородины, крыжовника, даже встречается дикий виноград. Уже построено несколько домов. Вечером я собрал людей, рассказал, как идет заселение острова. Колхозники довольны, но встает одна старушка и говорит, что все здесь хорошо: и заработки, и природа, но вот далеко от Бога завезли, ни одной церквушки во всей округе. Выступил колхозник Петр Беляев. Он сказал: «Я, братцы, считаю, лучше, чем здесь, места нет. Я так и брату написал. Поселились мы, как в саду, недалеко от моря. Дали нам ссуду 20 тысяч рублей. Колхоз семена купил, несколько коров завели. Посеяли пятьдесят гектаров картофеля, овощей и зерновых. Каждому дали в личное пользование по полгектара и по корове, на десять лет освободили от госпоставок. Рыбы — ешь — не хочу. Рыбакам помогаем ловить ее и зарабатываем до ста

рублей на нос в месяц. За год мы уже обжились и полюбили богатый край».

За два года этот колхоз перестроил заново 36 японских домов, срубил восемь двухквартирных добротных домов, клуб, баню, кузницу, конюшню, завел молочную ферму в 75 голов рогатого скота, 7 лошадей, 3 автомашины. Организовал бригаду и выловил за год 14 тысяч центнеров рыбы.

В Синегорской долине переселенцы из Горьковской области за один год построили целый поселок с клубом, библиотекой, школой, медпунктом, яслями. В центре заложили парк, под окнами домов — разные цветы. Колхоз завел три животноводческие фермы, пчелопасеку, парниковое хозяйство в 230 рам. За первый год колхоз выдал на трудодень в среднем с продуктами почти 20 рублей. Так, девушки Катя и Маша Лебедевы с братом, построив свое жилье, выработали 1200 трудодней и получили 8 тысяч рублей, 6 центнеров зерна, 10 центнеров картофеля.

Нельзя умолчать о нанайском рыболовецком колхозе (Поронайский район). Сюда с берегов Амура переехали 70 нанайцев. Лес им был дан бесплатно. Они сразу построили двадцать домов. План по лову рыбы выполнили на 140 процентов, каждая семья заработала по 10—15 тысяч рублей. На следующий год они создали четыре бригады. План по лову рыбы выполнили на 512 центнеров. Колхоз стал миллионером. Каждая семья уже заработала по 25—30 тысяч рублей.

Прибыли энтузиасты-садоводы. Так, садовод Леонтий Рыбак за три года заложил на Холмской опытной станции четыре сада. В них сотни плодовых деревьев: яблони, груши, сливы и вишни, 123 сорта ягодников. Садовод-агроном Д. Тарасюк завез саженцы с материка, организовал сад в шесть гектаров. Все саженцы привились и через два года давали плоды.

Сахалинская растительность оказалась богатой медоносами. С пасек опытной станции совхоза «Красная Тымь», где получали до четырех тонн товарного меда, в 1945 году выделили новым колхозам 200 ульев. Многие переселенцы привезли пчел с собой. Около сотни ульев завез из Приморья сельхозотдел, и почти все вновь организованные колхозы обзавелись пчелопасеками. Колхоз им. Горького уже в первый год от 50 ульев получил 4 тонны товарного меда, пасечник Шевляков (Невельский лищекомбинат) от 32 ульев

получил более тонны товарного меда. Мед появился на рынках.

В целом за три года было организовано 40 колхозов, 5 МТС и 4 совхоза. Пятый совхоз был создан из нескольких ферм чернобурых лисиц. Ему же была передана и эксплуатация котикового пляжа на острове Тюлений.

В организацию сельского хозяйства были включены все промтресты, предприятия и рабочие коллективы. Ими было создано более ста подсобных хозяйств. Усиленно поощрялись индивидуальное огородничество и разведение скота. Для этой цели было выделено до 8 миллионов рублей. Огородничеством, садоводством, пчеловодством к 1948 году занималось 65380 хозяйств, имея тысячи коров, овец, свиней, коз, большое количество птицы.

Все это позволило заложить фундамент для дальнейшего развития сельского хозяйства на острове.

Большой трудовой подвиг совершили переселенцы в промышленности и городском хозяйстве. Фактически не было ни одного предприятия, которое не требовало бы восстановления. А рыбную, лесную, пищевую промышленность надо было создавать заново. То же и с устройством быта. Уже с 1946 года мы не дублировали японский способ производства, решительно начали вводить свою технологию. Из Владивостока прибыли сейнеры, и у нас начался круглогодичный (вместо сезонного) лов рыбы. Если у японцев 67 процентов выловленной сельди шло на тук, то наши рыбокомбинаты, создав большие цементные посольные ёмкости, 94 процента улова пустили в посол и на заморозку, стали поставлять стране соленую рыбу и консервы. Только в первый год на реконструкцию рыбных предприятий было израсходовано 8 миллионов рублей.

Большую роль сыграла организация рыболовецких колхозов. За два первых года было добыто рыбы 2647 тысяч центнеров и выработано 7580 тысяч условных банок консервов. Расширили в два раза и выпуск агара.

В угольной промышленности в 1946 году было восстановлено 14 шахт (из них откачали более полутора миллионов кубометров воды). Укреплено 10 километров выработок. Восстановлены четыре углемойки и четыре углесортировки производительностью 2700 тонн в сутки. Создали мехремзавод. У японцев среднесуточная добыча угля составляла около двух тысяч тонн, а у нас к июлю 1946 года она была доведена до 6590 тонн. На Вахрушевском месторождении

была организована добыча угля открытым способом. За два года было добыто 4788 тысяч тонн угля. Проходка доведена до 95 тысяч метров в год, или увеличена в три раза. В том же, 1946 году были восстановлены два углеперегонных химических завода; они дали 58 тысяч тонн химпродуктов. При заводах организовали производство кровельного толя и брикетирование полукокса для отопления жилья. В Найбути была построена электростанция на 4300 киловатт. С начала 1946 года уже работало семь бумкомбинатов, а восьмой в Корсакове был переведен на производство картонной тары. Их мощность была более 200 тысяч тонн бумаги и целлюлозы в год, а японцы в свое время давали около 84 тысяч тонн бумаги и целлюлозы. Выработка у нас могла быть выше, но первое время отсутствовали сера, сульфат, каолин, другие химикаты. Тогда мы разработали известковый карьер и за год добыли 18 тысяч тонн известняка. Организовали и добычу серы на Курильских островах (до 200 тонн в месяц).

Большую работу проделали и лесники. Не имея механизированной производственной базы, трест «Сахалинлесдрев» сумел создать несколько леспромхозов. Например, переселенцы из Саратовской области, заготовляя лес, одновременно построили себе поселок с магазином, пекарней, баней, школой. Таких поселков было построено несколько, и за два года была заготовлена 1671 тысяча кубометров леса. Трест, обеспечив строителей области древесиной, пополнил запасы бумкомбинатов, организовал производство рыбной тары.

В связи с трудностями со снабжением населения пищевой продукцией и водочными изделиями (без чего русский человек жить не может), нам пришлось создать свою спиртовую промышленность На бумкомбинатах при варке древесины поставили установку по улавливанию из щелочей древесного спирта и перегонке его на пищевой спирт. Выработали его за два года 118 тысяч декалитров. После анализов его стали вырабатывать десятки видов водочных изделий, настоек, наливок, вплоть до коньяка. Интересно было наблюдать, с каким удовольствием покупало эту продукцию японское население.

Был достроен сахарный завод, затем за два года выработавший 21,2 тысячи тонн сахара из выращенной здесь свеклы. На острове Тюлений и на других «птичьих базарах» было заготовлено 120 тысяч штук яиц кайры, несколько сот

тонн мяса котика, акулы. Из них производилась колбаса. Заготовляли кедровые орехи, всевозможные ягоды, грибы, съедобные травы. За два года их было заготовлено 983,2 тонны. Организован был отстрел зверя и диких оленей

Много трудностей было в снабжении населения товарами ширпотреба. Были тут заводы по производству сакэ, полукустарным способом обрабатывались шкуры котиков, выпускались примитивная резиновая обувь, туалетная бумага, гончарные изделия. Но более 80 процентов изделий ширпотреба завозились из Японии. С началом войны, в 1942 году, этот завоз прекратился, и население осталось без ширпотреба. Нам в первую очередь пришлось заниматься расширением и далее строительством предприятий по производству японских национальных продуктов и различных товаров массового спроса.

Японское население в 1947 году, имея вполне хорошие заработки, покупало в советских магазинах почти все продукты и товары. Особенно хлеб, который они раньше совсем не ели. В связи с этим нам ничем так много не пришлось заниматься, как организацией местного производства. За два года мы построили 97 новых предприятий и реконструировали все старые. Вместо сорока видов стали вырабатывать около двухсот видов всевозможных пищевых продуктов, товаров ширпотреба и стройматериалов. Все это нам позволило бесперебойно снабжать продовольствием японское население до конца репатриации и постоянно прибывающих наших переселенцев.

Первых два года Совет Министров Российской Федерации Южному Сахалину не планировал развитие народного хозяйства, имея в виду восстановление, реконструкцию и строительство промышленных предприятий, прием и размещение переселенцев, репатриацию японцев. Гражданское управление установило план для всех отраслей промышленности на 1946-й — в 186 миллионов, а на 1947 год — в 214 миллионов рублей. Выработано же было продукции в 1946 году — на 222 миллиона рублей, а в 1947 году — на 262, или дан рост на 40 процентов. За три года область вывезла на материк и на экспорт товарной продукции: бумаги и целлюлозы — 166 тысяч тонн, деловой древесины — 450 тысяч кубометров, угля — 1530 тысяч тонн, рыбопродуктов — 1660 тысяч центнеров и консервов — 14,3 миллиона условных банок, а также десятки тысяч тонн химпродукции, кар-

тофеля и овощей, грибов, ягод, агара, пушнины, преимущественно шкур котиков, спирта и т. д.

За три года сюда прибыло и устроилось на работу наших переселенцев почти столько же, сколько было здесь японцев.

ДОМАШНИЕ ТРУДНОСТИ. ПЕРЕЕЗД В НОВЫЙ ДОМ

Наше переселение в бывшую резиденцию вице-губернатора не принесло нам удовлетворения и спокойной семейной жизни. Прожили мы в этом доме почти полтора года, и моя жена Дуся устроила бунт, заявив: «Давай переедем в трехкомнатную квартиру, и ты хоть не будешь приводить своих гостей».

Действительно, все именитые гости из Москвы и Хабаровска без всякого стеснения заявлялись ко мне и оставались ночевать. Летом мы предоставляли им японские комнаты с раздвигающимися стенками внутри и циновками на полу. В них было свежо, чисто, а зимой гостям уступали спальню бабушки, а она перебиралась на кухню. Мы не могли не кормить их — сами садились и их приглашали за стол. Готовили питание, доставали продукты, мыли посуду, стирали постельное белье, гладили, убирали комнаты Дуся и бабушка. Прислуги у нас, кроме как в «крабе», нигде не было, а жили у нас гости не днями, а неделями. И Дуся мне говорила: «Ты наш дом превратил в гостиницу. У меня не хватает продуктов. Не хватает денег: ведь и яйца, и творог, и мясо я беру на рынке. Поесть они любят». Я отговаривался: мол, денег тебе дам. Она протестовала: «Ничего не надо. Отдай дом под гостиницу, а мы переедем...».

После Полянского (инспектора ЦК) за лето дважды приезжал Назаров с двумя помощниками, да еще при отъезде на посадке в самолет вывихнул ногу. Нога распухла, и он вернулся к нам и две недели лежал в постели. После него приехал секретарь крайкома Мамонов с женой: захотелось Сахалин посмотреть. За ним следом явился другой секретарь — Акулов. Крайком партии решил заслушать мой доклад, и Акулов прибыл готовить вопрос. Пришлось с ним побывать в ряде городов.

Как-то выехали на «додже». Шофер — японец. Охрану я не взял. Акулов ворчал: «Нельзя без охраны. Еще угробят нас». Я сказал ему, что к вечеру вернемся. Приехали в Аниву. Рыбные промыслы тянутся по берегу на десятки кило-

метров. Дальше, к лесам, — поля, огороды, много садят овощей. Неплохо развито скотоводство. Живут тихо. Осмотрели несколько предприятий, побеседовали с японскими рабочими. Начальник районного управления пригласил нас к себе на обед. Но перед обедом я решил сходить в парикмахерскую. Пришли с Акуловым. Японцы усадили нас в кресла, опустили их почти в горизонтальное положение, и мы лежали. Наши пыльные пиджаки ушли в чистку. Нас вымыли, лица напарили горячими полотенцами, затем так мягко брили, что я не чувствовал бритвы. Когда вышли, Акулов спросил: «Как себя чувствуешь?» Я сказал: «Прекрасно!» Акулов: «А у меня, когда положили, возникла мысль: ну, думаю, сейчас полоснут по горлу, и ищи ветра в поле». Я засмеялся: «Мы не одни, за городом стоит не один полк».

Пришли к Куликову. Жена — москвичка, учительница, сказала, что очень скучно здесь. Пришел и мэр. Молодой японец, исполнительный. Пошутил насчет двоевластия, но вообще считает, что с русскими работать проще.

Из Анивы приехали в Корсаков. Город понемногу восстанавливается. Рыбаки строят барак для переселенцев, которые уже едут. Бумкомбинат уже выпускает картонную тару. Заехали на завод агар-агара. Обратно решили поехать через русскую деревню. Я в этих местах еще не бывал. Шофер тоже не знал дорогу; встречные говорили, что проедем хорошо, на пути шесть селений. Но ехали трудно, дорога была сильно размыта. Стало темнеть.

Заехали в какое-то селение. Нашли мэра, японца. Сказал, что заготавливают корма, скота порядочно, есть картофель, зерно, продуктов хватает. Установили им радио. Проводят из Корсакова электричество.

Поехали дальше. Дорога стала лучше. Наконец подъехали к русской деревне. Расположена она на высоком склоне горы, как говорится, на юру. Лес кругом вырублен, земли плохие. Полтора десятка старых, русского типа домишек, в каждом по две семьи, всего до сорока семей. Все влачат жалкое существование. Я посоветовал им перебираться на Поронай, в леспромхоз, — там места получше и высокие заработки. Мы считали, что в 1905—1925 годах на японскую сторону ушло более тысячи семей кулаков, торговцев. Они разъехались по селениям и городам, занимались торговлей, извозом, плотничали, столярничали. В японское подданство их не принимали, многие уехали в Маньчжурию.

Позднее оставшихся русских японцы собрали как бы в резервацию и дали им старосту. Вот и живут. Школы нет, детей учат русскому языку сами. Ходят ребятишки в японскую школу в город, взрослые ездят только по разрешению старосты. Теперь многие работают переводчиками в Тойохаре. О прошлом они почти ничего не говорят, боятся.

От них мы взяли проводника, заехали еще в один японский поселок. На свет зашли в дом, там полно людей. Оказывается, попали в дом мэра. У него обсуждают приказ губернатора о подготовке к уборке. Поговорили с ними и поехали в город.

На следующий день Акулов отказался ездить по Сахалину. Через три дня отбыл в Хабаровск.

За это лето у нас побывали другие секретари крайкома, наш сосед с Северного Сахалина Мельник, лектор ЦК Кирсанова, жена Емельяна Ярославского. Это был приятный гость; вечерами мы слушали ее рассказы о жизни с мужем за границей, о знакомстве с Лениным. Было много других гостей. Уезжая, как правило, были довольны, благодарили, заверяли в дружбе и уважении. Но тут же забывали об этом. И когда я, бывая в командировках в их краях, сталкивался с ними нос к носу, никто не приглашал к себе. Это обычная черта большинства партийных и советских, да и других больших работников: внимание к себе они воспринимают как должное, а восходя вверх по служебной лестнице, отворачиваются даже от друзей.

Не успели мы прожить первое лето, как в коллективе нашего дома произошло в общем-то трагическое событие. Мой шофер Иван, а все его звали Ваня, добросовестный, исполнительный, немного простоватый, веселый парень, отлично исполнял свои обязанности. Но у него был сменщик японец. Жил он недалеко от нас в небольшой квартире с женой, двумя детьми и сестрой. Японца звали Тосик. Работая вместе, Иван и Тосик подружились. Японец часто приглашал к себе в гости. За его простодушие, доверчивость вся семья к нему привязалась, а между сестрой Тосика и Иваном возникла любовь. Как-то в пути Иван сказал мне, что решил жениться на японке. Я покачал головой. Тогда он спросил: «Что, разве русскому нельзя жениться на японке?» Я ответил: «В принципе, можно. Но ее надо принять в советское подданство, а это... правительство запретило». Иван сник. Я сказал ему, что такие случаи уже были, ничего хорошего не вышло, и, желая хоть как-то

успокоить Ивана, сказал: если хочешь остаться здесь после демобилизации, то ищи русскую девушку.

Иван жил вместе с охраной и, естественно, рассказал ребятам о своем желании жениться на японке и остаться здесь. Ребята ему посочувствовали, сказав: дескать, брось, против власти не попрешь. Кое-кто обещал: мол, подыщем тебе невесту. И действительно, познакомили его с Олей. Не красавица, но с веселым характером, трудолюбивая, скромная. Понравилась она и нашей бабушке, и она выступила в роли свахи. Короче, поженили их.

Японочка, узнав о его женитьбе, плакала, приходила посмотреть на свою соперницу, но Тосик с Иваном дружбы не терял. Около года молодые жили дружно, подыскали себе квартиру. Но Иван часто уезжал в командировку, а Олю, как говорится, бес попутал. Был у нас в охране сержант Саша, он и красивее, и умнее Ивана, ходил всегда чистенький, подтянутый, не то, что трудяга Иван. Вот этот Саша наговорил Оле, что муж ее ходит к японочке, а сам Олю превратил в свою любовницу. Узнав об этом, я добился того, чтобы этого ловеласа вернули в часть. Его убрали от нас; он бросил Олю, в подавленном состоянии был Иван. В общем, если бы жизнь молодых людей складывалась с самого начала так, как они хотели, может, такой печальной истории и не было бы.

Осень и зима 1946 года прошли в больших заботах о выполнении плана промышленного производства, об уборке урожая. К тому ж это время было разгаром приема переселенцев и репатриации. Я часто выезжал в города, проверял, как проходит подготовка японцев к отправке в Японию. Это был, безусловно, тяжелый труд. У меня болела не раз побитая до сотрясения мозга голова, и я почти всегда освежал ее холодной водой и ложился спать. Начинались упреки жены: «Вот работаешь по 16—18 часов в сутки, ночей не спишь, а кому нужна твоя работа?» Я: «Обществу, Родине». Она: «Кто это видит и знает? На Северном Сахалине ты неделями мотался на нефтепроводе и в Охе, а когда стали награждать за пуск нефтепровода, то кому дали орден? Первому секретарю. А тебя забыли». Я: «Хватит тебе. Может, он в кабинете больше сделал, и всегда в области секретарь в первую очередь награждается. А потом, я не за награды работаю, а за совесть». «А во второй раз награждали нефтяников, — продолжала жена, — а вас, ни Мельника, ни тебя, не наградили. А вот Голуба, который только

что прибыл работать вторым секретарем, а раньше кем-то там в ЦК был, наградили орденом. Это что, справедливо?» Я промолчал. Действительно, на торжественном вечере мне пришлось вручать награды нефтяникам. Народу — полон зал. При вручении награды каждому бурно аплодируют. Объявляю, что орденом Трудового Красного Знамени награжден Голуб, а зал молчит. Тишина. Кто он такой, что сделал, никто не знает. Мельник сидит в президиуме и молчит. Все понимают: в связи с 30-летием организации нефтепромысла следовало бы наградить первого секретаря Мельника, а тут какого-то...

Так меня не раз донимала жена. Наконец я ей заявил: «Ты, вот что, брось эту муть разводить! Посмотри, на фронте миллионы отдали жизнь... Об орденах, что ли, думали?»

Но с переездом из особняка ей пришлось уступить. Мэр города подыскал нам в центре города небольшой японский домик, сложили в нем печку. Дом этот стоял на улице Макарова с выходом на улицу Сталина. Переехав к осени, мы стали наводить порядок в небольшом дворике, сделали клумбы, посадили черемуху, сирень, рябину, вишню. Наша бабушка весной завела шесть кур и петуха. Но не прошло месяца, как у нас кто-то выкрал всех кур.

ОБРАЗОВАНИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕПАТРИАЦИЯ

После образования Южно-Сахалинской области в составе Хабаровского края мы оказались в затруднительном положении. Краевым организациям (в крае было семь областей, три национальных округа и четыре района) было явно не до нас. Но зато все, что выделялось для нас Совмином, застревало где-то в крае. Там понимали, что мы к ним прикреплены временно.

Видя, что область наша застрянет в своем развитии, Гражданское управление и командование фронта послали обоснованную шифровку Сталину с просьбой образовать Сахалинскую область, включив в нее весь Сахалин и Курильские острова.

Вслед за этим, получив «добро» от ЦК, я вылетел в Москву. Бывший тогда Председателем Совета Министров Федерации А. Н. Косыгин поддержал нас, и вопрос был решен удивительно быстро. Я побывал у Микояна. Он расспросил

о положении дел на Сахалине, помог решить мне ряд вопросов по материальному снабжению области. 2 января 1947 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Сахалинская и Южно-Сахалинская области (с Курильскими островами) были объединены в одну Сахалинскую область, а 18 апреля 1947 года центром области был установлен город Южно-Сахалинск. В состав области вошли 21 район, 8 городов областного подчинения, 11 городов районного подчинения, 25 рабочих поселков и 107 крупных селений.

Когда был опубликован указ, то возмущению Хабаровских партийных и советских органов против нарушения субординации не было предела. Назаров звонит: «Почему ты нарушил партийную дисциплину? Мы обсудим твое поведение на бюро, объявим выговор и отзовем». Звонил Мамонов с нагоняем: мол, что, нажаловался, что мы тебе не помогаем? Звонили другие секретари, Калинников и Акулов, тоже разделывали меня, как могли. Акулов сказал, что они направят ко мне комиссию, разберутся и всыпят. Но вскоре весь этот телефонный шум улегся; никто меня в Хабаровск так и не вызвал.

7-го марта было создано оргбюро обкома партии. При утверждении в ЦК моей кандидатуры на председателя, рекомендованной политотделами, Маленков опять отвел. Председателем оргбюро был утвержден Мельник Дмитрий Никанорович, первый секретарь Северо-Сахалинского обкома партии, а я остался возглавлять Гражданское управление, будучи членом оргбюро. Я тогда же передал ему все руководство партийными делами, а через два месяца наш политотдел целиком влился в оргбюро обкома партии.

Двадцать месяцев мы с Богачевым руководили партийной работой на Южном Сахалине и Курилах. Все партийные организации входили непосредственно в политотдел. Ни горкомов, ни райкомов не было. Вместо пленумов и конференций мы ежеквартально проводили совещания при политотделе с участием всех секретарей, они тоже избирались на общих партийных собраниях. На совещаниях слушали вопросы партийной, культурно-массовой работы с населением, о подборе и воспитании кадров на производстве, о проверке выполнения приказов Гражданского управления руководителями главков, трестов, предприятий и учреждений. Часто была жестокая критика. Это очень помогало нам правильно решать вопросы политико-экономической деятельности всех организаций в развитии хозяйства области. Ру-

ководство было конкретным. Меньше было заседательской болтовни, суеты, бумажной волокиты. Так что вся наша партийная организация работала очень напряженно. Политотдел, возглавляемый Петром Богачевым, увязывал свою работу с политотделом фронта.

В конце 1945 года у нас было всего 19 парторганизаций, насчитывавших 355 коммунистов. Но с приездом переселенцев парторганизации быстро росли. Уже в конце 1946 года насчитывалось 207 первичных организаций, в них были 4157 коммунистов. Создали 173 комсомольские организации, в них состояло более 2200 комсомольцев; их обслуживал сектор политотдела по комсомольской работе Гражданского управления. Именно коммунисты и комсомольцы поднимали всех трудящихся и японское население на трудовые дела. Сами первыми выполняли месячные и годовые планы на 110—200 процентов и вели большую политико-массовую работу среди населения.

Характерно, что мы почти не имели партийных и комсомольских нарушений и разбирали в комиссии менее десятка дел в месяц. Ко дню первой партийной областной конференции, к 28 октября 1947 года, в области насчитывалось 780 партийных организаций. Они объединяли 12300 коммунистов.

Вскоре после создания оргкомитета развернулась большая работа по репатриации японского населения. Репатриация (выселение японцев с Южного Сахалина) происходила по особо заключенному договору с главнокомандующим войсками США, по существу, оккупировавшими всю Японию. Советский Союз обязался подготавливать и сдавать на пассажирские пароходы США (прибывавшие по утвержденному обеими сторонами графику в Холмский порт) японцев группами по 2—3 тысячи человек. Причем, чтобы среди них не было ни одного больного и дистрофика, чтобы все они были достаточно тепло одеты. Японцам разрешалось брать с собой до центнера одежды и имущества домашнего обихода. Исключались денежные знаки японские и советские, золото. Для подготовки к приему, посадке и вывозу японцев мы вынуждены были вместе с командованием фронта организовать в Холмске две службы в виде лагерей. Одна — почти на уровне санатория. Там бесплатно кормили японцев в течение двух недель, а особо истощенных — до месяца. Затем перед выездом выдавали ватные тужурки, шаровары и ботинки, поскольку у многих одежда была потрепана. Вторая

служба была в виде госпиталя, где проводили санобмотр и лечили больных и имеющих травмы.

Председателем репатриационной комиссии с соответствующим штатом был назначен решением правительства я, начальник Гражданского управления. Отбор и отправка репатрируемых по очередности семьями были поручены начальникам районных гражданских управлений вместе с японской администрацией. Очередность была установлена такая. Вначале выезжают руководители и владельцы разных предприятий, торговцы, чиновники и другие буржуазные элементы, часть интеллигенции, служащие лица, имеющие в Японии членов семьи (детей, женщин, вывезенных во время первых дней войны). Затем наметили отправить рабочих всех предприятий и мастерских, крестьян после уборки урожая 1947 года и часть служащих на селе. И, наконец, то есть в последнюю очередь, отправке подлежали врачи, учителя, инженеры, другие специалисты и священнослужители. В особых случаях наша комиссия давала разрешение включить вне очереди на репатриацию лиц любых профессий и категорий по их заявлениям.

График отправки репатрируемых был утвержден по районам. В нем оговаривались количество людей, срок отправки. Репатрируемых в обязательном порядке предупреждали за две недели о выезде в Холмск на сборы. Собственно, о порядке выезда в Японию было объявлено всему японскому населению. Я ждал, что посыплются массовые просьбы о внеочередном выезде в Японию. Первыми пришли ко мне священнослужители. Они принесли много подарков: картины и художественные изделия из шелковых тканей. Я около часа беседовал с ними, сказав, что, к сожалению, не могу разрешить им выехать первыми. Для верующих наступили трудные дни, их надо готовить к отъезду. Помогайте им. К тому же, кто будет в течение года исполнять духовные требы при рождении, бракосочетании, смерти, ведь нарушать духовные обряды нельзя. Они согласились. Попросил их забрать свои подарки. Они не взяли. Тогда я вызвал шофера и сказал, чтобы он отвез эти дары в музей.

Было еще до сотни посетителей; приносили письма от родственников, свои заявления. Большинство этих просьб мы удовлетворили. А затем заявлений почти не было. Вернее, были, но иного характера. Сотни японцев, особенно крестьяне, просили принять их в советское подданство целыми селами. Многие приходили ко мне с такими просьбами. Но

я знал: никто из них не будет принят, хотя советовал направлять ходатайство в Министерство иностранных дел.

Приведу несколько заявлений японцев. Вот написал Икено Суэдзо: «Мы прежде всего хотим спокойной жизни. Если мы возвратимся в Японию, потом мы не можем ждать счастливой жизни. В этом легко можно убедиться, если вспомнить довоенную нашу жизнь. Сейчас в Японии также живут помещики, эксплуатирующие бедных крестьян и арендаторов, а нам нечего думать, что там мы получим землю, а в ней вся наша жизнь. Именно поэтому мы решили оставаться здесь».

Вот другое заявление: «Возвращение нескольких миллионов репатриантов... безусловно, вызовет массовую безработицу и продовольственные затруднения. Уже прошло около двух лет после войны, нам пишут родные из Японии, что там по-прежнему капиталисты нисколько не думают о трудностях простых людей, беспокоятся только о своей наживе. А здесь уважают трудовое право. Именно здесь и лежит та причина, которая побуждает остаться жить на Сахалине. (Десятки подписей)».

Пришла с детьми японка Кудо, тоже подала заявление: «В Японии с давних пор женщина не имеет прав, а здесь я работаю наравне с мужчинами, и у меня большое желание остаться жить с вами, хорошо трудиться и сделать свою жизнь с детьми счастливой. Уже сейчас я и дети ни в чем не нуждаемся. Кудо».

Был обоюдно утвержден на весь срок репатриации график прибытия пароходов из Японии в порт Холмска с приемочной комиссией от США. После посадки японцев на пароход нами составлялся двухсторонний акт сдачи и приема японских граждан, описывалось их физическое состояние. К акту прикладывались претензии и заявления репатриируемых, замечания обеих комиссий. Надо отметить, были лишь случаи опоздания пароходов, иногда прибывало сразу два, что, в свою очередь, создавало трудности, но серьезных претензий, недоразумений и конфликтов между комиссиями не было. Не было особых заявлений и со стороны репатриируемых.

Первую группу репатриантов мы должны были сдать в Холмске на пароход США ранней весной 1947 года. Мы с Леоновым решили присутствовать при первой отправке японцев. В шесть утра работники лагеря позвонили нам, сказав, что получена радиограмма: из Саппоро вышел пароход,

будет в Холмске в час дня. Наши работники с шести утра начали отправлять японцев в порт. Выдавали со склада их вещи, взвешивали — все они хранились под номерами, а жетоны на них были у японцев.

Мы приехали в Холмский порт к одиннадцати часам. Работники МВД в трех специально сделанных проходах ведут досмотр. Кое у кого находят небольшие суммы денег. У нескольких японцев — из буржуев — обнаружили ценности. Уже половина японцев с вещами пропущена внутрь порта. Мы вылезли из машины, пошли. Одни встают и кланяются, другие приветствуют криками, третьи сидят, разговаривают друг с другом, на нас не обращают внимания. Мы думали: могут быть ругательства, недружелюбные выходки. В первой партии большинство пассажиров—из богатых слоев. Но ни одного ругательства, все идет спокойно. Вот уже все репатрианты на территории порта, а парохода нет.

Вдруг из толпы подходят к нам шесть японцев и, кланяясь, подают трубку свернутого шелка. Мы подумали, что это — массовая жалоба, но капитан Жуйков сказал нам, что это — благодарственное письмо товарищу Сталину с сотнями подписей. Оно было длиной в несколько метров, красиво оформлено, в бамбуковой трубке. Мы пообещали немедленно отправить его в Москву, что на следующее утро и сделали.

В тот день я забрался на высокий ящик и произнес речь, которую переводил Жуйков. Я поблагодарил японцев за добросовестный труд в течение двух лет, за хороший прием советских переселенцев в свои жилища. Сказал, что мы не имели жалоб ни от японцев, ни от русских на совместную жизнь. Пожелал репатриантам счастливого пути и хорошего устройства на новом месте.

Подошел пароход, и сразу началась посадка на него. Американцы никакого досмотра проводить не стали, проверяли лишь пассажиров по нашим спискам. Посадка шла быстро и к пяти часам была закончена. В конторе порта был подписан обоюдный акт. Мы вежливо распрощались с американской администрацией и врачами. Пароход, подавая гудки, стал отходить. Все японцы — на палубах. Многие, особенно женщины, плакали, а на берегу, перед воротами порта, была многотысячная толпа провожающих. Она стояла, пока пароход не ушел далеко в море.

До весны 1948 года в Холмск прибывал пароход за пароходом и увозил японское население. К маю сорок восьмого

года с Южного Сахалина и Курил были вывезены 357 тысяч японцев.

Был составлен подробный доклад о проведении репатриации с приложением всех документов. Когда я подписал его, Леонов, посмеиваясь, сказал: «Ты, наверняка, подписываешь себе орден». Я ответил: «Ну уж. Я не так много работал, а вот члены комиссии...». Материалы были отправлены в ЦК партии, правительство и Министерство обороны. Говорили, что их просматривал Маленков. И направил в архив.

В заключение хочется заметить: нас удивляло, почему американцы не делают досмотра при посадке людей на пароходы. Но после того как первые пароходы с репатриантами прибыли в Японию, мы получили оттуда несколько писем, из которых узнали, что у американцев есть приемный пункт в Саппоро. Там каждый прибывший японец раздевается догола, проходит медосмотр, дезинфекцию. Вещи и одежда тоже проходили через дезкамеры, и было много случаев, когда то или иное пропадало. А книги, особенно на русском языке, и письма изымались. Все репатрианты устраивались на работу сами, какое-то время бедствовали.

САХАЛИНСКИЕ ТРУДНОСТИ

Этот год начался и проходил в заботах и напряженном труде всех коммунистов и советских работников. Осуществив репатриацию японцев и приняв переселенцев, надо было основательно поднимать производство и сельское хозяйство. И строить, строить. Больше всего у нас в ту пору не ладилось с лесозаготовками. Значительная часть леса заготавливалась высоко в горах. Но не так трудно было его заготовить, как вывезти на нижние боны для сплава, на склады. Японцы почти весь лес спускали юзом с крутых склонов прямо к речушкам. Весь этот лес сплавлялся ступенчатым способом при помощи плотин, на устройство которых уходило много времени. Чтобы сократить затраты и потери леса, мы перешли на строительство ледяных, конных и тракторных дорог до нижних складов, а кое-где подводили узкоколейку. Японцы, привыкнув к первому способу, плохо справлялись с ледянками, да и лошадей не хватало.

Только в основном закончили сплав леса, началась весенняя путина. Подход сельди был богатый, лов шел успешно, нам помогали рыбаки Владивостока, но не хватало став-

ных неводов, сетей, посольных емкостей. Пришлось применять брезент. На ряде комбинатов получилось большое перевыполнение планов. В чем дело? Оказалось, одна и та же рыба попадала в план дважды, то есть и в сводках владивостокских рыбаков, и наших. Пришлось ликвидировать такое «перевыполнение». Мы с Джепаридзе целый месяц мотались по рыбачьим станам и рыбокомбинатам. Я ходил в море на сейнерах, участвовал в постановке неводов, стал прямо-таки «заправским рыбаком».

А тут не заметили, как начался сев. В это время тоже немало пришлось поездить по вновь организующимся колхозам, заглядывал и к японцам-земледельцам. Сев прошел хорошо, с перевыполнением плана. И вообще все хозяйство области начинало работать лучше, укреплялось.

Все сотрудники Гражданского управления работали очень много, не считаясь со временем, не заботясь о своем здоровье. У меня, например, начались сильные головные боли, я постоянно глотал таблетки. Затем появились боли в пояснице и суставах. Дважды отлеживался по нескольку дней. Наконец врачи стали настаивать, чтобы ехал на юг лечиться. Позвонил я Косыгину, спросил разрешения на выезд: и тот разрешил. Меня с семьей приняли в санатории «Россия». Отдохнул и подлечился я хорошо. После в Москве неделю мотался по министерствам, решал различные сахалинские дела. Был у Микояна и Косыгина.

Были ли трудности в экономико-хозяйственном развитии Южного Сахалина и Курил? Безусловно, были. И общие, присущие каждой области, и специфические, местные. У нас эти трудности возникали и зимой, и летом. Необычные бураны, снежные заносы, обвалы, а летом тайфуны с ливнями, подъем воды в реках и речках, затопления. Все это было в новинку людям, приехавшим с материка, из мест с более спокойным климатом. А тут еще были вулканические извержения и землетрясения.

В мою бытность я вынужден был трижды обращаться в правительство о помощи по ликвидации стихийных бедствий. Так, в марте 1947 года три дня, с третьего по пятое, на островах бушевал сильнейший буран. На два с лишним метра были засыпаны снегом города и поселки. Только в Южно-Сахалинске было разрушено более 20 зданий, погибли 35 человек, сильно пострадали 124 человека. Железная дорога, лесоучастки, многие предприятия остановились. В распадках толщина снега доходила до 6—14 метров. Несколько

пассажирских и грузовых поездов было занесено снегом, не говоря об автотранспорте. Разрушены линии связи. Так, в Невельском районе на протяжении шести километров столбы с проводами были сброшены в море. На аэродромах пострадала часть самолетов. В море большие пароходы, как «Совет», «Уэлен», везшие переселенцев, получили повреждения, семь человек погибли.

В течение шести дней все взрослое население, независимо от чина и ранга, работало на расчистке снега и восстановительных работах. Большому количеству пострадавших была оказана помощь материалами и продовольствием. Лыжные отряды с продуктами пробирались к занесенным поселкам, поездам. Двум тысячам переселенцев, высаженным с парохода «Уэлен» на лед, доставили продовольствие на самолетах. Ими же быстро вывезли всех людей в Корсаков, куда пароход, после ремонта, пришел с их вещами. Большую помощь в ликвидации последствий бурана оказали воинские части.

Лето в том году было дождливое, с большими штормами в Охотском море. Осенью же, 15—17 сентября, над Сахалином опять пронесся огромной силы ураган с ливнем. Вода на реках поднялась выше четырех метров, затопила долины, поля с неубранным урожаем, было снесено водой 69 мостов, и размыты десятки километров железнодорожных дорог. Было разрушено более тысячи жилых и хозяйственных зданий, полностью уничтожены три кирпичных завода, затоплены Долинский бумкомбинат, некоторые шахты. Погибли тысячи голов скота, много личного имущества граждан. Были и человеческие жертвы — десятки людей. А с 5 по 15 декабря по всему западному побережью снова разразился свирепый ураган. И опять разрушения, убытки, напряжение всех сил, чтобы войти в нормальный ритм работы.

Такие бураны и ливни возникали здесь частенько. А вот на Курилах нашим военным и первым переселенцам пришлось пережить куда более страшное явление. На острове Матуа накануне октябрьских праздников (это было в 1946 году) люди заметили большие столбы дыма над соседним островом Расшуа. Поглядывали на вершину своего вулкана. Он был спокоен. Отметили праздник, а девятого вечером содрогнулась земля; послышался глухой тяжелый гул; из кратера вулкана вырвалось пламя. На острове тогда стояла воинская часть и был поселок рыбаков. Спасением людей занимался Леонов. Всем судам была дана радиограмма:

немедленно идти к острову, забирать людей. Но некоторые суда, видя огромное зарево и тучи пепла, сами уже спешили к острову.

12 ноября в два часа ночи раздался оглушительный взрыв. Люди, выбежавшие из дрожащих домов, увидели летящие огненные камни. На море же начался шторм. В такой обстановке на шлюпки начали посадку детей и женщин. Утром тринадцатого взрыв повторился, затем они были через каждые полчаса. Камни стали падать на поселок, загорелись строения. Все было брошено на спасение людей. В поселке осталась — ни в какую не захотела садиться в шлюпку — одна старушка с козой. Кстати сказать, когда люди возвращались на остров, то первым делом увидели: сидит на камне старушка, а неподалеку от нее пасется коза. Поселок сохранился, сгорели лишь один дом и сарай. Лава, вырвавшаяся из кратера вулкана, потекла по противоположному склону в море.

Местные природные условия сразу стали делить людей на две категории. Одни действительно ехали сюда работать надолго, приобретали здесь вторую родину, а другим хотелось побыстрее и побольше урвать, набить карманы деньгами, а там — хоть трава не расти.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА НА КУРИЛЫ

Втроем — новый командующий Николай Иванович Крылов, Леонов и я — решили проехать по Курилам, посмотреть укрепрайоны, как дислоцируются наши военные соединения, как устраиваются на новой земле переселенцы. Пошли на военном корабле. На отдельных островах мы находились по нескольку часов, а на Кунашире, Итурупе, Парамушире — по два дня. Всего эта поездка заняла почти месяц (4).

На Кунашире Крылов и Леонов сразу хотели поехать по воинским частям, но я уговорил их побывать на рыбокомбинате. У рабочих особых жалоб не было, но все просили помочь людьми, особенно когда начнется путина. И тут мы договорились, что наше командование поможет бойцами. Поселок перестраивался, появились первые рубленые домики, но большинство переселенцев жило в японских. На острове уже организовано три колхоза, появились огороды, есть скот (оставили японцы и с собой привезли). Остановились

возле группы женщин, спрашиваем: как осваиваетесь? Они смеются: дескать, были бы мужики, а мы уже освоились.

Проехали на горячие источники в Алехино. Это действительно курортное местечко: горячий пляж, гейзеры, купальни. Вечером в гражданском управлении собрали все курильское начальство. Совещание затянулось до полуночи. Я записал все вопросы в адрес областного начальства. Ночевать уехали к военным. Утром осмотрели некоторые воинские части. Устроились они неплохо. Затем побывали в укрепрайоне — это ведь самая передовая линия обороны перед Японией. Командующий инспектировал военные соединения придирчиво и после объезда провел беседу со всем комсоставом.

Пошли на корабле на Шикотан. Здесь три рыбацких поселка, воинские части, китобойная база, йодный завод. Здесь полностью обеспечивают себя местным картофелем и овощами, есть овцы, коровы, много птицы, японцы добывали здесь много рыбы и морской капусты.

Затем побывали на Итурупе. Гражданское управление разместилось на двух этажах деревянного дома. Весь поселок — на взгорье. Работают четыре рыбозавода, консервный завод, лесопилка — ее обслуживают преимущественно бойцы. После встречи с руководителями поехали на другой берег острова, где расположились военные. Командир предложил покупаться в горячих источниках. Мы с удовольствием искупались.

Вечером приехали в колхоз. В нем живут переселенцы из Одесской области, в основном рыбаки. Они готовились к путине. Заработки у них хорошие. Здесь большие луга, для скота заготовили корм. Крылов и Леонов на утро назначили учебную подготовку в воинских соединениях, поэтому они поехали по своим делам, а я остался в Курильске, побывал во всех учреждениях, в школе, больнице, в детском саду, на почте, в магазинах, столовой. Ездил на лесопилку и рыбозавод.

В пять вечера взяли курс на Уруп. В пять утра поднялись. Перед нами — величественно красивый остров. Встретили нас хорошо. Осмотрели воинские части. Заехали на рыбопредприятие и в поселок рыболовецкого колхоза. Прибывшие сюда переселенцы из разных областей страны уже в 1946 году вместе с японцами сумели выполнить два годовых плана по добыче рыбы. Но вместо японских ям, чугунных котлов и прессов здесь соорудили цементные посольные

емкости под навесами. Рыбаки строят индивидуальные домики, развели скот, птицу. Возле домов — огороды.

Побывали мы и у украинских переселенцев на мысе Кастрикум. Они строят поселок, но плохо с материалами. Я обещал им выделить 25 рубленых домиков и разных стройматериалов. Сказал, что получите через Главрыбпром. Здесь же трудятся курильские китобои. Бывают дни, когда они добывают по двенадцать китов. Жаль только, что берут пока лишь жир, а это — всего 20 процентов от массы животного. Мясо, внутренности, кости выбрасываются.

Побывали мы еще на некоторых небольших островах. Военные решили на день-другой остаться, а я вылетел в Южно-Сахалинск. В этой поездке я понял: как ни трудно на Курильских островах, но переселенцы начали восстанавливать на них все хозяйство, обживаться.

СОЗДАНИЕ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ НА САХАЛИНЕ

На Сахалине меня встретили осенняя путина и уборка урожая. Осень удалась благоприятная. Пришлось много ездить по рыбозаводам, совхозам и колхозам. Японские крестьяне добросовестно провели уборку урожая. Сдали 40 процентов его воинским частям, а семена и излишки остались в колхозах. В магазинах у нас имелось достаточно товаров, и японцы, готовясь к отъезду, покупали обувь, мануфактуру и прочее. Мы им в этом не чинили никаких препятствий. В наших совхозах и колхозах посевы были пока небольшие, поэтому с уборкой урожая справились без помощи горожан. У нас оказались значительные излишки товарной продукции, часть их отправили на Курилы, и даже на Камчатку.

В середине сентября начались районные и городские партконференции. Мне, как члену оргбюро обкома партии, пришлось проводить конференцию в Углегорске. Здесь тон задавали угольщики, бумажники, лесники и небольшой коллектив портовиков.

Перед октябрьскими праздниками прошла областная партконференция. ЦК партии прислал своим представителем инспектора Полянского, который уже однажды был у нас. Я надеялся, что он привезет взятый у меня материал: мне хотелось написать о работе Гражданского управления за

1946—1947 годы, оставить хоть что-то для истории о людях, которые здесь начали работать после освобождения земель от японцев, но он заявил, что забыл этот материал, вышлет почтой. Но так и не прислал. Собрать же заново весь материал, особенно экономический, у меня уже не было возможности.

На конференции был избран состав обкома партии, в который вошел и я. На первом пленуме первым секретарем обкома партии был избран Д. Н. Мельник. Конференция прошла на высоком политическом уровне. Она представляла уже более двенадцати тысяч коммунистов. Предстояли большая массово-политическая работа, образование местных Советов и выборы в них депутатов трудящихся.

Тридцатую годовщину Октябрьской социалистической революции мы встретили с бо́льшим подъемом. На торжественном собрании был принят текст письма-рапорта в адрес Сталина, в котором выражалась благодарность ЦК партии и правительству за огромную и быструю помощь кадрами, продовольствием, материалами, большими льготами переселенцам. И вместе с тем сообщалось, что менее чем за два года восстановлено все хозяйство области, создан партийный, советский и хозяйственный аппарат, заканчивается репатриация японцев, на Сахалин и Курилы прибыли уже и обустраиваются около двухсот тысяч советских граждан. Одновременно с устройством на новом месте они дают стране более четырех миллионов тонн угля, нефти, леса, бумаги, рыбы, пушнины, разной другой продукции. Сельское хозяйство полностью обеспечило область своим картофелем и овощами. Развернуто большое культурно-бытовое строительство. Во всех районах области развернута сеть школ, клубов, библиотек, музеев, парков, работают три драмтеатра, издаются семнадцать газет. Налажено медицинское обслуживание всех трудящихся. Значительная часть детей обслуживается детяслями и садами.

Седьмого ноября была большая демонстрация трудящихся. Конечно, сначала торжественно прошли войска, а затем пестро разукрашенные знаменами и флагами, портретами и моделями производимой продукции пошли трудящиеся, школьники. Год назад девяносто процентов демонстрантов были японцы, а теперь их совсем мало. Скоро и они уедут.

В праздничные дни никаких происшествий не было, лишь посмеялись над ЧП, случившимся у наших ворот. Наш но-

вый дом был обнесен забором, на двух столбах, высоко над воротами, горели по ночам фонари в виде двух красивых, молочного цвета шаров. Во дворе дежурил милиционер. А наша бабушка жалела милиционеров. Мы, бывало, ляжем спать, а она пригласит милиционера на кухню, угостит чем-нибудь. А на восьмое ноября угостила по-праздничному. Он задремал, а она сама вышла на дежурство. А тут, примерно в час ночи, два приятеля решили снять эти шары и, как они потом признались, хотели загнать их за выпивку. Ну, бабушка увидела человека на столбе, разбудила милиционера: мол, вставай, сынок, воры лезут. Тот вскочил, выбежал и выстрелил вверх. Один вор убежал, а тот, что на столбе был, стал спускаться, за что-то зацепился и повис. Милиционеру надо позвонить в управление; он просит бабушку, чтоб она это сделала. Бабушка так разволновалась, что сказала: «Не могу, милый...». Тогда милиционер дал ей наган, показав, на какую «штучку» нажать, чтоб он выстрелил, если вор задумает побежать. Но вор сидел на столбе до приезда милиции.

После праздников вновь обычная трудовая жизнь. Затем получили Указ о проведении выборов в местные Советы по Сахалинской области. Началась большая подготовительная работа к ним, а после выборов были образованы 107 сельских, 25 поселковых, 19 районных, 8 городских и областной Советы депутатов трудящихся. На первой же сессии меня избрали председателем Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся. На этом и закончилась деятельность управления по гражданским делам Южного Сахалина и Курильских островов. Проработав более двух лет (27 месяцев) вместе с японским населением в чрезвычайно сложных, напряженных условиях, я остался работать здесь, когда область переходила на иные условия жизнедеятельности.

ЕЩЕ ГОД РАБОТЫ НА САХАЛИНЕ

Я думал, что теперь мне будет легче, что работа перестроится на обычный, знакомый мне лад. Она действительно вошла в обычное русло, но легче от этого не стало. Более того, оказалось, что и времени-то непосредственно на конкретную работу остается мало. Реже стал выезжать в города и села. Присутствие на пленумах, бюро, сессиях,

исполкомах — словом, все эти заседания с обсуждением порой одних и тех же вопросов отнимали минимум восемнадцать дней в месяц. Сказал об этом Мельнику. Он, смеясь, ответил: дескать, что поделаешь.

В декабре обсудили на исполкоме, затем одобрили на бюро обкома партии бюджет и народнохозяйственный план области на 1948 год, наметив рост его по сравнению с прошлым годом на 76 процентов. Раздавались голоса, что план очень высокий, надо учесть, что работать будем без японцев, репатриация закончится в первом квартале, а наших переселенцев, не менее 60 тысяч, еще надо устроить. Вскоре я с группой работников выехал в Москву. Буквально накануне Нового года я побывал на приеме у нового председателя Совмина республики М. И. Родионова и после продолжительной беседы вручил ему доклад о проделанной в 1946—1947 годах работе и план мероприятий по развитию народного хозяйства области до конца пятилетки.

Снова начались хождения по разным инстанциям, и в этих хождениях, объяснениях, спорах я так измотался, изнервничался, что опять стала ужасно болеть голова, зашалило сердце, я уже не мог спать и вскоре совсем слег. Доложили Родионову, и он распорядился отправить меня в подмосковный санаторий. Вышел я из санатория в конце февраля; кажется, неплохо подлечился. Большинство наших вопросов при настойчивости и некоторой назойливости председателя облплана К. Загоруйко в министерствах было решено, бюджет утвержден с небольшими замечаниями. Продовольственные и материальные фонды для завоза на остров выделены удовлетворительные.

Весна и лето у нас проходили в организации работы предприятий, колхозов и совхозов. Мы с Мельником часто выезжали в районы. Дела шли в общем неплохо, но бывали срывы и даже несчастные случаи. Так, в середине лета мы побывали в Макарове, где штормом сильно разрушило порт, ознакомились с работой бумкомбината. Затем проехали в Вахрушево на крупнейшее месторождение угля. Здесь начинались разработка и добыча угля открытым способом в больших размерах. Однако они тормозились отсутствием техники. Возник вопрос и о строительстве нового благоустроенного поселка.

В Победино поехали по железной дороге, чтобы все осмотреть и поднять вопрос перед высокими инстанциями о строительстве дороги дальше, вплоть до нефтяных районов

восточного побережья и в Александровск. На два дня затем остановились в Поронайске, где на бумкомбинате шел разговор о перспективах сооружения подсобных цехов по производству стройматериалов. На рыбных предприятиях тоже шла речь об увеличении вылова даров моря. Все эти вопросы мы планировали рассмотреть на бюро обкома партии и исполкоме.

А тут прибыла в город киноэкспедиция с тем, чтобы попасть на остров Тюлений (место, разумеется, экзотическое). Мы решили сплавать на этот крошечный, но богатый морским зверем островок, рассчитывая, что завтра утром вернемся в Поронайск. Взяв самый мощный катер, запас горючего и продуктов, мы отправились в путь. Взяли курс на полуостров Терпения, чтобы затем от него спуститься к острову. Часа через два на небо натянуло серую наволочь туч, заморосило. Пошли по компасу. Казалось, уж где-то рядом должен быть остров. Прислушивались, в надежде услышать гвалт птиц или рев зверей. Но наступила ночь, поднялся шторм. Не увидели мы остров и утром. Плавали целый день. Пошел второй. Японец, управлявший катером, сказал нам, что ни он, ни вся команда не знают, где находятся и куда плыть.

Наши киношники скисли, разговоры и предположения у них самые мрачные. Мы с Мельником посоветовались и отстранили японца от штурвала. Я сам повел катер в обратном направлении. Прошел еще один день, третий. На четвертый к вечеру увидели землю, но ни единого огонька, никаких признаков жизни. Не знали — Сахалин это или Хоккайдо. На рассвете заметили на склоне сопки какую-то избушку. Отправили троих на лодке на берег. Они вернулись с питьевой водой и газетой «Советский Сахалин»... за 1943 год, которую нашли в строении, оставленном лесорубами. Повернули на сто восемьдесят градусов и пошли вдоль берега. Вот и полуостров Терпения. Посоветовались: плыть ли дальше на Тюлений? И решили: все-таки надо побывать на нем. К вечеру наконец-то достигли острова. Переночевав, мы осмотрели Тюлений, ознакомились с работой забойщиков котиков. Киношники заболели, съемку делать не стали. Тогда мы отправились обратно.

А в это время в облисполкоме и обкоме партии начался переполох: пропали первый секретарь обкома и председатель облисполкома. В Поронайск звонил Емельянов, спрашивал, когда мы вернемся с острова. Затем из Поронайска

позвонил в обком партии секретарь райкома и сказал: «С ними что-то случилось. Их нет». Тогда Емельянов послал на поиски самолет. Облачность была низкой, на море штормило. Самолет не обнаружил катера. На следующий день о нас сообщили в ЦК партии. Было высказано предположение, что наш катер штормом могло унести в Японию, а там могли задержать и интернировать американцы. Немедленно создали комиссию по розыску нас. Два дня три самолета летали над районом нашего плавания. Затем из Корсакова вышли два «охотника». О поисках ежедневно докладывали в Москву. Вмешался в это дело МИД. И вдруг на седьмой день секретарь Поронайского райкома сообщает в обком партии: «Только что подошел катер. На борту все живы, но киношники больны, их отправили в больницу». Вечером того же дня мы с Мельником прибыли в Южно-Сахалинск. Из ЦК нас здорово распекали за наше своеволие, как выразился Маленков, обещали по выговору.

1948 год был самым напряженным трудовым годом новой Сахалинской области. Но уже располагая значительными резервами рабочей силы, область хорошо справилась с задачами ее развития. Она уже работала как единый организм, то есть и переселенцы, что прибыли на южную часть острова, и те, что жили на севере. К ноябрю сахалинцы почти управились со всеми делами. Я договорился о своем отпуске и вдруг получил сообщение из ЦК партии, что Политбюро утвердило меня и отзывает на курсы первых секретарей и председателей республик, краев и областей при Академии общественных наук. Срок прибытия в Москву — 15 декабря. Уезжать с Сахалина не хотелось. Казалось, так много не успел здесь сделать. Жаль было оставлять друзей.

Любовь к Сахалину часто и долго вызывала в нашей семье самые лучшие воспоминания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Маленков Г. М. (1902—1988), советский государственный, партийный деятель. В 1946 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК, заместитель Председателя Совета Министров СССР; Косыгин А. Н. (1904—1980), советский государственный, партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда. В 1940—1953 — зам. Председателя СНК—СМ СССР, одновременно в 1943—1946 — Председатель СНК РСФСР, в 1948 — министр финансов СССР. В 1964—1980 — Предсе-

датель СМ СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948—1952 и 1960—1980.

2. Вознесенский М. А. (1903—1950), советский государственный, партийный деятель, академик АН СССР. В 1938—1941, 1942—1945 — председатель Госплана СССР. С 1939 — зам. Председателя СНК (с 1946—СМ) СССР; в 1942—1945 — член ГКО. Член ЦК КПСС с 1939. Член Политбюро с 1947 (канд. с 1941); Молотов (Скрябин) В. М., советский государственный и партийный деятель. Герой Социалистического Труда. В 1941—1957 — первый зам. Председателя СНК (СМ) СССР, одновременно в 1941—1945 — зам. председателя ГКО, в 1939—1949 и 1953—1956 — нарком, министр иностранных дел СССР. Член Политбюро, Президиума ЦК КПСС в 1927—1957 (канд. с 1921).

3. Папанин И. Д. (1894—1986), советский полярный исследователь, доктор географических наук, контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза. Возглавлял первую советскую дрейфующую станцию «СП-1» (1937—1938). Начальник Главсевморпути (1939—1946).

4. Крылов Н. И. (1903—1972), Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В Великую Отечественную войну начальник штаба и командующий войсками ряда армий. Участвовал в разгроме Квантунской армии в период советско-японской войны. После войны был заместителем командующего войсками Приморского военного округа. В 1947—1953 — командующий войсками Дальневосточного военного округа.

Статьи

М. И. Ищенко

ЗАНЯТИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНА

(конец XIX — начало XX вв.)

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ САХАЛИНА

Сахалинская каторжная колонизация изначально планировалась и реализовывалась как колонизация сельскохозяйственная. Однако природные богатства острова, известные особенности состава жителей не могли не наложить отпечаток на хозяйственную деятельность сахалинцев. В данном аспекте мы рассмотрим как земледельческую практику населения, так и освоение природных богатств рек, морей, лесов.

Среди хозяйственных занятий жителей, безусловно, наиважнейшее значение имело земледелие. Оно начало развиваться на острове с приходом первых ссыльных поселенцев в пост Дуэ. В посту очень недоставало земли, а пригодных участков для возделывания сельскохозяйственных культур практически не было. Но в каждом хозяйстве поста были крохотные огородики, где выращивали капусту, картофель, морковь, а также ячмень. Часто эти клочки земли располагались на отлогах крутых сопок. На одну из таких сопок в 1869 г. попытался подняться на лошади областной землемер. Это ему не удалось, ведь сопка была почти отвесная, и «...с самого начала лошадь оборвалась и полетела вниз, перекувыркнувшись раза три, задержалась на рыхлом месте и стала на ноги» (1). А на этом же склоне были разработаны огороды под картофель. Поселенец Лапшин имел огород на утесе, куда забирался сначала по лестнице, а потом поднимался по веревке.

Важно с самого начала обратить внимание на то, что поселенцам поста никто никаких участков не отводил; они самостоятельно подыскивали большую или меньшую площадь и постепенно, по своим хозяйственным возможностям, начинали разработку. Таким образом, с самого начала появилась особенность хозяйственной деятельности населения — его самодеятельность.

Данные таблицы 1 показывают, что основная часть земель центральной части острова была занята хвойными лесами. Лес на возвышенных местах состоял в основном из ели и пихты, а на низменных заболоченных местах — почти исключительно из лиственницы. В одиночку, при наличии примитивных орудий, осваивать районы вековой тайги было невозможно. Жители стремились отыскивать участки редколесья, занятые молодыми березами, тополями или кустарником. В таблице 1 эти участки помечены как лес лиственный и молодой. Сравнивая данные таблицы, отметим разницу в обеспеченности разными видами угодий между Александровским и Тымовским округами. В Александровском округе гораздо большая площадь была занята хвойными лесами, много там неудобной земли (горы, болота). В Тымовском округе, напротив, больше земли занято лиственным и молодым лесом, отсюда и гораздо большее количество сенокосов и пахоты. Природные условия позволили Тымовскому округу в дальнейшем стать основным земледельческим районом острова.

С ростом населения в тайге начали прибегать к росчистям. При росчисти стремились учитывать качество корневой системы деревьев. Плохими считались корни ильма. Подмечали, что если эти корни оставить в земле или разбить трухлявый ильмовый пень, то в том месте долго не растет хлеб. Плохой землей считалась и та, где росла осина и были заросли малины («шепишник»). Говорили, что «...там, где осина и шепт, там хоть сколько клади навозу, она не родит!» (2).

При корчевке леса использовали подсеку. Деревья, сучья сносили в кучу на край участка, в канавы. Там их могли сжечь, могли и оставить. Поджог не рассматривался населением как средство поднятия плодородия почвы. Пожог разделанных участков также не практиковался.

Какая же из систем земледелия, под которой понимается комплекс агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий, направленных на целесообразное использова-

вие земли, поддержание ее плодородия, а по возможности, и повышение его, получила распространение на Сахалине? Крестьяне различных районов России пришли на новые места, имея отличный друг от друга земледельческий опыт. Известно, что в середине XIX в. наибольшее распространение в России имела паровая система. В то же время во многих южнорусских губерниях, откуда была значительная часть сахалинских поселенцев, применялась залежная система (3). Попадая на остров, с его своеобразными природно-климатическими условиями, поселенцы на первых порах нередко терпели неудачу, пытаясь вести хозяйство в традиционном для них плане. Один из современников отмечал: «Во многих поселениях я наблюдал семьи, видимо, с усердием принимавшиеся за хозяйство и добросовестно применявшие усвоенные себе на родине приемы, но терпевшие постоянные разочарования: недозревшую пшеницу приходилось сушить в избе, капуста не завертывалась, свекла совсем не родилась. Объяснить, почему это происходило, они не умели. Казалось, делали все так, как должно, а результатов не получалось» (4). Современники оставили свидетельства о том, что выходцы с Украины и южных губерний России первое время на Сахалине по привычке пахали тяжелыми плугами на волах. Это приводило к отрицательным результатам, поскольку плодородный слой почвы на острове тонок и быстро разрушался от такой обработки. Сложность была и в том, что на острове поселенцы были лишены возможности у кого-либо учиться, поскольку коренные жители земледелием не занимались. Они могли учиться только у природы, трансформируя свой земледельческий опыт, приспосабливая агротехнику к местным условиям.

На острове широкое распространение получила залежно-переложная система с правильной регулированной залежью. При этом земля использовалась под посев в течение нескольких лет «хлеб по хлебу». Существовала определенная последовательность культур. Первых три года по целине сеяли пшеницу, четвертый и пятый — ярицу, шестой и седьмой — овес. По истощении земля забрасывалась в залежь на шесть-десять лет (5).

Система земледелия острова в рассматриваемый период практически не описана. Поэтому многие вопросы остаются не выясненными до сих пор. Например, в архивных и литературных источниках не встречается прямых указаний на существование на Сахалине перелогов, нет даже этого тер-

мина для обозначения подобного рода угодий. В то же время многие авторы указывали на существовавшие там земельную свободу, земельный простор. Так, А. П. Чехов, описывая селение Корсаковка Александровского округа, отмечал зажиточность тамошних жителей, и причину этого видел в хлебопашестве. По его описанию, жители имели большие участки, и у них была возможность выбрать землю. Приводятся следующие данные. Более 30 процентов хозяев имели под пашней от трех до шести десятин, и редко кто имел меньше двух десятин (6). Из подворных описей соседнего селения Ново-Михайловского за тот же год узнаем, что там более 40 процентов имели пахотные участки в две десятины, такое же количество жителей — участки в три-четыре и около 15 процентов имели участки в семь-восемь десятин (7). Как же были обеспечены землей жители в более поздний период? Выборочные данные вопросных листов Центрального статистического комитета МВД за 1909 г. по Тымовскому округу показывают, что около 68 процентов хозяев имели участки от трех до шести дес., около 25 процентов — от семи до двенадцати десятин (8).

Таким образом, в конце XIX в. бывшие в пользовании пашни были равны в основном трем-четырем десятинам на хозяйство, в начале XX в. — пяти. Трудно характеризовать такую запашку (при невысоком качестве почв) как большую обеспеченность землей. Безусловно, что фактическое крестьянское землепользование было большим, а в ведомости попадала лишь часть угодий, расположенных поблизости от селений. Изучая источники, нередко приходилось наблюдать факты, когда по подворным описям зажиточное, специализирующееся на земледелии хозяйство имело только две-четыре десятины пашни. При местных условиях иметь крепкое хозяйство с такой земельной площадью просто невозможно. Успехи в земледелии в таких случаях можно объяснить только наличием залежи.

Учет фактического землепользования на Сахалине был осложнен тем, что годные для обработки участки располагались площадью в одну десятину и менее — между протоками, ручьями, по полянам. Отсюда и характерная черта сахалинского земледелия — мелкоконтурность. Она происходила еще и потому, что слабы были хозяйственные возможности поселенцев. В первый год поселенец занимал какой-либо участок земли. На следующий год ему часто приходилось продолжать работы в другом месте, т. к. около

его земли уже разработал участок другой поселенец. Со временем выходило, что «...зажилый поселенец имеет пространство пахотных земель в количестве до 8 дес. в более 10 местах» (9). Определение же размеров участков того или иного хозяина было весьма затруднительным. Сами владельцы, не зная точно величины участков, определяли их не по площади, а по количеству посеянного хлеба или возов скошенного сена. Это же отмечал и агроном острова: «Обычный тип крестьянского хозяйства на Сахалине таков: 10—15 пудов посева и 10—15 голов скота» (10).

Источники не содержат указаний на существование на острове и парового земледелия. В то же время старожилы свидетельствуют, что в большой части хозяйств начала XX в. обязательно были пары. Однако классическое трехполье на Сахалине не развилось, а практиковали двухполье. Пашню использовали под ярь, второй клин занимали паром, на следующий год их меняли (11). Двухпольный севооборот осуществлялся только на ближних полях с применением навозного удобрения. Местные почвы восприимчивы к удобрению, применяли его ежегодно, полностью вывозя («под метелочку») на ближние пашни.

Появление паров в самом конце XIX — начале XX вв. не случайно. Бороться с истощением земли, забрасывая ее «на отдых», было возможно только при земельном просторе. Он существовал в 1870—80 гг. (по Мицулю, это так называемый «золотой период хлебопашества»), во второй половине 1890-х гг. ситуация изменилась. Население резко возросло, стала сказываться земельная теснота, резко упали урожаи на старых пашнях. Тогда и начались попытки применения удобрения на ближних полях, парования.

Существование дальних и ближних полей сказывалось в значительной мере на распространении той или иной системы. Дальние поля обрабатывались по перелогу, ближние — по двухполью с применением удобрений. Такое сочетание в местных условиях было наиболее рационально. Впрочем, здесь не могли не сказаться этнические традиции, трудовые навыки крестьян. Подобные сочетания были характерны для многих областей русского расселения.

В рассматриваемый период на острове существовала практика, когда поселенцу или лицу свободного состояния отводился местной администрацией только усадебный участок. На участок выдавалось свидетельство подобного типа: «Дано сие от начальника Александровского (на о. Сахали-

не) округа крестьянину из ссыльных Кириллу Жеребцову в удостоверение того, что перешел к нему от ссыльнопоселенца Антона Евтушенко в пользование участок земли, находящийся в селении Мгачах, который по плану значится под № 11 длиною 20 саж., шириною 15 саж., земельный надел перешел согласно домашнего условия... На участке построены дом, две стайки, баня. Дальнейших построек, пристроек и перестроек без разрешения... Жеребцов проводить права не имеет. Продавать, передавать в пользование или закладывать надел без разрешения строго воспрещается...» (12).

Ни пахотные, ни сенокосные земли населению не отводились. Желающие иметь пашню или сенокос, или расширить их, находили в тайге удобные поляны, обрабатывали их или покупали участки у уезжавших поселенцев. Никаких прав собственности на землю население не имело, но по своему усмотрению отчуждало землю, перепродавало ее, т. е. смотрело на нее, как на свою собственность. Со стороны тюремной администрации, регулировавшей всю жизнь на острове, никаких препятствий к этому не было (13). То есть в конце XIX — начале XX вв. землепользование основывалось на обычном (захватном) праве с правом распоряжения землей, что было характерно и для сибирской колонизации (14).

Ранее была уже отмечена значительная роль старожилов в формировании постоянного населения Сахалина. Это немало объяснялось и их успехами в сельскохозяйственном производстве. Поселенцы 1890-х гг. и старожилы находились в разных хозяйственных условиях, имели различные возможности для ведения земледелия и скотоводства. Старожилы получили толчок для ведения хозяйства от сельскохозяйственных ферм при немалой материальной помощи со стороны местной администрации. Они владели самыми лучшими и удобными, значительными по площади пахотными и сенокосными угодьями.

Еще один аспект проблемы состоит в том, что заниматься земледелием на острове было и остается делом нелегким. Часто мизерные результаты ни в коей мере не оправдывали громадных затрат. Трансформация культурных навыков происходила медленно, старожилы опять были в более выгодном положении, поскольку имели некоторый временной опыт.

Важное место в этой связи занимает проблема закреп-

ления и передачи хозяйственных знаний, умений и навыков. Сельскохозяйственное производство на Сахалине опиралось на малую семью; наиболее благополучными в семейном плане также были старожилы. Трудно переоценить роль семьи в этом вопросе. С одной стороны, старшее поколение являлось носителем общерусских традиций и обычаев, проводником преемственности поколений, коллективного умения предшественников. С другой стороны, родители уже могли передать детям не просто знания о сроках и характере сельскохозяйственных работ, об особенностях культур, а конкретные навыки, связанные со спецификой района, особенностями местного климата.

Структура посевных площадей в разные периоды по округам представлена в таблице 2. Первоначально больше всего сеяли пшеницу. В 1883 г. посевы пшеницы занимали около 39 процентов общей посевной площади зерновых, в 1912 г. — 21 процент (15). Предпочтение отдавалось яровой пшенице, она занимала около 97 процентов от всей культуры. Вообще на острове сеяли преимущественно яровые хлеба, т. к. озимые нередко выходили плохими частично из-за вымерзания, частично из-за того, что в теплую осень зелень сильно поднималась и до снега побивалась сильными морозами. Но пшеница была на острове культурой ненадежной. Она давала хорошие урожаи лишь при благоприятном лете, а это было нечасто. Нередко пшеница недозревала, ее убирали и досушивали в избах.

Более надежной культурой на острове была рожь. В 1880—90-е гг. она занимала второе место после пшеницы. Сеяли как яровую рожь, так и озимую, но ярицы примерно в два раза больше. Особенно много яровой ржи сеяли на юге, в Корсаковском округе. Здесь она превосходила пшеницу по посевам в конце века. Овес в начале 1880-х гг. сеяли в очень незначительном количестве. Но в короткие сроки он распространился повсеместно. Население выделило его как культуру неприхотливую, надежную. В середине 1890-х гг. он еще значительно уступал и пшенице, и ржи. В начале века выдвинулся на второе место после пшеницы (см. таблицу 2). В конце же первого десятилетия XX в. овес стал основной зерновой культурой. Его сеяли в два раза больше, чем пшеницу, на втором месте стояла рожь (16).

Сахалинские крестьяне часто страдали от неурожаев хлебов. В опросных листках Центрального статистического комитета МВД по некоторым селениям Северного Сахалина

за 1909—1911 гг. среди основных причин неурожая указаны следующие: «от заморозков», «от дождей», «вымочка от дождей и плохие всходы», «плохие семена» (17).

Особое место в жизни русских Сахалина занимал картофель. Первое, что делали сельские жители, устраивая свое хозяйство, — это сажали на приусадебном участке картофель. Как только появлялась пахотная земля, то часть ее, и значительная, сразу же занималась картофелем. Эта культура была на острове одновременно и полевой, и огородной. Данные таблицы 2 показывают, как быстро и значительно увеличивался посев картофеля. К началу 1890-х гг. под картофелем находилось до 19 процентов количества полевой земли. «Такое огромное количество разводимого картофеля, — отмечал в 1889 г. инспектор сельского хозяйства А. Фон-Фрикен, — объясняется большой постоянностью урожаев этого растения и возможностью получить с единицы пространства большую, чем от зерновых растений, массу пищевых веществ» (18). Население рассматривало картофель не только как высокопродуктивную культуру, но и использовало его как пропашную культуру для организации правильных севооборотов.

Значительное место в хозяйстве сельского населения занимали огородные культуры. С большим успехом на Сахалине выращивали капусту, лук, разнообразные корнеплоды, огурцы. На эту продукцию был спрос. Население продавало овощи в тюрьму, местные военные команды, служащим, поэтому в каждом хозяйстве были обширные огороды.

Сельскохозяйственные орудия, бытовавшие на острове, одним из первых описал агроном М. С. Мицуль: «Под яровую рожь поле вспахивают большей частью сибирскою сохою с двойным сошником, у которой неподвижная палица откидывает землю только на одну сторону; или же пашут сабаном, который есть тот же забайкальский плуг, на 3—4 вершка глубже. Уборка хлеба производится серпом, молотьба сыромолотом, преимущественно в зимнее время цепом по льду» (19).

В целом, для ведения сельскохозяйственных работ применялась примитивная техника. Первые поселенцы поднимали земли, обрабатывали их ручными мотыгами. Вплоть до конца XIX в. мотыги имели в хозяйствах очень широкое распространение. Во многих литературных источниках этот факт интерпретируется как показатель примитивности хозяйства сахалинцев. Его же можно рассматривать как по-

пытку населения приспособиться к местным условиям, принимая во внимание особенности почв. В отчете о состоянии сельского хозяйства острова за 1899 г. А. Фон-Фрикен отмечал, что «...немногие поселенцы обрабатывают поле сохою или косулей и еще меньшее число их употребляет для этого плуги. Впрочем, на некоторых участках, разработанных недавно, где корни выкорчеванных деревьев еще не успели разложиться, употребление глубоко работающих упряжных орудий было бы преждевременным; на других же, почва которых лежит мелким слоем на подпочве, примесь которой могла бы ухудшить ея качества (глина, галька), употребление таких орудий нежелательно» (20).

На старых участках основным орудием являлся деревянный плуг. В огромном большинстве плуги были самодельными, разнообразными по форме и величине. Постепенно господствующими стали легкие беспередковые, в зажиточных хозяйствах передковые, плуги на две лошади или две пары волов. У деревянных плугов некоторые части были железными — лемех, отвал. Полностью же железные плуги появились в самом начале XX в., но за очень короткий срок распространились широко. Привозные плуги были в богатых хозяйствах. Было принято за обычай, что за небольшую плату их сдавали в аренду другим жителям селений. Привозные плуги были разных марок. Так, на Тымовской сельскохозяйственной ферме в 1907 г. были плуги следующих модификаций: плуги Лингарта одноконный и оборотный, плуги Эккерта для целины и двухкорпусной, плуги Гена № 1 и № 3, плуг Сакка оборотный, плуг братьев Донских одноконный. В 1909 г. ферма была ликвидирована, весь инвентарь с аукциона продан населению (21).

Природные условия Сахалина весьма благоприятны для развития животноводства, которое занимало одно из первостепенных мест в хозяйстве жителей. Особенно благоприятные условия были в Тымовском округе, где имелись обширные пастбища, богатые сенокосные угодья (табл. 1, 3, 4).

На остров были завезены лошади двух пород — более рослые томские и более мелкие — забайкальские. Некрупная, выносливая и неприхотливая забайкальская лошадь прекрасно акклиматизировалась на острове и удовлетворяла всем требованиям крестьянского хозяйства.

Крупный рогатый скот на острове был самых разнообразных пород, завозился как с Дальнего Востока, так и из Сибири, а частью из Европейской России. Большая часть

рогатого скота была привезена из Забайкалья.

На Сахалине было принято пасти коров и лошадей на специальных местах — выгонах. Огороженных поскотин нигде не встречалось. Хозяева объединялись, нанимали пастуха на несколько месяцев или на весь сезон. Если селение было богатым, то стад было несколько. Два стада нанимали хозяева по одну сторону от церкви, то есть половина селения, и два стада — по другую сторону. Скот выгоняли на ближайшие сопки в лиственные леса. В Александровском округе ощущался недостаток в пастбищах, и скот пасли на заболоченных низинах. Покосы находились в постоянном пользовании крестьян, никаких переделов не существовало. Здесь так же, как и с пахотными участками, сохранялся захватный способ пользования.

На зиму для скота заготавливали сено и солому. Количество заготовленных кормов было значительным. Судя по данным вопросных листков Центрального статистического комитета МВД, в 1909 г. в хозяйстве Ф. Зацепина из селения Дербинского было заготовлено 260 возов сена и 13 возов соломы. В хозяйстве В. Шевцова из того же селения — 80 возов сена. В селении Нижний Армудан у Е. Чумакова было заготовлено 200 возов сена, у В. Будемира — 80. В селении Верхний Армудан М. Немна и В. Подоленко заготовили по сто возов сена (22). Сено часто бывало не очень высокого качества, тогда к задаваемому корму примешивали картофель и даже муку.

В 1890-е гг. скотоводство приобрело у старожилов товарное значение. На продажу выращивали чаще всего коров и быков. Молодой скот выращивали до трех лет и в этом возрасте продавали. В хозяйстве средней зажиточности выращивали на продажу одновременно две-три головы скота На Сахалине на продажу скот не забивали, а продавали живым весом. Скупали его купцы из поста Александровского, а часто и из Николаевска-на Амуре (23).

Развитию скотоводства как товарной отрасли препятствовало то, что на самом острове рынок сбыта был чрезмерно узким. Купцы, скупавшие скот, вывозили его на продажу на материк.

Мелкому крестьянскому хозяйству вывоз скота для продажи был не по силам, а закупочные цены были низки. В апреле 1916 г. группа крестьян Александровского сельского общества обратилась с прошением к губернатору о разрешении на вывоз дойного скота на материк: «...здесь дойный

скот продать нельзя, ибо мясоторговцы страшно прижимают крестьян и дают весьма низкие цены». На это прошение разрешения получено не было, так как распоряжением военного губернатора (причины его неясны) вывоз скота с острова был с февраля 1916 г. запрещен (24).

Скот можно было вывезти и на ярмарку. Ярмарки устраивались в посту Александровском два раза в год, начиная с 1910 г. Весной устраивалась ярмарка для продажи пушнины, летом — скота. Так, на ярмарку в июне 1912 г. было привезено около 30 голов рогатого скота, столько же лошадей, домашняя птица. Восемнадцать подвод было с молочными продуктами и овощами, одна — со свежим мясом. Оборот ярмарки составил 5857 рублей. Было продано 26 коров (по цене от 80 до 150 руб.), 2 быка, 27 лошадей (по цене от 40 до 80 руб.), 20 кур, 3 пуда свежей свинины, молочных продуктов и яиц на 23 руб., овощей на 7 руб. и мелочных товаров на 200 руб. Известно, что большую часть скота закупили купцы из Николаевска-на-Амуре.

С каждым годом число скота, доставленного на ярмарку, не уменьшалось, а сбывать его было все труднее. Так, в 1916 г. на ярмарку было приведено 80 голов рогатого скота и 90 лошадей. Продано же было только 30 коров и 16 лошадей. Также на ярмарку жители привезли десять подвод с молочными продуктами, овощи, пятнадцать свиней, птицу. Вся эта продукция была распродана без труда, со скотом же было сложнее (25).

Приведенные данные по сахалинским ярмаркам свидетельствуют об очень незначительном внутреннем товарообороте. Ярмарочный оборот каждой из описанных не достигал 6 тыс. рублей. Населению было практически некуда сбывать сельскохозяйственную продукцию, что сдерживало развитие сельскохозяйственного производства в целом.

Таким образом, в конце XIX в., с приходом русского населения, на Сахалине впервые появилось пашенное земледелие. Несмотря на суровые природно-климатические условия, возникли очаги земледелия, распространившиеся на всю центральную и южную его части. Данные таблицы 2 свидетельствуют о значительном развитии пашенного земледелия по всем округам в рассматриваемый период. За тридцать лет количество пахотной земли по двум северным округам увеличилось в 100 раз. Если в конце 1870-х гг. пахотные угодья исчислялись несколькими десятками десятин, то

к началу XX в. это уже был земельный массив более чем в 6 тыс. десятин.

Интересно отметить такую деталь. В 1908 г., по сравнению с 1900 г., общее число пахотных земель уменьшилось. Это естественно, ведь юг острова был оккупирован. Важно, что в северных округах число пахотных земель сократилось незначительно. В Александровском округе — с 759 до 714 дес., в Тымовском — с 3164 до 2885 дес. (табл. 2). Эти данные противоречат утверждениям многих авторов о том, что после войны остров был заброшенным, хозяйства были в упадке. Обращает на себя внимание тот факт, что количество усадебной и огородной земли, сравнивая те же годы, уменьшилось значительнее, чем пахотной, — почти в три раза. Действительно, миграции населения на материк, вызванные военными действиями, привели к уменьшению общего числа хозяйств. В то же время введенные в хозяйственный оборот пашни не были заброшены: они перешли в пользование оставшегося населения.

Для социальных и естественно-географических условий рассматриваемого периода наиболее целесообразной была залежная система земледелия в сочетании с паровым земледелием и элементами подсеки. В первоначальный период расселения использовались естественные поляны, с их освоением переходили к подсеке. На росчистях вели переложное хозяйство с переходом на ближних полях на паровое двухполье с применением удобрений. Подсеки не стали самостоятельной системой, но сохранились до конца XIX в. из-за оазисного расположения удобных земель.

На Сахалине существовал перевес яровых культур над озимыми. Много сеяли овса и ржи по сравнению с пшеницей. Весь рассматриваемый период существовало право свободного захвата земель. Большое внимание уделяло население скотоводству. Обильные пастбища и луга, отсутствие эпизоотий на острове создали естественные предпосылки, а население закрепило их приемами тщательного ухода за скотом.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ДРУГИЕ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Сахалин отличается богатством рыбных ресурсов морей, рек и озер. Представители четырех отрядов рыб: сельдеобразные, окунеобразные, камбаловидные и трескообразные,

являются объектами рыбного промысла. В пресноводных водоемах обитает пять видов тихоокеанских лососей — горбуша, кета, кижуч, красная (нерка), сима. Они издавна являлись основой благополучия местного населения.

Литературные источники донесли до нас многочисленные красочные, восторженные описания современников о поразивших их «сказочных, несметных, неисчерпаемых» рыбных богатствах Сахалина. Одним из первых свидетельств такого рода является запись в дневнике одного из участников Амурской экспедиции Н. В. Буссе: «...Для продовольствия команды свежею рыбою, я посылаю вечером трех человек на маленькой лодке с саками, чем на садках вынимают рыбу из барок. Люди наши вынимают, так сказать из природного садка, т. е. прямо из бухты Тамари, по 300 рыб в полчаса. Я закидывал наш невод и вытащил столько рыбы, что мы не знали, куда девать ее, и потеряли только время на уборку ея» (26).

На этапе адаптации населения к местным условиям, формирования новых трудовых навыков особенно остро ощущалась зависимость от природных факторов. Попав в новую обстановку, столкнувшись с природно-климатической спецификой острова, население очень скоро оценило значение рыбы. В нелегких условиях освоения территории промысел рыбы выходит на первый план как верное подспорье хозяйства. Беседуя со старожилами, мы обратили внимание на то, что никто из них не вспомнил такие моменты, когда они или их родственники терпели очень сильную нужду, голодали. Неурожайные годы, конечно же, были, и очень часто. Но в эти годы выручала рыба. Тогда она становилась основным продуктом питания, временами полностью заменяя более традиционные для русских продукты.

Большая часть поселений в конце XIX — начале XX вв. располагалась по берегам рек или вблизи них, а также на морских побережьях. Реки снабжали жителей разнообразной рыбой. «... в р. Дуйке водится кунджа и горбуша; в р. Пилинге — чебаки, красноперки; в р. Большой Тыми — превосходная форель постоянно (круглый год), а к 20-му сентября начинается ход в нее из Охотского моря кеты», — писал в 1880 г. о реках средней части острова один из современников (27). Морские побережья изобиловали треской, сельдью прекрасного качества, другими видами рыбы.

Орудия рыбной ловли были разнообразными. Часто население обходилось какими-либо подручными средствами,

даже не применяя специальных рыболовных снастей. Такой период наступал во время рунного, массового хода лососей, когда огромное количество рыбы заполняло мелкие горные реки. В это время реки, где располагались селения, представляли очень живописную картину — они буквально покрывались рыболовами. Информатор из пос Тымовское рассказывала, что когда она была маленькой, «...казалось, пробежать по речке можно и не утонуть. Когда большой ход был. Прямо стена, аж черно. А мы, ребята, снимали рубашки и тягали ее» (28). Один из путешественников отмечал, что они ловили рыбу «...просто руками или закидывали в воду привязанную к удилищу петлю. Одного взмаха достаточно было, чтобы выкинуть на берег крупную рыбину, и в пять минут у нас были готовы запасы на завтрак...» (29).

Промышляли и разнообразными колющими орудиями — баграми, шестами, острогами и даже вилами. Самым распространенным способом ловли лососей было багрение. Для этого на берегу реки делали небольшой, выдающийся над водой деревянный помост на сваях. Рыбак усаживался и водил по воде очень длинным тонким шестом с железным крючком на конце. Как только чувствовалось прикосновение рыбы, рыбак подсекал ее и выбрасывал на берег. Чтобы было легче справиться с сильной рыбой, крючок прикреплялся к шесту тонким ремешком. При подсекании рыбы крючок соскакивал, и рыба повисала на ремешке. Баграми ловили только для собственных нужд при хорошем ходе (30).

После окончания массового хода и при необходимости наловить большое количество рыбы на реках ставили заездки. Они были различного типа, но принцип действия был одинаков. Существенной частью являлась перегородка; она загораживала свободный проход по реке, рыбе приходилось двигаться вдоль перегородки, где она попадала в ловушку. По подобному же принципу действовали и «запоры» — стенки, перегораживающие течение реки поперек. Запоры и заездки устраивали из ветвей, соломы, оставляя небольшие просветы. В такой просвет вводили ловушку — это могли быть морды, верши, корчаги. Ловушки различного типа, плетеные и вязаные воронкообразные верши или круглые морды, применялись и как самостоятельные орудия (31).

В низовьях рек имели распространение невода и сети. Это были высокопроизводительные орудия, ими ловили в

основном на продажу. Кроме обычных закидных неводов, применяли морские ставные или поставные невода. Плетение сетей на Сахалине было чисто мужским занятием. Сети плели из толстого покупного шпагата. Распространение получили японские рыболовные орудия, которые завозились рыбопромышленниками. В крестьянских хозяйствах сети и невода были только у наиболее зажиточных жителей. Так, в хозяйстве Парфенова из селения Корсаковского имелся «...маленький неводок, всего только в 35 сажень, он вылавливал в одну тоню по 30 штук кеты» (32). Этого количества рыбы хватало на зиму семье. Часто невод принадлежал не отдельному крестьянину, а небольшой группе односельчан — «коллективу». Этим же коллективом потом и ловили, и делили улов (33).

Неводами добывали рыбу и на казенных тюремных рыбалках. Один из очевидцев так описал эту процедуру. «При мне заметнули невод. Одни делали заезд на узкой лодке, другие вошли в воду и растягивали сеть, а мы все, стоящие на берегу, начали сгонять рыбу, кидая в воду камни. Но не было нужды заботиться о большом улове: и так не могли вытащить сеть, в мотне которой билось более пятисот крупных рыб» (34).

Речных рыб — форель, красноперку, налимов, а также треску ловили крючковыми снастями. В реках ловили рыбу постоянно. Сезонный лов распространялся только на «проходные» породы — лососей, сельдь, треску.

Горбушу, симу, кету добывали и заготавливали впрок осенью. Этим занималось все мужское население. Необходимо было сделать прочный запас питания на зиму. «Случается, что во время хода рыбы заболеет хозяин, и семья, где нет взрослых мужчин, кроме отца, остается на целый год без рыбы, составляющей главную пищу жителей» (35).

Первым начинался ход самого многочисленного вида лососей в Сахалинском бассейне — горбуши. Ее, как правило, впрок не заготавливали. Горбушу варили, жарили, но не солили. Поджидали ход кеты, ее заготавливали на зиму (как говорят старожилы — «били на осень»). Первую кету после недолгой засолки мыли, распластывали, нанизывали на деревянные колья и сушили на солнце или на чердаках домов. Этот способ заготовки рыбы заимствован у традиционно занимавшихся рыболовством и изготовлявших юколу — вяленую рыбу с костями — нивхов, жителей северной части Сахалина. У русских соленая рыба ценилась гораздо

выше, чем вяленая. Заготавливать всю рыбу солением не было возможности из-за дороговизны соли.

Проблема соли стояла на Сахалине достаточно остро уже в 1880-е годы. Соль, как практически и все товары, была завозной, а при дороговизне фрахта цена на нее была высока. Усилиями агронома острова М. С. Мицуля в самом начале 1800-х гг. были устроены паровые солеварни, где выпаривали соль из морской воды (36). Это были небольшие по производительности солеварни, соль выпаривалась самым примитивным способом, поэтому была невысокого качества. Но если принять во внимание, что до устройства солеварен из-за нехватки соли ссыльные получали вместо нее рассол от солонины, то и местная соль была большим благом. В крестьянских хозяйствах соль берегли, использовали экономно. На тюремных рыбалках засол происходил следующим образом: «Засольщик в больших кожаных рукавицах брал очищенную кету, раскрывал ее и, проведя пластмя два раза по соли в большом открытом ящике, укладывал в высокую, несколько конусообразную бочку» (37).

На засолку шла последняя кета; ее ловили поздней осенью («как шуга идет»). Эту рыбу называли бочковой и ценили выше всякой другой. Она составляла основу питания зимой; ее заготавливали столько, чтобы хватило до весны. Русские не переняли японский сухой способ засолки рыбы. При этом способе рыба солилась на циновках. Распластанная и очищенная рыба пересыпалась солью морской выварки и складывалась поленницами. Затем она, потеряв много воды, перекладывалась на новое место, снова густо солилась. У русских пластового засола совершенно не встречалось; они считали такую рыбу сухой, безвкусной, слишком соленой.

Рыбу заготавливали соответственно с потребностями хозяйства. В подворных описях сахалинских селений, кроме обычных данных о количестве жилых и хозяйственных построек, земли и скота, обязательно имеются и цифры о количестве заготовленной в хозяйстве рыбы. Цифры различны, они колеблются от 7 пудов на хозяйство до 100. Старожилы вспоминают, что счет запасов вели на сотни. В одних хозяйствах «...помногу не солили. Самое многое, если сотню ее посолят. Или вот пятьдесят штук и все». В других хозяйствах заготавливали больше — «по две, по три сотни запасали на зиму» (38).

Анализируя данные подворных описей и информацию

старожилов, можно выявить одну закономерность. Совершенно очевидно прослеживается связь между количеством заготовляемой рыбы и количеством земли и скота в хозяйстве. В более крепких хозяйствах и рыбы заготавливали больше, в более слабых — меньше. Так, в 1901 г. в хозяйстве крестьянки свободного состояния А. Данилицыной из с. Воскресенского было заготовлено значительное количество рыбы — 100 пудов. Состав семьи невелик — хозяйка, один сын и три дочери. Хозяйство крепкое, имело 12 голов скота, 12 дес. земли. Несколько меньше заготовили рыбы в хозяйстве Петра Ерсулова из с. Дербинского — 80 пудов. В хозяйстве было 8 голов скота и 11 дес. земли. Основная масса семей в тот год заготовила в среднем по 40—50 пудов. Если принять во внимание, что на пуд кеты шло не более 4—5 рыбин, то выходит, как и рассказывают старожилы, по 150—200 штук на хозяйство. В крепких хозяйствах имелась возможность купить больше соли — рыба заготавливалась не только для своих нужд, но и на продажу.

В то же время имелись и такие хозяйства, где рыбы заготавливали значительно меньше. Только семь пудов заготовили в том же 1901 г. в хозяйстве крестьянки свободного состояния П. Михальчук из с. Дербинского (члены семьи — муж, младший надзиратель, и дочь). И хозяйство было не очень крепкое — 4 головы скота и половина десятины земли. Подобную же картину мы видим в хозяйстве крестьянки свободного состояния Н. Корсунь из того же Дербинского. В этой семье трое мужчин — муж (тоже младший надзиратель) и двое сыновей. Согласно подворной описи рыбы заготовлено только пятнадцать пудов. Невелико и количество земли — половина десятины усадебной и полторы сенокосной, пахотная же отсутствует вовсе. Скота в хозяйстве было 5 голов — два рабочих быка, одна корова, два теленка (39).

Очевидно, в этих случаях большую роль сыграло то обстоятельство, что мужья крестьянок состояли на службе и получали денежное жалованье. В семьях была возможность прикупить необходимые продукты, к примеру, ту же рыбу. В хозяйство сахалинского населения рано проникли товарно-денежные отношения; они не носили натурального характера и при возможности были ориентированы на куплю-продажу товаров и продуктов.

Рыбы на Сахалине в продаже было много, причем не местной, а привозной. Невозможно объяснить, зачем везли на остров рыбу, но была в лавках и керченская, и астра-

ханская селедка, и рыба с Балтики. Вне всякой конкуренции были лососевые с Амура, особенно много их было на ярмарках, оттуда же везли и калугу, она считалась самой вкусной рыбой.

Покупали рыбу для заготовки на зиму и жители тех мест, куда лососевые не заходили, а также жители селений у верховьев рек. Рыба туда доходила «вся выбитая», считалась плохого качества. Жители Тымовского округа лучшей считали рыбу из Александровского округа — «там рыба не нашей ровня, там морская рыба-то,.. тут рыба плохая была» (40). Жители Александровского округа считали лучшей кету с Тымовского округа, особенно с местечек Адо-Тымово, Чир-Унвд, Соболи. Покупать рыбу ездили на рыбалки. Сотня кеты стоила от 2 до 4 рублей (41).

Кроме засолки и валения, рыбу коптили. Практически в каждом хозяйстве были небольшие деревянные коптильни. Зимой лососевых замораживали. Рыбу закапывали в снег в определенном месте двора («закатывали»), выкапывали по необходимости. В некоторых хозяйствах замороженную рыбу складывали в поленницу под навес.

Икру лососевых в крестьянских хозяйствах заготавливали мало. Для себя практически про запас не солили. Иногда сушили на солнце прямо с пленками («в пачках»). Известен и способ засолки в пачках. Икру сутки держали в соленом растворе, потом вынимали и вешали на жердочки для просушки. Подвяленную икру складывали в ящики с пергаментом, сверху укладывали доску и хороший гнет. Икра спрессовывалась и резалась, как сыр. Старожилы вспоминают, что икра «особенно не ценилась». Истинная причина, очевидно, кроется в дороговизне соли. Икру охотно скупали купцы из поста Александровского или Николаевска-на-Амуре, но в конце XIX в. «...немногие из русских позволяли себе эту маленькую роскошь — насолить на зиму бочонок икры» (42).

Соленая и сушеная рыба шла на внутрисемейное потребление; сбыть ее было трудно. Внутри сел рынок сбыта был очень ограничен. Продать можно было на ярмарках, а также чиновникам. Крупным потребителем была тюрьма. Парадокс сахалинской жизни состоял в том, что рыба в тюремные склады поставлялась с Амура. Нелепость положения, когда при изобилии рыбы и наличии тысяч свободных рук рыбу покупали в Николаевске-на-Амуре, была очевидна и в то время. Тымовский окружной начальник Бутаков не-

сколько лет поднимал вопрос о заготовке рыбы для нужд тюрьмы трудом жителей. В 1899 г. ему удалось добиться, чтобы его округ покупал рыбу у поселенцев. Эта акция имела успех; в тот год 86 поселенцев поставили в тюрьму 5828 пудов соленой рыбы на сумму 7825 рублей (43). Корсаковский округ продолжал покупать рыбу у японских промышленников (44).

Поставлять продукты рыболовства на рынки за пределы острова отдельным крестьянским хозяйствам было крайне сложно. Для Сахалина всегда остро стоял вопрос о регулярной налаженной связи с материком. Отсутствие удобных гаваней возводилось администрацией чуть ли не в основную причину слабого развития всей экономики острова (45). Видя выгоду в занятии рыбным промыслом и сложность заниматься им в крупных масштабах в одиночку, местное население предпринимало попытки объединиться в артели, создать организованное производство. И проявления инициативы местных жителей по этому вопросу были.

Практически все побережье острова, также низовья реки Тыми были разделены местной администрацией на сеть рыболовных участков. Ежегодно в местной печати публиковались списки участков, на которых разрешался промысел. Согласно этим спискам и подаваемым прошениям участки сдавались в аренду. Распределение рыболовных участков находилось в ведении окружных полицейских управлений.

В фонде земледелия и государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей РГИА ДВ сохранились многочисленные прошения жителей селений об аренде рыболовных участков. Жители селений Воскресенского, Михайловского, Наумовки, Успенского, Невельского ходатайствовали об отводе рыбных тоней как против их селений, так и по реке Тыми, и в Ныйском заливе, об открытии засольных участков близ селений (46).

Рыбные участки брали в аренду не только единолично, но и сообща два-три человека. Так, в 1903 г. подали прошения на совместную аренду рыболовных участков А. Бритаев и Ханикашвили (3 участка), К. Жакомини и М. Верисова (1 участок), К. Жакомини и Н. Каргопольцева (1 участок) (47). Двенадцать участков по западному берегу Сахалина просили отдать в аренду в 1902 г. Анастасия Кучма, Н. Журавлев и Н. Михеев (48). Были ли в 1902 г. отданы им в аренду участки или нет, неизвестно, а началось это дело в 1901 г. Тогда жители поста Александровского, крестьянка

свободного состояния Анастасия Кучма (приехала на Сахалин за мужем, сосланным на поселение в 1878 г.) (49) и крестьяне из ссыльных Дмитрий Михеев и Николай Журавлев, обратились с просьбой к начальнику округа об отдаче в аренду на срок от 3 до 5 лет для селедочного промысла тринадцати участков по западному берегу Сахалина. На это прошение последовал отказ. Причины его мы узнаем из переписки начальника Александровского округа с Приамурским генерал-губернатором. Оказывается, что администрации округа «...даже неизвестно, существуют ли в натуре такие участки, ибо берег этот совершенно не известен». Меньше чем через месяц вновь было подано прошение, в котором крестьяне сообщали, что они сами измерили местность, разбили ее на участки. Имеются и описания местности, ее точные координаты, размеры запрашиваемых участков. Никакого положительного разрешения этого вопроса в деле не содержится.

В переписке мы находим и сетования начальника округа по поводу того, что среди населения «...есть немало лиц вполне благонадежных, заслуживающих поддержки», которые желают заняться промыслом, но ему «постоянно приходится отказывать просителям как потому, что побережье это... совершенно не известно, так и потому, что на нем не имеется мест, включенных в ежегодно публикуемые списки участков» (50).

Имеются сведения о существовании вольных артелей для занятия рыболовством, хотя таких было очень мало. Так, в 1895 г. в северной части острова существовала только одна вольная артель из ссыльнопоселенцев. В 1896 г. число вольных артелей возросло до четырех, а в следующем году их было уже двенадцать (51). В средней части острова, в Александровском округе, в 1898 г. были организованы две артели со своими лодками и снастями. В следующем году в соседнем, Тымовском округе, также организовалось несколько артелей. Руководил ими один из ссыльных. О деятельности этих объединений мало известно; они быстро распадались по окончании путины, но интересны как проявление частнохозяйственной деятельности местных жителей.

На юге острова организовать артель и арендовать участок было еще сложнее. Большая часть рыбных промыслов юга была монополизирована японскими промышленниками, а также владивостокскими купцами Я. Л. Семеновым и

Г. Ф. Демби. Фирма «Семенов и К» подчинила более мелких промышленников — Х. Бирича, Крамаренко, Г. Трошина, М. Никоненко, А. Ларионова, других. Преодолеть все заслоны и получить рыболовный участок на юге для рядового поселенца было практически невозможно, но единицам это все-таки удавалось. Известен случай, когда в 1897 г. «поселенцы селения Муравьевского благоприятным случаем получили ...разрешение ловить рыбу у своего селения. Поселенцы ловили артелью вместе с японцами (их снастями) очень удачно; мечтали на другой сезон обработать лодки и завести бродник, но им более права лова не дали, — даже само селение подвергнуто сомнению «по отдаленности пашен (в 3 верстах)» (52). В этом случае сказалась все та же установка на чисто земледельческую колонизацию с упором на выращивание зерновых. Поселенцы вполне обеспечивали себя овощами и картофелем. Хлеб они должны были уже покупать, а это уже считалось нарушением.

Жители селений Южного Сахалина занимались специфическим промыслом — добывали морскую капусту. Крестьяне Корсаковского округа нанимались сезонными рабочими на несколько летних месяцев. С пуда платили 32—40 коп., а за все лето можно было заработать от 150 до 300 руб. (53). Это позволяло нанять работников на время уборки хлеба и заготовки сена, прикупить скота. В литературе имеются свидетельства о существовании на острове целых селений, живущих исключительно рыбным промыслом. Главным занятием жителей этих немноголюдных селений были рыболовство и заготовка рыбы впрок. Несмотря на отсутствие своего хлеба, жители были хорошо обеспечены.

В связи с развитием рыбного промысла на Сахалине появляется новый социальный тип хозяина. Это крестьянин, имеющий земельный надел и получающий значительный доход в хозяйство от рыбного промысла. Подобный тип «зажиточного крестьянина-промысловика» был выделен А. И. Алексеевым для других районов Дальнего Востока (54). На Сахалине такого рода крестьян было немного. Одна их часть в более или менее равной степени занималась и сельским хозяйством, и рыболовством. Другая же все дальше отходила от земледелия, тяготея исключительно к рыболовству

Крупнейший сахалинский кулак-промысловик, крестьянин

из ссыльных Х. Бирич, имел в 1902 г. тридцать десятин земли, более пятидесяти голов скота самой лучшей породы и в то же время арендовал тринадцать рыболовных участков (55). Другой крестьянин из ссыльных А. Ларионов десять лет занимался сельским хозяйством, потом целиком переключился на рыбный промысел. Он был промысловиком более мелкого масштаба, арендовал три участка. Интересен пример крестьянина П. Савельева. Он во многом типичен для целого слоя постоянного русского населения острова. На остров он попал семилетним ребенком. В 1883 г. его отец, крестьянин Самарской губернии Александр Савельев, был сослан на каторгу. С ним приехали жена Настасья и пятеро детей (56). Родители Петра занимались исключительно сельским хозяйством, имели хозяйство среднего достатка. Петр не ограничил хозяйственную деятельность только сельским хозяйством, понял выгодность занятия промыслом и стал зажиточным крестьянином-промысловиком. Путь комплексного хозяйства, сочетание различных видов хозяйственной деятельности были для острова наиболее перспективными, и знаменательно то, что все большая часть жителей сознавала это.

Таким образом, рыболовство занимало видное место в хозяйстве сахалинцев. У отрасли были все предпосылки стать главной товарной отраслью крестьянского хозяйства. В 1911 г. в годовом отчете инспектора сельского хозяйства указывалось, что «...при современной денежной форме хозяйства сахалинскому хозяину нужна рыба не только как пища. Ему откуда-то нужно извлечь и денежные средства... Однако сельское хозяйство удовлетворить всем потребностям не может. Заработков нет, промыслов нет никаких... Рыба при иных условиях могла бы быть весьма важным подспорьем в хозяйстве сахалинского крестьянина» (57). Она не стала таковым ввиду слабого развития внутреннего рынка и невозможности вывезти продукты рыболовства за пределы острова.

Русское население активно включало продукты рыболовства в рацион питания. Продукты рыболовства рассматривались не как замена привычных продуктов, временное подспорье в период неурожаев (хотя так фактически и случалось неоднократно), а как привычный, каждодневный продукт питания. Для выходцев одних районов России — Поволжья, Сибири, Севера — рыба и на родине была основой питания. Но основными районами выхода являлись юг Рос-

сии, черноземная зона, Украина. Этому населению приходилось перестраиваться на новый рацион питания. По сравнению с русскими средней полосы России сахалинцы употребляли в пищу гораздо больше рыбы ценных пород — лососевых, сельди, трески.

Рыбные продукты прочно вошли в быт населения, без них не обходилась ни одна трапеза. «Раньше рыба в охотку шла», «Больше выезжали на картошке и на рыбе», — вспоминают старожилы. Типичным блюдом, которое ежедневно присутствовало на столе крестьянской семьи среднего достатка, была отварная или соленая рыба с отварным картофелем. Характерным набором продуктов на завтрак были рыба, картофель, хлеб и чай с молоком. Среди населения бытовало мнение, что если на завтрак не поесть рыбы, то весь день будешь голодным.

Из свежей рыбы варили уху, жарили. Из соленой рыбы зимой приготавливали разнообразные блюда. Делали пельмени, котлеты, начинки для пирогов и пирожков, отмачивали и жарили, отмачивали и варили с различными крупяными или мучными добавками. Также использовали мороженую рыбу, особенно часто из нее делали котлеты и пельмени. Лакомством считались соленые рыбьи головки. Сушеная в пачках икра была излюбленным лакомством ребятишек. Прессованную соленую икру употребляли в пищу как закуску, а также ели с хлебом, картофелем. Женщины пекли на продажу, пышки, называемые икряниками. В целом, крестьяне употребляли икру в пищу очень немного. Рыба же в разных видах была на столе в каждом доме три раза в день; по воспоминаниям старожилов, она нередко приедалась, но в то же время всегда выручала при отсутствии других продуктов («Каждый день ели. Утро, вечер и обед рыба. Она душу переела. Надоела, не надоела, кушать надо что-то») (58).

Таким образом, рыболовство на Сахалине (в конце XIX — начале XX вв.) имело очень широкое распространение, им занималось практически все взрослое мужское население острова. Здесь, на Дальнем Востоке, острее, чем где-либо, ощущалась зависимость человека от природных факторов. За короткий исторический срок выходцы из различных районов страны попали в обстановку, значительно отличающуюся от той, что была у них на родине, сумели приспособиться к местным условиям. Они оценили значение

богатств морей и рек острова для своей жизни и начали ими широко пользоваться.

Из других видов занятий сельского населения можно выделить только охоту и извоз. В 1908 г. извозом занималось 17 семей, охотой — 68 (59). По округам они распределялись неравномерно. Шестнадцать семей из семнадцати занимались извозом в Александровском округе. Это был зимний промысел. По побережью Татарского пролива проходила дорога, связывавшая в зимнее время остров с материком. Эти семьи и обслуживали зимник.

Охотой занимались главным образом жители Тымовского округа, более богатого лесом и речками. Охота велась на лисиц, выдр, диких оленей, кабаргу. На медведей охотились летом, на местах их постоянных рыбалок. Специально белкованием сахалинцы не занимались, белку били попутно. Основным объектом охоты являлся соболь. Промышляли его поздней осенью и ранней весной. Летом охотники чистили речки, освобождая их от поваленных деревьев. Оставляли только несколько деревьев-мостов, на них и устанавливали позже волосяные петли. Немного семей занималось исключительно охотой. Как правило, охоту совмещали с рыболовством и земледелием, эти занятия приходились на разное время и не мешали друг другу.

Домашние промыслы и ремесла на Сахалине были развиты слабо ввиду того, что здесь было значительное число привозных товаров, и товарно-денежные отношения получили достаточное развитие. Хозяйство местного населения не имело натурального характера, было ориентировано на покупку предметов быта, орудий труда. В хозяйствах не было принято гнать смолу и деготь, обрабатывать кожи, заниматься бондарным делом или изготавливать глиняную посуду, женщины не занимались прядением, ткачеством, а покупали ткань или готовые изделия. В 1908 г. в Александровском округе торговлей занималось 50 семей, в Тымовском — 20; для послевоенного Сахалина это было значительное число (60). Состав товаров, ввозимых на Сахалин, был очень разнообразен; кроме русских товаров, это были товары из Америки, стран Востока. Безусловно, многие товары были не всегда доступны по цене. Жители брали их в лавках в долг; после продажи рыбы, скота или овощей погашали долг.

В селениях были ветряные и водяные мельницы, при-

надлежавшие зажиточным крестьянам, а также небольшие предприятия по производству кирпича.

Рассмотренные материалы показывают, что хозяйственное освоение русскими Сахалина в конце XIX — начале XX вв. происходило интенсивно, захватив большую часть территории острова. Хозяйство русских представляло собой довольно своеобразный комплекс. Бесспорно, что в основе хозяйственной деятельности лежали общерусские традиции. Это выражалось в главных занятиях населения, в основных приемах хозяйствования. В то же время нельзя не отметить значительное число местных особенностей, обусловленных спецификой природы и климата.

Как характернейшую черту необходимо отметить, что для хозяйства русских Сахалина была характерна многосторонность. Невозможно рассматривать земледелие как основное занятие только на том основании, что оно усиленно насаждалось, поскольку такова была официальная политика. Рыболовство, огородничество, животноводство, земледелие — все стороны хозяйственной деятельности были одинаково важны. Только комплексное хозяйство могло в условиях Сахалина развиваться устойчиво, в наименьшей мере страдать от различных природных катаклизмов, на которые так богат остров.

Хозяйственную деятельность русского населения можно наблюдать на протяжении очень короткого исторического периода. Полностью адаптироваться за это время трудно. Важно то, что и за этот короткий срок русские уловили особенности, специфику местности. В конце XIX в. житель селения Нижний Армудан, выходец Пензенской губернии, так отозвался об острове: «Здесь жить можно. Первое дело — только не ленись! Травы кругом много — коси, сколько хочешь! Тебе пашню надо? Бери земли, сколько твоей душе угодно, только не ленись корчевать! Это не то, что в нашей губернии, где из-за каждого клочка грызутся. Ведь и я сюда попал за драку из-за земли... — если бы мог, я и сына перетащил бы сюда из России. Подумайте, лесу под боком сколько хочешь! Попенных не берут, податей никаких... Надо только во время посеять, да и ведро не проспать в жатву. А рыба здешняя — какое подспорье хозяйству!.. И скот здесь здоровый и хорошо плодится. Как можно жаловаться на здешнюю сторону». Не всем быстро удалось перестроиться на комплексное ведение хозяйства; это в большей

мере получалось у тех, кто прибыл в 1870—80 гг., то есть прожил на острове лет тридцать и более.

Постоянное русское население активно включало в хозяйственный оборот богатства острова, заложив основу для дальнейшего освоения его ресурсов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 310. Карт. 1668. Л. 6—7.
2. Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (НАСОКМ). Оп. 3. Д. 185. Л. 3.
3. Сабурова Л. М., Торэн М. Д. Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX — начале XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. — С. 18.
4. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 1182. Оп. 2. Д. 285. Л. 93 об.
5. ЦГИА. Ф. 1182. Оп. 2. Д. 258. Л. 94.
6. Чехов А. П. Остров Сахалин. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. Т. 14—15. — С. 110.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 398. Л. 12, 13, 19, 28, 29, 57—63, 70, 95, 121, 152, 155 (подсчет наш).
8. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 193. Л. 60—63, 68—76, 79—80, 92—95, 103, 106 (подсчет наш).
9. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 156. Л. 264.
10. ЦГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 54. Л. 21 об.
11. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 59. Л. 7, 18.
12. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1790. Л. 103 об. — 104.
13. Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. — СПб., 1912. — С. 210.
14. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. — С. 214—216; Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1975 г. — С. 24—25.
15. Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем. Вып. 3. О. Сахалин, 1913. — С. 8—9.
16. Там же.
17. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 193. Л. 79, 86, 87, 102, 104, 106.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 5. Д. 1493. Л. 10 об.
19. Мицуль М. С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873. — С. 136.
20. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1493. Л. 10 об.
21. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 317. Л. 2.
22. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 193. Л. 42—45, 54, 55.
23. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 59. Л. 8, 14.
24. РГИА ДВ. Ф. 1157. Оп. 1. Д. 57. Л. 56.
25. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 317. Л. 395.
26. Буссе Н. В. Русские и японцы на Сахалине. // Вестник Европы. Кн. 10. — СПб., 1872. — С. 547.

27. Августинович Ф. М. Заметки об острове Сахалине. СПб., 1880. — С. 22.
28. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 34.
29. Краснов А. Н. На Сахалине. Из воспоминаний путешественника по востоку Азии. // Исторический вестник. 1884. — Февраль. — С. 386.
30. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 404.
31. Августинович Ф. М. Заметки об острове Сахалине. — С. 25; Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 2. — С. 347.
32. Мельников В. Е. Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. — С. 34
33. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 33.
34. Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. — С. 121.
35. ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1970. Л. 111.
36. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 493. Л. 38 об. — 39.
37. Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. — С. 122.
38. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 59. Л. 14, 18; Д. 185. Л. 21.
39. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2104. Л. 102 об. — 147.
40. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 59. Л. 8, 14.
41. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 21. Мельников В. Е. Дальний Восток... — С. 3.
42. Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. — С. 123.
43. Панов А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. — С. 172.
44. Ливин Ф. Записки сахалинского чиновника // Тюремный вестник. — 1910. — № 10. — С. 499.
45. Григорьев Д. Записка о современном положении Сахалинской области и ея нуждах. — П. Александровский, 1911. — С. 15.
46. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 494. Л. 28, 40, 50, 52, 159; Ф. 1193. Оп. 2. Д. 452. Л. 44, 45, 70, 72, 230, 231.
47. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 243. Л. 33—36 об.
48. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 210. Л. 40—41.
49. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 156. Л. 400—404.
50. РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 110. Л. 22, 23, 25—27, 29, 30.
51. ЦГИА. Ф. 398. Оп. 61. Д. 19374-е. Л. 37 об. — 38.
52. Там же. Л. 103 об.
53. Крюков Н. А. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. М., 1896. С. 36. Ливин Ф. Записки сахалинского чиновника. С. 496.
54. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. — С. 214.
55. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 243. Л. 33—36 об.
56. РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 1. Д. 210. Л. 33, Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2126. Л. 177.
57. ЦГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 54. Л. 9 об.
58. НАСОКМ. Оп. 3. Д. 59. Л. 18, 19
59. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 694. Л. 326—327.
60. Там же.

Таблица 1

Распределение земель Александровского и Тымовского округов по угодьям, 1889 г.

	Александровский округ		Тымовский округ		Итого процентов
	дес.	кв. саж.	дес.	кв. саж.	
Усадебная земля	311	1920	1235	2290	0,8
Пахотная земля	771	1960	1441	1540	1,2
Сенокос чистый	492	1600	1308	1200	1,0
Сенокос с лесом и кустарником	665	960	3043	1200	2,0
Выгон	238	1200	—	—	0,1
Лес лиственный и молодой	6253	1840	10238	1200	9,0
Лес хвойный	94776	1960	39437	1200	73,0
Неудобные земли	19962	1220	3858	870	13,0
Всего:	123462	660	60581	2300	100

ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1495. Л: 6.

Таблица 2

Посев зерновых культур и картофеля (пуд.)

Округа	1883 год				1887 год			
	пшеница	рожь	овес	картофель	пшеница	рожь	овес	картофель
Александровский	800	331	74	2341	2868	351	287	7553
Тымовский	451	719	9	1598	2114	1431	35	7315
Корсаковский	—	—	—	—	375	517	31	2689
Всего:	1251	1050	83	3939	5357	2299	353	17557

Округа	1893 год				1900 год			
	пшеница	рожь	овес	картофель	пшеница	рожь	овес	картофель
Александровский	3779	408	1315	14509	3725	142	3055	22710
Тымовский	2999	3452	144	15687	7188	3131	6800	22916
Корсаковский	2296	2498	284	4611	10632	3794	1452	31613
Всего:	9074	6358	1743	34807	21545	7067	11307	77239

ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 585-а. Л. 120.

РГИАДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 156. ЛЛ. 266—267, Д. 2126. ЛЛ. 268, 473, 493.

Отчет по Главному тюремному управлению за 1893 г. — С. 169,

Таблица 3

Распределение земель по угодьям (дес.)

Округа	1879 г.			1888 г.			1900 г.			1908 г.		
	пахотная	усадебная	сенокосная	пахотная	усадебная	сенокосная	пахотная	усадебная	сенокосная	пахотная	усадебная	сенокосная
Александровский	23	27	179	689	195	245	759	486	2479	714	181	805
Тимовский	8	1	120	657	562	1348	3164	528	2898	2885	195	3379
Корсаковский	—	—	—	157	122	582	2113	541	868	—	—	—
Всего:	31	28	299	1503	879	2185	6036	1555	6245	3599	376	4184

РГИАДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 234. ЛЛ. 6—7, 10—11, 17—28. Д. 893. ЛЛ 49—50. Д 2126. ЛЛ. 268, 473, 493.
ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 1493. ЛЛ: 18—19.

Таблица 4

Количество скота у сельского населения острова

Округа	1884 г.				1893 г.				1900 г.				1912 г.			
	лошади	крупный рогатый скот	козы, овцы	свиньи	лошади	крупный рогатый скот	козы, овцы	свиньи	лошади	крупный рогатый скот	козы, овцы	свиньи	лошади	крупный рогатый скот	козы, овцы	свиньи
Александровский	114	329	—	16	365	1161	23	469	653	1536	44	445	519	496	19	290
Тымовский	94	617	—	—	779	2420	4	245	1373	4531	3	803	1296	3687	69	1142
Корсаковский	80	140	—	—	567	1666	1	193	1836	3852	—	1513	—	—	—	—
Всего:	288	1086	—	16	1711	5247	28	907	3862	9919	47	2761	1815	4183	88	1437

РГИАДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 156. ЛЛ. 266—267. Д. 2126. ЛЛ. 268, 473, 493.

Отчет по Главному тюремному управлению за 1893 г. — С. 172.

И. А. Самарин

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ.

Настоящая публикация посвящена одному из наименее освещенных в современной литературе и вместе с тем самому интересному эпизоду второстепенного театра военных действий русско-японской войны — обороне Сахалина летом 1905 года. Думается, сахалинский читатель с интересом прочтет о событиях, сведения о которых ранее можно было найти в изданиях, давно ставших библиографической редкостью. Узнает о героях обороны Сахалина, незаслуженно обойденных вниманием в краеведческой литературе.

Уникальность описываемых ниже событий обусловливается тремя причинами: во-первых, боевые действия на Сахалине проводились в тот момент, когда воюющие стороны, при посредничестве западных держав, уже заключили негласное перемирие и были готовы подписать мирный договор; во-вторых, несмотря на понимание необходимости обороны Сахалина, Камчатки и Амурского лимана, самые высшие сферы правящих кругов России, включая самого государя, не в состоянии были что-либо предпринять без помощи флота, к тому времени уже не существующего; в-третьих, парадоксальность событий на Сахалине в том, что основная тяжесть обороны его, бывшего местом уголовной и политической каторги, легла на плечи каторжан и ссыльнопоселенцев, отбывавших здесь свой срок наказания.

Основными источниками при написании работы были отчеты о боевых действиях командиров партизанских отрядов и воинских подразделений, другие документы, хранящиеся в фондах Российского Центрального военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Критически переработать эти, зачастую субъективно написанные материалы помогли доку-

менты по итогам работы судебной комиссии, расследовавшей обстоятельства капитуляции русских войск на Сахалине, публикации на русском, японском и немецком языках.

ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОГО САХАЛИНА К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

К началу войны остров не был готов к обороне. Здесь имелось лишь около 1,5 тысячи солдат, входящих в состав четырех местных воинских команд: Дуйскую, Александровскую, Тымовскую и Корсаковскую. В их задачу входили конвоирование ссыльнокаторжных, несение караульной службы, поэтому военного значения они не имели. До посещения Сахалина в мае 1903 года военным министром генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным плана обороны острова не существовало. И военный губернатор острова генерал-лейтенант М. Н. Ляпунов, и Приамурский генерал-губернатор Д. И. Субботич полагали наиболее правильным совсем отказаться от обороны острова и не держать там войска. Новый Приамурский генерал-губернатор Н. П. Линевич с этим не согласился и настаивал на необходимости организовать оборону двух наиболее важных пунктов — постов Корсаковский и Александровский.

С генерал-губернатором был солидарен А. Н. Куропаткин, разработавший программу подготовки острова к военным действиям. Программа предполагала усиление гарнизона каждого поста до одного батальона пехоты, двух тысяч дружинников, одной или двух восьмиорудийных батарей. Для обороны рейдов предлагалось поставить крепостные орудия, «вышедшие из нормальной табели». Посты Корсаковский и Александровский окружить сплошной оградой, не поднимая ее на окружающие высоты, бетонных сооружений не строить, ограничиться деревянными блиндажами, пороховыми погребами и так далее. Для сокращения расходов на строительство предлагалось широко использовать труд каторжан, чтобы стоимость работ не превышала 500 тысяч рублей.

С июля по декабрь 1903 года на Сахалине работала комиссия, которая разработала два варианта укрепления постов. Оба варианта Н. П. Линевичем были отвергнуты как «нецелесообразно дорогостоящие и имеющие целью превратить Сахалинские посты в крепости, мало в чем уступающие Владивостоку» (1). Тогда комиссией был разработан третий вариант, предполагающий возведение вокруг постов вре-

менных сомкнутых укреплений с противоштурмовыми орудиями и береговых батарей с орудиями средних калибров. К началу войны проекты, разработанные комиссией, выполнены не были, и поэтому было решено ограничиться возведением земляных полевых укреплений.

Летом 1904 года были проведены работы по строительству укреплений вдоль береговой линии на участке от мыса Жонкьер до селения Арково-берег, где были открыты стрелковые окопы для стрельбы с колена. Однако их расположение было настолько неудачным, что они подверглись бы продольному обстрелу с моря. Поэтому они так и не использовались русскими войсками в ходе военных действий. Только позиции Дуйского отряда были пригодны для отражения атак с моря, хотя огонь винтовок Бердана, которыми были вооружены дружинники, был мало эффективен — слишком велика была дистанция.

В конце февраля 1904 года, согласно плану мобилизации, было сделано представление о формировании на базе местных военных команд отдельных батальонов. Однако своевременно в октябре 1904 года в 4-ротный батальон была развернута только Александровская команда. Дуйский батальон был укомплектован только в июне 1905 года: офицеры прибыли за 10, а солдаты (303 человека) — за 2 дня до высадки японцев. 6 февраля 1905 года на Северный Сахалин был отправлен 2-й батальон Николаевского крепостного полка, а 15 февраля, согласно приказу № 133 начальника обороны Приморской области, было начато формирование двух Сахалинских отдельных батальонов. 1-й Сахалинский батальон пришел из Николаевска поздней весной 1905 года, а его командир полковник С. Болдырев за 5 дней до начала военных действий. Таким образом, на боевую подготовку пополнения времени не оставалось; прибывшие же части имели весьма плачевный вид: «Нижние чины оказались ничему не обученными, в рваной мундирной одежде и обуви... Все они бородатые, плешивые, с отрощенными животами, не привыкшие к походам вообще, а к передвижению в горах в особенности. Они составляли резкий контраст с солдатами Дуйской команды и на первом же переходе по горам в жару пришли в полное изнеможение», — пишет подполковник Доминицкий, командир Дуйского резервного батальона. Солдаты не умели ходить рассыпным строем, обращаться с 3-линейной винтовкой (2).

Артиллерийское прикрытие Северного Сахалина осуще-

ствлялось силами нештатной Сахалинской батареи из 8 орудий, прибывшей в Александровский пост 18 июля 1904 года. На вооружении батареи стояли клиновые орудия системы Кане с лафетом образца 1877 года, т. е. без поворотного механизма и сошника, что затрудняло ведение стрельбы. К тому же ствольные каналы орудий были изношены так, что при самой верной установке прицела они давали недолет от 300 до 600 шагов. Через несколько выстрелов начинался прорыв газов, угрожая жизни прислуге. Запасные части — каморные плитки и обтюрирующие кольца, требовали арсенальной обработки. Некомплект в батарее более чем 100 лошадей заставлял перетаскивать их по горам и перевалам на руках, что делало их большой обузой для отрядов (3). Запас снарядов на орудие составлял 455 штук. Боеспособность Сахалинской батареи была значительно ослаблена тем, что ее командир подполковник Хабаровских артиллерийских складов В. Мельников не обладал должными знаниями и долгое время пренебрегал своими обязанностями (4).

Таким образом, регулярных войск для обороны Сахалина, имеющего продолжительную береговую линию и множество удобных для десантирования участков побережья, было недостаточно. Поэтому в январе 1904 года приказом наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева было предложено приступить к формированию на Дальнем Востоке вольных дружин «из лиц свободного состояния, ссыльных поселенцев... из состава каторги». Привлеченное «высочайше дарованными льготами», продуктовым довольствием население острова охотно записывалось в дружины. В течение 1904 года на Северном Сахалине было сформировано 8 дружин общей численностью 1338 человек (5). Кроме того, здесь были созданы санитарный отряд из 40 дружинников, 3 конных отряда по 15—20 человек, конный конвой командующего местных войск генерала М. Н. Ляпунова из 11 дружинников (6). По донесению военного губернатора острова, 5, 6, 7, 8-я дружины состояли из ссыльнокаторжных, остальные — из ссыльнопоселенцев и частью из каторжников. Численность дружин была официально определена в 200 человек. В ноябре 1904 года главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткин приказал сформировать еще две дружины, а численность остальных довести до 400—800 человек. Однако сделать это не удалось: часть дружинников выбыла по болезни, другие, еще до начала воен-

ных действий отбыв срок наказания, вышли из их состава (7). К тому же японское правительство, узнав о формировании дружин, заявило, что не имеет возможности признать дружинников комбатантами (военнослужащими), если их невозможно будет отличить от солдат регулярной армии невооруженным взглядом, и оставить за собой право не брать их в плен. То есть, опасаясь встретить организованное сопротивление со стороны населения острова, японцы пытались, и небезуспешно, отбить у сахалинцев желание становиться в ряды дружин (8). Что касается формы дружинников, то с начала формирования дружин предполагалось украшать рукава халата красной тесьмой, красными петлицами, на верх шапки нашивать красный крест, на тулье ее прикреплялся ополченский крест, под которым печатался номер дружины. Однако позже посчитали, что креста на тулье будет достаточно, — так дешевле.

Начальниками дружин были назначены: начальник Дербенской тюрьмы штабс-капитан В. Н. Шебалин, агент морского пароходства КВЖД К. Х. Лансберг, начальник Дуйской тюрьмы капитан Н. Скляренко, зауряд-прапорщик Дуйской воинской команды Явгевич, зауряд-прапорщик Александровского резервного батальона А. Ильичев (9). Вооружены дружинники 10,67-мм винтовкой Бердана с 340 патронами к ней, среди которых попадалось много испорченных: давали осечки, недолеты. Боевой подготовкой с дружинниками их начальники не занимались, по-прежнему видя в них только дешевую рабочую силу. Дружинники работали на рудниках, на рыбалках, корчевали лес. Весной 1905 года дружины были заняты расчисткой дороги, ведущей в Тымовскую долину. «Кормили в дружине плохо — больше рыбой, мясом совсем редко. Учений было мало, больше принуждали к работе: таскали бревна, дрова то для бани, то для комнат полковника Тарасенко», — рассказывал дружинник Петр Лужин (10).

Положение изменилось с прибытием в середине марта 1905 года с Маньчжурского театра военных действий офицеров, присланных для усиления дружин. Они приняли дружины:

2-ю — 85-го пехотного Выборгского полка капитан Н. Филимонов,

3-ю — 287-го пехотного Тарусского полка капитан Н. Борзенков,

4-ю — 139-го пехотного Моршанского полка капитан П. Внуков,

5-ю — 163-го пехотного Ленкоранского-Нотербургского полка штабс-капитан В. Рогайский,

6-ю — 56-го пехотного Житомирского полка капитан Н. Болотов,

7-ю — 8-го стрелкового полка штабс-капитан Левандовский,

8-ю — 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка капитан М. Щекин.

1-й саперной дружиной до окончания военных действий командовал бывший саперный офицер К. Х. Лансберг (11).

С прибытием офицеров жизнь в дружинах изменилась: начались учебные стрельбы, обучение дружинников рассыпному строю по пересеченной местности. Однако времени, отпущенного офицерам для превращения дружин в боеспособные отряды, было слишком мало. К тому же моральный дух в дружинах был невысок, среди дружинников ходили разговоры о сдаче в плен без боя. Между дружинами и батальонами не было налажено взаимодействия: дружинники по-прежнему видели в солдатах угнетателей, конвоиров, а не товарищей по оружию, с которыми им придется идти в бой. Поэтому боеспособность дружин оставляла желать лучшего (12).

Плохо было поставлено дело снабжения Сахалина военным довольствием. За навигацию 1904—1905 гг. в Дуэ и Александровск приходило за углем около 20 пароходов. Капитаны некоторых кораблей предлагали за умеренную плату перевезти необходимые грузы из Николаевска на Сахалин в течение одной навигации. Так, капитан парохода «Лодзин» просил за это 36 тысяч рублей. Однако Приамурскому генерал-губернатору Н. П. Линевичу цена показалась слишком высокой, не помогли с подвозом грузов и несколько небольших шхун, собранных в Александровском посту. В навигацию 1904 года они погибли из-за неопытности, безответственности, а зачастую и пьянства команды. В их числе была и красавица-шхуна «Бирич», бывшая «Дайсан-кайсе-мару», конфискованная отрядом дружинников рыбопромышленника Х. П. Бирича в Косунае в мае 1904 года (13).

Зимой 1904-05 года запасы были исчерпаны: крупный рогатый скот частично забит на мясо; солонина, консервы, соль, масло, чай, овес были на исходе, сахара не было со-

всем. Тогда стали возить запасы из Николаевска по льду на лошадях, платя за один пуд перевезенного груза 4 рубля (вместо 40 копеек морем). Из-за недостатка перевозочных средств успели перевезти только небольшую часть грузов. Около 15 тысяч пудов муки сумели довезти только до мыса Погиби, где она и осталась до прихода японских войск.

За несколько дней до начала военных действий в Александровский пост пришел пароход «Бианка», привезший значительный запас винтовочных патронов (около 2,5 млн.), снаряды, продовольствие. Перевезти в безопасное место их не успели, поэтому часть груза была сожжена, часть досталась населению, а остальное захватили японцы. 9 июля из Николаевска вышел пароход «Сурабайя», который вез на Северный Сахалин горную батарею и тысячу солдат 2-го Сахалинского резервного батальона. Однако в устье Амура корабль сел на мель, батальон и батарею выгрузили и использовали при обороне материкового берега Татарского пролива (14).

Санитарное обеспечение войск Северного Сахалина осуществлялось лазаретом на 18 коек в Александровском посту и на 8 — в Рыковском, резервным полевым госпиталем № 17 (15). В ноябре 1904 года на почтовом пароходе «Муха» прибыл отряд медсестер Красного Креста, снаряженный Великой княгиней Елизаветой Федоровной, с походной церковью, иеромонахом, псаломщиком (16). Однако отсутствие достаточного количества лошадей не позволило санитарным частям передвигаться вместе с воинскими частями. Лазареты были захвачены японцами, только один госпиталь добрался до места капитуляции — в Онор.

К 1 июля 1905 года на Северном Сахалине на базе регулярных войск и дружин было сформировано 4 отряда:

Арковский отряд занимал Арковскую долину на правом фланге общего расположения войск. Командовал отрядом полковник С. Болдырев.

В состав отряда входили:

1) 4-я дружина капитана Внукова занимала позицию возле с. Рождественского	219 чел.
2) 1-й Сахалинский резервный батальон	985 чел.
3) 6-я дружина капитана Болотова	173 чел.
4) полубатарея из 4 орудий нештатной Сахалинской батареи	109 чел.
5) 4 пулемета	40 чел.

6)	конные дружинники	20 чел.
	Итого:	1536 чел.

Александровский отряд под командованием полковника Г. Тарасенко занимал центральную позицию от с. Половинки до Воеводской пади.

В состав отряда входили:

1)	Александровский резервный батальон	869 чел.
2)	2-й батальон Николаевского крепостного полка	874 чел.
3)	1-я саперная дружина Лансберга	220 чел.
4)	2-я дружина капитана Филимонова	219 чел.
5)	3-я дружина капитана Щекина	219 чел.
6)	5-я дружина штабс-капитана Рогайского	172 чел.
7)	полубатарея из 4 орудий	109 чел.
8)	4 пулемета	30 чел.
9)	конные дружинники	20 чел.
	Итого:	2732 чел.

Дуйский отряд под командованием подполковника Домницкого занимал левый фланг на позициях от мыса Жонкьер до поста Дуэ. В его состав входили:

1)	Дуйский резервный батальон	383 чел.
2)	7-я дружина штабс-капитана Левандовского	218 чел.
3)	8-я дружина капитана Борзенкова	216 чел.
4)	конные дружинники	15 чел.
	Итого:	832 чел.

Рыковский отряд под командованием полковника Данилова состоял из Тымовского резервного батальона (247 человек).

Кроме этих частей, вдоль береговой полосы были выставлены небольшие заградительные отряды в 5—10 человек, выполняющие роль наблюдательных пунктов. Такие отряды поставлены в с. Погиби, на мысах Уанди, Лах, Трамбаус, Хой, Танги, в деревнях Виахту, Мгачское, Владимирском руднике, Агнево (м. Фуругельма), Пильво (м. Корсаковский), бухте Нояси, на мысе Чирак (17). Таким образом, общая численность войск Северного Сахалина, включая санитарные и охранные части, составляла около 5400 человек.

Слабость войск острова сознавалась, и были предложения по их усилению. Так, в октябре 1904 года генерал

А. Н. Куропаткин приказал зафрахтовать два парохода для перевозки укомплектования Александровского и Корсаковского резервных батальонов и увеличения численности войск на острове. Предполагалось перевезти 8 тысяч винтовок Бердана с запасом патронов в 300 штук к каждой, на каждый пост еще по два пулемета с запасом патронов по 300 тысяч штук, взрывчатку, по 2 длинноствольных орудия. Но вслед за этим главнокомандующий приказал все указанное перевезти только в Корсаковский пост, а 4 ноября 1904 года перевозка грузов на Сахалин была вовсе отменена. Затем в апреле 1905 года штаб Приамурского военного округа ходатайствовал об отправке на Сахалин по санному пути 20 тысяч людей и 2,5 тыс. лошадей. Ходатайство было отклонено (18).

В январе 1905 года генералу М. Н. Ляпунову была дана инструкция для обороны острова. Она предписывала разделить остров на три района обороны для того, чтобы завоевание острова давалось бы противнику с большой потерей времени и сил, с одной стороны, и с другой — сохраняла за русскими наиболее труднодоступные участки к моменту подписания мира. Особое внимание обращалось на центральный район, ограниченный на севере линией Мгачское — Нампи, на юге — Косунай — Мануе, где предполагалось, в случае захвата Рыковского и Владимировки, развернуть партизанские действия. Однако генерал-лейтенант Ляпунов высказал мнение, что ввиду отсутствия в этом районе дорог поставить здесь только наблюдательные пункты, а основные силы сосредоточить на северном участке.

Весной 1905 года войскам Сахалина была поставлена задача, предписывающая, чтобы одна часть, избегая боя, продержалась на острове до начала переговоров о мире. Для этого предлагалось из состава отрядов выделить партизанские группы. За несколько дней до начала военных действий на Сахалине главнокомандующий русскими военными силами на Дальнем Востоке приказал войскам Северного Сахалина, в случае высадки превосходящих сил неприятеля, не ввязываться в бой, а отойти на север к мысу Погиби с тем, чтобы переправиться на мыс Лазарева, откуда их снять кораблями на Николаевск. Однако эта пассивная по своей сути задача была невыполнима: отсутствие дорог и обоза делало невозможным переход почти 6-тысячного войска. К тому же японская боевая эскадра помешала бы перевозке.

Все эти инструкции носили не военный, а скорее полити-

ческий характер и имели цель дать российским дипломатам лишний козырь на время мирных переговоров.

Окончательный план действий, разработанный генерал-лейтенантом Ляпуновым, сводился к следующему:

воспрепятствовать высадке войск противника, а в случае высадки превосходящих сил — отступать с боями в глубь острова, для чего:

1). Арковскому отряду в составе 1,5 батальона и 4 орудий оборонять Арковский участок; в случае высадки неприятеля отступить через Камышовый перевал к с. Дербинскому, выделив одну дружину для партизанских действий.

2). Дуйскому отряду в составе 1,5 батальона и 2 пулеметов оборонять Верблюжий и Пиленгский перевалы, в случае высадки японцев выделить одну дружину для партизанских действий.

3). Александровскому отряду в составе 3 батальонов, 4 орудий и 6 пулеметов оборонять Александровский участок.

4). Тымовскому отряду полковника Данилова оставаться в с. Рыковском и ждать приказаний (19).

Главными недостатками береговых позиций, занимаемых русскими отрядами, были недостаточное количество войск на 25-километровой полосе, а также то, что они могли быть легко охвачены с обоих флангов. В случае высадки неприятеля у д. Мгачское или д. Агнево, он бы выходил в тыл Дуйскому и Арковскому отрядам и занимал господствующие над п. Александровским высоты. Кроме того, не были укреплены сильнейшие естественные позиции на перевалах, ведущих в Тымовскую долину и имеющих важное тактическое значение. Однако позиции имели и сильные стороны. Они располагались на господствующих над морем скалистых, обрывистых высотах с идеальным обстрелом и практически полным отсутствием мертвых пространств. Под прикрытием гор и сопок можно незаметно перемещать войска.

Все три береговых участка обороны имели важное тактическое значение: на них возможна высадка десанта, хотя и не по всей линии обороны, причем неприятелю достаточно занять два любых или даже один участок, чтобы заставить защитников отступать по всей линии обороны. Арковский участок являлся в обороне ключевым; с его занятием неприятель выходил в тыл Александровскому отряду и отрезал путь отступления в Тымовскую долину. Кроме того, мелководная Арковская бухта наиболее благоприятствовала десантированию. К сожалению, важность этого участка учте-

на не была, и укреплен он был слабо. К тому же командовал участком полковник Болдырев, чей преклонный возраст и слабое здоровье мешали ему выполнять поставленные задачи.

ЯПОНСКИЕ СИЛЫ, БРОШЕННЫЕ НА ЗАХВАТ СЕВЕРНОГО САХАЛИНА

Японское командование после разгрома русских армий под Мукденом, в преддверии скорой победы, попыталось до начала мирных переговоров захватить часть русской территории. Объектами были избраны отдаленные участки русских владений в Охотоморье, в том числе и остров Сахалин. Для его захвата была направлена 13-я общевойсковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Харагучи, сформированная весной 1905 г. из резервистов. В ее состав входили: 25-я пехотная бригада генерал-майора Такеути, 26-я пехотная бригада генерал-майора Найто (каждая включала 2 пехотных полка), 19-й артиллерийский полк — 36 пушек, 18-й кавалерийский полк, саперный полубатальон, 3 пулеметные части — 12 пулеметов. Вспомогательные части включали 3 лазарета, тыловые команды, в том числе до 6 тыс. носильщиков (20). Дивизия имела собственную вспомогательную флотилию из 22 крупных транспортов, которая охранялась специально сформированной в июне 1905 г. Северной эскадрой под командованием вице-адмирала Катаока. В ее состав входило 49 боевых кораблей, в том числе броненосцы, броненосные крейсера, легкие крейсера, авизо, миноносцы. Среди них были и совсем старые суда, такие, как броненосец «Чин-Иен», захваченный у Китая, и новейшие крейсера итальянского завода «Ансальдо», «Ниссин» и «Кассуга», прибывшие на Дальний Восток за несколько месяцев до начала войны. Интересно, что в захвате Сахалина использовались русские броненосцы «Император Николай I», «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин», захваченные японцами после разгрома 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском сражении (21).

Несмотря на подавляющее превосходство японцев в живой силе и технике, сопротивление русских частей на юге острова оказалось неожиданно сильным. Еще продолжали героическую борьбу отряды штабс-капитана Гротто-Слепиковского и капитана Быкова, когда генерал Харагучи, передав командование южными силами генералу Такеути, на-

правился на захват Северного Сахалина, решив лично руководить операцией. Посадив на корабли 2 эшелона дивизии — 26-ю бригаду генерала Найто, 8 июля 1905 года он вышел из порта Отару на Хоккайдо (22). Отдельные части полка из состава бригады Такеути двигались на север по западному побережью острова.

По оценкам русского командования, к моменту высадки японские силы насчитывали около дивизии, включая до 25 тыс. пехоты, 48 новых орудий, 60 пулеметов, 6 эскадронов кавалерии с соответствующим количеством вспомогательных войск — всего около 38 тыс. человек (23). По мнению очевидца, десант только в Арковскую долину состоял из 10 тыс. человек (24). Столь большое количество войск, брошенных на захват Северного Сахалина, объяснялось тем, что японское командование ожидало встретить здесь не менее 15 тыс. человек войска (25). Конечно, данные о численности японских войск значительно завышены, так как они взяты из отчетов командиров отрядов и дружин, которые пытались оправдать зачастую похожее на бегство отступление.

На самом деле под руководством генерала Харагучи находились 9,5 батальона пехоты, 2 эскадрона кавалерии, 24 пушки, 12 пулеметов — всего около 10 тысяч солдат и офицеров. По плану японского командования, войска после высадки должны идти в глубь острова двумя колоннами. Северная, или главная колонна, при которой находился генерал Харагучи, в составе 26-й бригады, 2 эскадронов, 3 батарей и 8 пулеметов, после высадки в Арковской долине должна была быстро идти до долины р. Тыми для того, чтобы отрезать путь отступления основных сил русских к Рыковскому и оттеснить их к Александровскому посту. Для этого вся наличная кавалерия с 2 пулеметами должна скакать впереди главной колонны и как можно скорее занять Рыковское. Южная колонна в составе 49-го пехотного полка, 1 батареи и 4 пулеметов должна связать силы русских, провоцировать противника на бой, чтобы дать возможность основным силам выйти ему в тыл (26). Очевидно, опасаясь затяжной партизанской войны в глубине острова, Харагучи пытался вытеснить русские части на побережье, где под прикрытием корабельной артиллерии он бы чувствовал себя еще более уверенным.

К началу войны японская армия под руководством английских и немецких военных специалистов превратилась в одну из сильнейших армий мира, организованную и оснащен-

ную по образцу европейских армий. На вооружении японского солдата была пятизарядная 6,5-мм винтовка «Арисака» обр. 1896 года с дальностью прицельной стрельбы 2000 м. В снаряжение солдата входили 3 патронные сумки со 120 патронами, ранец со скатанной шинелью и запасной парой ботинок, а также двухдневный запас риса. Полевая артиллерия имела на вооружении 75-миллиметровую пушку «Арисака» обр. 1896 г. (дальность стрельбы — 4,8 км, скорострельность — 3 выстрела в минуту). Японская артиллерия уступала русской в скорострельности и дальности стрельбы, но, к сожалению, на Сахалине современных русских орудийных систем не было. Русская 7,62-мм винтовка системы Мосина обр. 1891 г. по своим огневым качествам также превосходила японскую (27).

«Вооружение, снаряжение, обмундирование японцев — безукоризненное. Носильщиков-кулей обилие, благодаря чему войска в высшей степени подвижны и могли забираться в самую отдаленную и глухую тайгу, не рискуя остаться голодными и без патронов... Большая часть японских войск состояла из солдат, участвовавших в обороне Порт-Артура. У каждого унтер-офицера имелись часы, бинокль, компас и точный план той местности, где приходилось действовать (28). О громадной численности японских войск на Северном Сахалине можно судить уже по тому, что они, высадившись 11 июля, 16 июля заняли все селения от Усть-Агнево до Погиби, т. е. растянулись на 300 верст по берегу, направив главные силы в глубь острова. В каждом селении такое обилие войск, что они не помещались в обывательских и казенных избах. Японские разъезды и дозоры встречались на каждой версте. Ни одна тропинка не оставалась без наблюдения», — пишет подполковник Домницкий (29).

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРНОМ САХАЛИНЕ

Боевые действия на Северном Сахалине японское командование начало с того, что отрезало единственный путь, соединяющий остров с материком. 10 июля по телеграфу сообщили о появлении японских судов в заливе Де-Кастри, Императорской гавани и у залива Виахту (30). В 8 часов утра появилось несколько кораблей неприятеля, которые, держась вне обстрела, крейсировали в виду береговых позиций и делали промеры глубин. Сделав несколько выстрелов по Ар-

ковской и Дуйской позициям, они скрылись. По приказу полковника Болдырева была сожжена лодка с боеприпасами, пришедшая в Арковскую долину из поста Александровского накануне. Были также приведены в негодность катера и лодки Александровской позиции. Потерь войска не имели, за исключением штабс-капитана Александровского батальона Шебалина, который, упав с лошади, сломал ногу. Ожидая на следующий день японский десант, генерал-лейтенант Ляпунов привел войска в боевую готовность (31).

11 ИЮЛЯ. На рассвете со стороны залива Де-Кастри, который уже был захвачен батальоном японцев, показалось около 20 кораблей противника. В 5 час. 30 мин. и. д. начальника временного штаба войск о. Сахалина штабс-капитан В. Пулевич с Кладбищенской горки (Александровская позиция) доложил, что около 40 кораблей развернулось вдоль береговой полосы от Мгачского до поста Александровский. Генерал Ляпунов послал полковнику Данилову телеграмму с приказом Тымовскому резервному батальону выступить на помощь Арковскому отряду и занять позиции на Камышовом перевале. В 6 час. 45 мин. началась бомбардировка побережья от Владимирского рудника до села Половинки. В 7 час. 15 мин. приблизившиеся к Александровскому посту контр-миноносцы и крейсера начали обстрел Жонкьерских и Кладбищенских высот.

В 8 часов пришло донесение от полковника Болдырева: «Неприятельские миноносцы и канонерки (которых у японцев не было. — **И. С.**) засыпают снарядами Арковскую долину. 1 рота 1 Сахалинского батальона, понеся потери, оставила береговые окопы и отошла к хребтам к главным силам отряда у Арково-2. Под прикрытием огня морской артиллерии неприятель начал высадку десанта с 13 транспортов севернее Арковской долины» (32). Здесь занимала позиции 4-я дружина капитана Внукова, которая, по возможности, должна была помогать Арковскому отряду и, выделившись в самостоятельный отряд, начать партизанские действия. После появления вражеских судов дружина подожгла Владимирский рудник, пристань, склады и здания. Сделав несколько выстрелов по десанту, потеряв убитыми и ранеными до 20 человек, дружина начала отход на с. Рождественское для соединения с Арковским отрядом в Арково-2. От посланных вперед 2 конных дружинников узнали, что японцы уже заняли с. Константиновку. Оказалось, что бессроч-

ный каторжник Кобылинский провел японскую пехоту в тыл дружине, показав горную тропу из Арково-1 (33).

Получив сведения о том, что путь на Дербинское перерезан, дружина капитана Внукова повернула на северо-восток и после 3-суточного перехода через Камышовый хребет вышла к д. Славо на р. Тымь. «Переход тайгой и горами оказался в высшей степени трудным. Все навьюченное пришлось бросить. Люди дружины, болезненные и старые (до 64 лет), истомленные каторгой, едва брели, но, надеясь на соединение со своими, на возможность вступить в бой, брели», — пишет в своем отчете командир отряда (34).

Послав приказ полковнику Болдыреву задержать противника у Арково-2, а затем у Камышового перевала, генерал Ляпунов отправился на Дуйские позиции. Намерения высадиться здесь противник не выказывал. Желая усилить Арковский отряд, генерал приказал подполковнику Домницкому идти с Дуйским батальоном и 2 пулеметами к Камышовому перевалу через Михайловку, Пиленгский перевал, Мало-Тымово и Верхний Армудан. Столь долгий путь (3-дневный) переброски подкрепления генерал объясняет тем, что, по донесению полковника Тарасенко, противник десантировался на участке между постом и Арково-1. Хотя, вероятнее всего, узкая скалистая береговая линия не позволяла здесь высадить значительные силы. Вместе с тем горная тропа, которая вела из поста в Арковскую долину, позволила бы за 3 часа перебросить подкрепления из самого сильного Александровского отряда, линия обороны которого изобиловала труднодоступными для высадки десанта участками. Так началась серия трагических ошибок и просчетов в командовании, приведших к скорому финалу.

Александровский отряд к началу дня занимал центральный участок обороны. 2-й батальон Николаевского крепостного полка располагался на Кладбищенских высотах севернее поста, 1, 2, 5, 8-я дружины — на Жонкьерских высотах южнее поста. Резерв — Александровский резервный батальон, 4 орудия и пулеметная полурота (6 пулеметов) — находился у Корсаковской слободы. В понедельник полковник Тарасенко приказал: 1. На случай высадки десанта у Кладбищенской горы, 1, 2-й ротам Александровского батальона и взводу артиллерии (2 орудия) занять позицию на Кавказских высотах. 2. На случай высадки десанта в Александровской долине взводу артиллерии занять позицию на Михайловских высотах.

В 14 час. 35 мин. противник начал высадку десанта в Угольной пади, расположенной южнее с. Дуэ. С уходом Дуйского батальона Дуйский участок обороняли 3 и 7-я дружины под командованием капитана Н. Борзенкова. Две дружины могли быть легко смяты противником, который, заняв Верблюжий перевал, доминирующий над Александровской долиной и Михайловскими высотами, мог отрезать путь отступления Александровского отряда. Поэтому генерал Ляпунов посылает приказание подполковнику Домницкому, который уже достиг с. Михайловки, вернуться и занять Верблюжий перевал.

В 15 час. 35 мин. из-за мыса Жонкьер показались миноносцы и катера, буксирующие баржи с десантом. Для его отражения полковник Тарасенко приказал 2 и 3-й дружинам, 3-й роте Александровского батальона занять на Жонкьерских высотах окопы, обращенные к морю и устью Александровской долины. Вызванные из резерва 4-я рота и пулеметный взвод заняли позицию у александровской церкви.

Около 16 час. батальон японцев, под прикрытием морской артиллерии, атаковал Жонкьерские высоты и пост. Атака была отбита дружными залпами 5-й дружины штабс-капитана Рогайского, 3-й роты штабс-капитана К. Гончаренко и пулеметным огнем. Японцы бежали, оставив 50 человек убитыми и ранеными. При отражении атаки особенно отличился командир пулеметной полуроты подпоручик Сергей Захарьич, который, расположив 2 пулемета за церковной оградой, лично наводил их (35).

Одновременно с атакой на Жонкьерском направлении полковник Тарасенко получил от командира 2-го батальона Николаевского полка капитана В. Бердникова донесение о том, что значительные силы японцев наступают со стороны Арковской долины и 5-я рота под командованием капитана А. Полторацкого ведет бой у с. Половинки. Начали сказываться последствия отступления Арковского отряда полковника Болдырева.

Получив донесения о том, что позиции на Кладбищенских высотах обстреливаются сильным продольным огнем морской артиллерии, полковник Тарасенко приказал войскам отряда отойти на Кавказскую позицию (36). В 19 часов туда же отошли с Жонкьерских высот 2 и 5-я дружины.

Начало темнеть. Японцы продолжали высадку пехоты и кавалерии в Александровском посту. Выяснилось, что на левом фланге общего расположения, в Угольной пади, япон-

ские части провели отвлекающий десант и в окрестностях Дуэ не высадились. Опасаясь за прорыв фланга Александровского отряда, генерал Ляпунов отвел Дуйский отряд с позиций в Дуэ и на Верблюжьем перевале к Корсаковской слободе.

Превосходящие силы японцев продолжали наступление вверх по Александровской долине, грозя отрезать от основных сил отряда 2 и 5-ю дружины, отступающие по горной дороге, а также 4-ю роту Александровского батальона, расположенную на базарной площади, и 5-ю роту у с. Половинки. В 21 час 10 мин. полковник Тарасенко приказал отряду, пользуясь темнотой, отойти с Кавказской позиции на Михайловскую. Еще раньше туда были оттянуты артиллерия и пулеметы. Подполковнику Домницкому генерал Ляпунов приказал оставить на Верблюжьем перевале заставу, а Дуйскому батальону с 2 пулеметами отойти через Михайловку и Пиленгский перевал к Камышовому перевалу на помощь Арковскому отряду.

Таким образом, в результате первого дня боевых действий на Северном Сахалине русские отряды под давлением превосходящих сил неприятеля оставили береговые позиции и отступили на запасные, прикрывающие дороги в Тымовскую долину. По данным русского командования, потери в трех отрядах составили 82 человека убитыми и пропавшими без вести (37). Выбыло из строя два пулемета. По японским данным, потери русских в этот день составили до 200 человек (38).

12 ИЮЛЯ. На рассвете разведка донесла, что противник занял Корсаковскую слободу, Кавказские высоты и горную дорогу из Арково-2 в Александровскую долину. Японская пехота продвигалась по хребтам с Кавказских высот к Пиленгскому перевалу, угрожая таким образом правому флангу основных сил русских и грозя отрезать путь отступления. Исходя из этого, генерал Ляпунов приказал в 3 часа 55 мин. основным силам начать отступление с Михайловской позиции к Пиленгскому перевалу, где, согласно общему плану, предполагалось дать отпор наступающему противнику. Оставив в арьергарде 2 пулемета и 8-ю роту Николаевского полка, основные силы начали отступление. Около 8 часов конные дружинники обнаружили японскую пехоту и кавалерию, наступающие на Михайловку со стороны Корсаковской слободы. Пулеметы фейерверкера Чупенко открыли огонь. Поне-

ся потери, японцы отступили обратно. Сразу же начался артиллерийский обстрел Михайловки с кораблей, но снаряды до цели не долетали. Когда основные силы около 13 часов достигли Пиленгского перевала, арьергард был снят. Возле Михайловки оставили конных дружинников для наблюдения за противником.

На перевале войска заняли следующие позиции: полубатарея из 4 орудий возле дороги; на правом фланге она прикрывалась Александровским батальоном, на левом — 2-м батальоном Николаевского полка. На склоне, обращенном к Михайловке, — пулеметная полурота под прикрытием 1-й дружины Лансберга. Резерв в составе 2, 3, 5, 7, 8-й дружин находился за перевалом, у второго подъема на перевал; подпоручиком Владивостокской саперной роты Яншем были заложены фугасы.

Около 20 часов было замечено движение японской пехоты от Михайловки к перевалу. Полубатарея подпоручика Ивана Кругликова открыла огонь с 5 верст. Понеся потери, японцы остановились. Тем временем было получено донесение от командира Арковского отряда полковника Болдырева от 11 июля, отправленное из Верхнего Армудана. Он доносил, что под давлением японцев отступает на с. Дербинское. В 21 час получено донесение от гражданского губернатора Ф. Ф. фон Бунге из с. Рыковского о том, что Арковский отряд без боя отступил с Камышового перевала и сегодня, 12 июля, отошел на юг по онорской дороге. По слухам, японцы заняли Дербинское и идут к Рыковскому. Таким образом, отступление Арковского отряда поставило главные силы под угрозу тылового удара со стороны Верхнего Армудана и Мало-Тымово. Поэтому генерал Ляпунов решает оставить на Пиленгском перевале заслон, а основному отряду отступать к Рыковскому на соединение с Арковским отрядом. Полковнику Болдыреву было послано распоряжение возвращаться к Рыковскому, а Домницкому с Дуйским батальоном и 2 пулеметами занять Мало-Тымово и ждать подхода основных сил.

Войскам была отдана диспозиция:

1). Главным силам полковника Тарасенко в составе Александровского батальона, 2-го батальона Николаевского крепостного полка, 2, 5, 7-й дружинам и пулеметной полуроте отступить с перевала на Мало-Тымово.

2). Арьергарду под командованием капитана Борзенкова

в составе 3-й роты Александровского батальона, 1, 3-й дружин, полубатареи из 4 орудий, саперной команды и 10 конных дружинников оборонять перевал, пока главные силы не достигнут Мало-Тымово, затем взорвать мосты и склады в Ведерниковском стане.

3). Обозу 2-го разряда под прикрытием 8-й дружины следовать за главными силами (39).

Итогом второго дня боевых действий явилось оставление русскими главных позиций — пунктов на Пиленгском и Камышовом перевалах, и, как следствие этого, проникновение японских частей в Тымовскую долину. Это поставило под удар не только основные силы защитников острова, но и большие запасы продовольствия, фуража и боеприпасов на складах в Рыковском, что особенно затрудняло дальнейшую борьбу. Вместе с тем поспешное отступление русских сил сорвало план японского командования по их окружению на перевалах и поставило перед возможностью продолжительных военных действий. Однако этого так и не произошло.

13 ИЮЛЯ. На рассвете главные силы защитников острова выступили с Ведерниковского стана на Мало-Тымово. Через час выступил обоз. В направлении Верхнего Армудана, Рыковского, Андрее-Ивановского высланы разведчики из числа 3 дружин. Не доходя 7 верст до Мало-Тымово, на большом привале прибыл гонец от капитана Филимочова с результатами разведки тропы к северу от с. Адо-Тымь. Он доложил, что сегодня утром, огибая Дербинское, он заметил там около 500 кавалеристов, пехоты же и артиллерии не было. Сообщил он и о том, что Мало-Тымово уже занято подполковником Домницким.

В 15 часов главные силы пришли в Мало-Тымово. Подполковник Домницкий доложил, что от разведчиков на дорогах на Андрее-Ивановское, Верхний Армудан, Рыковское донесений о противнике не поступало. Надежда соединиться с Арковским отрядом увеличилась. Вскоре пришло донесение от командира арьергарда капитана Борзенкова. Он сообщал: «После ухода основных сил, около 8 часов утра японская разведка подошла к позициям полуроты прапорщика Архангельского, но была отбита огнем. Затем арьергард был атакован 6—8 батальонами пехоты с пулеметами, эскадроном кавалерии под прикрытием не менее 12 орудий» (40). На самом деле японцы имели здесь 2 батальона, 4 пулемета, 6 орудий. Полубатарея из 4 орудий открыла огонь с 4 верст

гранатами, перейдя затем на шрапнель, по площадям. Сделав по 30 выстрелов на орудие, остановили противника. Обнаружился прорыв газов, но батарея продолжала огонь. Сделав еще 10 выстрелов, стрельбу прекратили вследствие сильного разбрасывания снарядов. Ввиду невозможности сделать ремонт — заменить каморные плитки и кольца, командир полубатареи подпоручик Кругликов приказал разобрать орудия и сбросить их вместе со снарядами и передками в пропасть.

Около 11 часов противник вторично повел наступление, атакуя по дороге и сторонам ее. Одна колонна пехоты двигалась в обход правого фланга отряда. Вскоре по позициям открыла огонь японская артиллерия. Арьергард держался до 13 часов. Когда артиллерия противника пристрелялась, а пехота стала охватывать фланги 3-й роты Александровского батальона, арьергард стал отходить к Ведерниковскому стану. Наступление японцев было приостановлено взрывом фугасов, заложенных подпоручиком Янишем. На втором перевале отряд вновь занял позицию и взорвал мосты через р. Пиленгу. Достигнув Ведерниковского стана, отряд взорвал здесь склад, двинулся по дороге на Мало-Тымово и в 5 верстах от него расположился на ночлег. В арьергардных боях отряд потерял 2 солдат ранеными и контуженными и без вести пропавшего подпоручика Александровского батальона Матова (41).

Около 15 часов генералу Ляпунову пришло донесение от фон Бунге из Рыковского о том, что японцы наступают из Дербинского на Рыковское, их разъезды уже подступают к селению. Генерал принимает решение: не допустить захвата Рыковского, где находились склады, а также не успевшие эвакуироваться с острова семьи чиновников.

Начальник временного штаба штабс-капитан Пулевич рвался в разведку к Рыковскому, но генерал его не отпустил, отправив вызвавшегося охотником подпоручика Соколова с тремя конными дружинниками. В 18 час. из Рыковского приехали несколько поселенцев, которые рассказали, что Рыковское уже занято японской кавалерией с несколькими маленькими пушечками (вероятно, пулеметами на двуколках. — **И. С.**). Около 19 часов генерал Ляпунов отдал приказ:

1). Авангарду под командованием подполковника Доминицкого в составе Дуйского батальона при 2 пулеметах выступить из Мало-Тымово и на рассвете атаковать Рыковское.

2). Главным силам под командованием полковника Тара-

сенко в составе 3/4 Александровского батальона, 2-го батальона Николаевского полка, 7, 8-й дружинам и пулеметной полуроте выступить в 8 часов 30 минут вечера и следовать за авангардом, поддержать его, охватывая Рыковское.

3). Обозу под прикрытием 2 дружин следовать за основными силами.

4). 5-й дружине капитана Рогайского оставаться в Мало-Тымово, задержать неприятеля в случае его наступления со стороны Верхнего Армудана до прибытия арьергарда с Пиленгского перевала и войти в его состав.

5). Арьергарду отступить к Мало-Тымово и, соединившись с 5-й дружиной, следовать за главными силами.

6). В случае сосредоточения японцами крупных сил в Рыковском и невозможности взять его, бросить обоз и, свернув у кирпичного завода, в 4 км от Рыковского, повернуть на юг, и тайгой выйти на онорскую дорогу (42).

Получив приказ, авангард выступил по рыковской дороге. На р. Малая Тымь обнаружили конный японский разъезд. Рассыпав в цепь первую роту, подполковник Домницкий рассеял японцев, которые, потеряв несколько человек, скрылись. С русской стороны ранен один дружинник. Вскоре в колонну авангарда врезалась повозка, запряженная быками. Вообразив, что это атака японской конницы, солдаты Дуйского батальона бросились с дороги, но затем порядок был восстановлен, и движение продолжалось.

Около 22 часов пришло донесение от подпоручика Соколова о том, что японская конница находится в селении, куда он послал двух дружинников. Сам он остался с лошадьми недалеко от Рыковских мостов, занятых японцами. Дружинник Егоров, привезший донесение от Соколова, прошел через японские дозоры, сняв обмундирование и на расседланной лошади. Японские драгуны, указывая на бритый подбородок Егорова, говорили: «Солдат», но он, притворившись пьяным поселенцем, обманул их. В 24 часа прибыли из Рыковского дружинники Стулов и Булков, посланные туда Соколовым. Они доложили, что Рыковское занято 2 эскадронами кавалерии с несколькими пулеметами. Дружинники, переодевшись поселенцами, проникли в селение, увели из тюрьмы лошадь с телегой и мешок муки. Выезжая из Рыковского, они распевали пьяными голосами песни. У мостов их остановили, но, приняв за поселенцев, пропустили. Не имея возможности подъехать к Соколову, они между словами песни доложили

о выполнении задания. Около 3 часов авангард встретил Соколова, который доложил, что новых частей в селении нет.

14 ИЮЛЯ. На рассвете авангард атаковал Рыковское. Подступы к нему охранялись японскими дозорными разъездами, занявшими 3 длинных моста. Перед мостами батальон перестроился в боевой порядок и начал наступать. Перебежав мосты, батальон, а за ним и главные силы ворвались в селение, охватывая его с обеих сторон. Японская конница была выбита из селения и спешно отступила к Дербинскому. Задержавшись на окраине, японцы попытались остановить наступление, но после 10-минутной перестрелки и атаки стрелковой цепи отступили. Тем временем южнее села началась сильная стрельба. Оказалось, крупный японский разъезд обстрелял обоз, двигавшийся к Рыковскому. В обозе началась паника, но японцы были отогнаны огнем прикрывающей обоз 2-й дружины, и движение продолжалось. Другой японский разъезд пытался обойти селение с востока, но был отброшен огнем Николаевского полка.

В результате атаки на Рыковское отряду достались запасы фуража и продовольствия. Были освобождены из плена 96 солдат Тымовского резервного батальона, захваченных 13 июля. Из опроса освобожденных оказалось, что когда 12 июля Арковский отряд выступил из Рыковского на Онор, то полковник Данилов присоединился со своим батальоном к нему, оставив в Рыковском караул для охраны жителей, тюрем и складов. 13 июля караул был взят в плен; офицера и зауряд-прапорщика под конвоем увезли в Дербинское. Туда же был отправлен и фон Бунге. В деле у Рыковского был ранен дружинник в основном отряде, 8 человек убитыми и ранеными потерял авангард. Японцы оставили в Рыковском 1 офицера и 9 солдат убитыми (43).

В 5 часов пришло донесение от капитана Борзенкова из Мало-Тымово, который доносил о том, что он соединился с 5-й дружиной капитана Рогайского и начал отступление к Рыковскому, т. к. японцы силами до 2 батальонов наступают двумя колоннами и с Пиленгского перевала, и со стороны Верхнего Армудана. Между тем поселенцы, пробравшиеся из Дербинского, рассказали о том, что там сосредоточены до 6 батальонов пехоты и 12 орудий. Вскоре разведчики доложили, что колонны японской пехоты наступают на Рыковское с севера.

Не считая возможным принять бой при явном превосходстве японцев и имея путь отступления по лесной, совершен-

но прямой дороге, простреливаемой пулеметным огнем, генерал Ляпунов приказал отступление, имея в авангарде отряд Домницкого. Когда обоз перешел через Тарайские мосты в 9 верстах к югу от Рыковского, основные силы покинули село. Капитану Борзенкову было послано приказание: не продолжать движение на Рыковское, которое снова было занято неприятелем, а, свернув у кирпичного завода в тайгу, выходить на онорскую дорогу.

В 15 часов отряд пришел в с. Палево и встал бивуаком за позициями Арковского отряда, расположенными в 2 км к югу от поселка. На вопрос генерала Ляпунова, почему Арковский отряд отступил с Камышового перевала вопреки приказу держать его, полковник Болдырев ответил, что не мог жертвовать отрядом, не имея долговременных укреплений на перевале и вследствие большого превосходства японских войск. По словам офицеров Арковского отряда, они отступали с такой поспешностью, что опережали передовые части японцев на сутки. О судьбе 4-й дружины Внукова Болдыреву ничего известно не было.

Осмотр позиции Арковского отряда показал ее негативные места: орудия полубатареи стояли так, что на левом фланге и фронте имелись удобные подступы к позициям на 200 метров, — в случае ночной атаки они могли быть захвачены. Сторожевое охранение выставлено не было. Усилив Арковский отряд 2 пулеметами и 2-м батальоном Николаевского полка, генерал Ляпунов приказал сотне 6-й дружины под командованием зауряд-прапорщика А. Помалейко и 1, 5-й ротам Тымовского батальона следовать по дорогам к Лонгери и Хандасе-1 для предотвращения флангового обхода японской конницей основных сил. Обоз был отправлен по онорской дороге к Сергиевскому стану.

Около 18 часов в лагерь пришел полностью разбитый арьергард капитана Борзенкова — с ним были 5 дружинников и 22 артиллериста. Согласно приказанию Ляпунова, арьергард, не доходя Рыковского, свернул возле кирпичного завода в тайгу и просекой стал двигаться к онорской дороге. Капитан находился в головной, 5-й дружине капитана Рогайского. 3-я дружина под командованием поручика П. Турбанова замыкала отряд, прикрывая его с тыла. Отряд сильно растянулся по лесу. 5-я дружина, выйдя на онорскую дорогу, была обстреляна двухсотенным японским отрядом. Выйдя к Тарайским мостам, Борзенков приказал играть «сбор», но из леса никто не вышел. Прождав в Палево 3 ча-

са, они присоединились к основному отряду. 5-я дружина потеряла 29 человек. В это время отставшие 3-я рота Александровского батальона, 1, 3-я дружины и часть артиллеристов при выходе на дорогу столкнулись с 2 ротами японцев, с несколькими пулеметами. Рота под командованием прапорщика Архангельского и обе дружины бросились в атаку, но, потеряв от пулеметного огня более половины людей, вынуждены были вновь укрыться в тайге. Части перемешались и разбились на отдельные группы. Потеряв из виду 3-ю роту, 1-ю дружину и артиллеристов, поручик Турбанов собрал оставшихся дружинников 3-й дружины и пробрался с ними к главным силам. Удалось пробиться и прапорщику Архангельскому, собравшему несколько человек из разных частей. Между тем командир 3-й роты, когда стих пулеметный огонь, собрал оставшихся от роты 54 человека и двинулся тайгой в Палево. Недалеко от села был встречен огнем и снова отступил в тайгу. Продолжая отступление, недалеко от Сергиевского стана был атакован японской пехотой. Преследуемая рота стала отступать и в 18 часов 15 июля сдалась в плен.

1-я дружина Лансберга частью погибла во время атаки, а оставшиеся дружинники, проплутав со своим начальником несколько дней в тайге, 17 июля вышли на онорскую дорогу южнее Палево и были взяты в плен. Что касается Сахалинской полубатареи и нештатной батареи, то во время атаки 60 человек и 21 лошадь пропали без вести, 10 человек сдались с 1-й дружиной в плен, 22 артиллериста и прапорщик В. Фатеев ушли с 5-й дружиной, и 5 человек с командиром полубатареи пробрались к главным силам. Потери арьергарда составили, таким образом, около 200 человек убитыми и 500 взятыми в плен (44).

После соединения с Арковским отрядом и остатками арьергарда в русском лагере у Палево отмечаются упадок духа, деморализация. Известие о разгроме арьергарда усилило общую нервозность. Среди дружинников и солдат начались разговоры о сдаче в плен. «Принимая во внимание настроение утомленных войск, свойства Палевской позиции, близость превосходящих сил неприятеля, выяснившийся недостаток продовольствия, изменил первоначальное мнение — принять на следующий день бой у Палево, и решил отступить 15 июля к Онору, чтобы, выиграв время, укрепиться у Онора, пополнить запасы и уже там принять бой», — пишет о своем реше-

нии генерал Ляпунов (45). В 19 часов им была отдана диспозиция, согласно которой надлежало 15 июля в 6 часов начать отступление, имея в арьергарде 1-й Сахалинский батальон, 4 орудия и 2 пулемета под командованием полковника Болдырева. Однако неприятель внес свои коррективы.

В 21 час 30 мин. войска легли отдыхать. Сон продолжался около 15 минут. На передовых позициях началась стрельба — разъезд подпоручика В. Акцинова встретился с японским разъездом. На случай ночной атаки, когда орудия действовать не могли, они по приказу командира полубатареи подполковника Мельникова были вывезены на дорогу. Во время передвижения в тыл под одним зарядным ящиком обрушился мост. Усилившаяся стрельба вызвала панику на полубатарее, артиллерийские лошади понесли. Часть орудий свалилась в канаву, раздавив несколько ездовых. Оборвав постромки и смяв людей, лошади бросились дальше, за ними — пулеметные двуколки. В это время стоявшая в боевом охранении 8-я рота Николаевского полка, подняв беспорядочную стрельбу, в панике бросилась в тыл. Паника распространилась и на 5-ю роту Николаевского полка, которая, стреляя, стала отступать к мосту и была обстреляна солдатами 4-й роты Сахалинского батальона. Паника продолжалась 15 минут. Солдаты Дуйского батальона поймали лошадей, вытащили орудия. Подпоручик Яниш с саперами исправил мост, и орудия были переправлены. В ходе переполоха некоторые части стали оставлять позиции и выходить на дорогу. Их остановили под угрозой оружия капитан Масленников (командир 3-й роты Дуйского батальона) и начальник штаба штабс-капитан Пулевич. Подсчитали потери: 16 солдат и 7 лошадей Тем временем выяснилось, что японцы намерены охватить левый фланг расположения, на рассвете атаковать. Выделив в авангард Дуйский батальон, который должен был занять высоту в 10 км к югу от лагеря, главные силы начали отступление. Около 24 часов прибыли к Сергиевскому стану и расположились на ночлег.

15 ИЮЛЯ. В 1 час 15 мин. из леса раздалось несколько выстрелов, затем в тылу два беспорядочных залпа, и потом со всех сторон начался частый оружейный огонь. По дороге помчались орудия, пулеметы, зарядные ящики, люди беспорядочно метались. Не слушая слов команды, они бросали шанцевый инструмент, ружья и патроны в канавы с водой. В толпе дружинников слышались крики: «К черту войну! Бросай ружья! Какая это война!» Паника продолжалась около 15

мин. и распространилась до обоза, ночевавшего у Таулана. За это время отряд потерял 1 офицера (зауряд-прапорщика 1-го Сахалинского батальона Леонтьева) и 60 солдат убитыми и ранеными. Около 500 человек разбежались. Выбыло из строя до 50 лошадей. Пришли в негодность 22 пулемета, 10 повозок и двуколок. У двух орудий оказались сломанными передки и лафеты, так что пришлось их бросить. В обозе 2-го разряда, ночевавшего у Таулана, большая часть повозок оказалась сломанной, вольнонаемные подвозчики, сбросив с уцелевших повозок груз, разбежались.

Когда тревога улеглась, были подобраны раненые; отряд продолжил движение к Онору. В 13 часов, придя в с. Долдоган, сделали привал. Отсюда Ляпуновым был послан приказ частям, расположенным возле Хандасы-1 и Лонгери, присоединиться к основным силам в Оноре, куда отряд двинулся в 16 часов, имея в арьергарде 1-й Сахалинский батальон с 2 пулеметами. Японская конница шла по пятам отряда, пехота была обнаружена у Долдогана.

Не доходя 4 верст до Онора, в 21 час в хвосте колонны раздалось несколько выстрелов, крики «банзай», затем началась паника, сопровождаемая стрельбой. Был убит командир 1-й дружины штабс-капитан Левандовский, ранены несколько солдат и дружинников. По донесению прапорщика Овчевица, «банзай» кричал рядовой Николаевского полка, еще у Сергиевского стана обнаруживший признаки помешательства и следующий под конвоем.

В 23 часа отряд прибыл в Онор, где и расположился, имея в сторожевом охранении Тымовский батальон. Занятая позиция была крайне невыгодной — село располагалось в глубокой котловине, со всех сторон окруженной сопками, покрытыми непроходимой тайгой. На юг вела дорога протяженностью 10 верст, далее — вьючная тропа, проложенная по тайге и болотам. Таким образом, русские части оказались в тупике. К тому же войска расположились на улицах села скученно, в самом живописном беспорядке. В случае боевой тревоги их перестройка была бы крайне затруднительна и потребовала бы много времени. Только на следующий день войска были поставлены на боевые позиции. «Встав на ночлег, нервность достигла предела, особенно призванных из запаса, составляющих главный контингент войска. Некоторые тряслись и плакали. Не только у нижних чинов, но и у некоторых офицеров проявились признаки психического рас-

стройства, что в особенно резкой форме выразилось у капитана Борзенкова и подпоручика Иванова. Видя такое настроение войска, против которого немыслимо было бороться репрессивными мерами, я до рассвета оставался на бивуаке, беседуя с людьми и стараясь их успокоить», — пишет генерал Ляпунов (46).

16 ИЮЛЯ. Около 10 часов утра крупный отряд японской пехоты, подойдя к окраине села, открыл огонь пачками. Солдаты и дружинники, бросив оружие, покинули позиции и кинулись к лазарету Красного Креста, надеясь там укрыться, Огонь 2 пулеметов и 5 дружин вынудил японцев скрыться. Во время перестрелки ранены 2 дружинника.

Рано утром генерал Ляпунов собрал совещание командиров батальонов и дружин для того, чтобы выяснить, насколько велики шансы на успешное продолжение действий, сделать подсчеты сил. На совещании выяснилось следующее:

1). С 10 июля потери составили более 1000 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими, т. е. войска потеряли более четверти состава. Причем основная масса потерь — 4 офицера и 1160 солдат и дружинников, падает на пропавших без вести, а попросту разбежавшихся, что является характерным признаком деморализации войска. Убитыми и ранеными отряд потерял 8 офицеров и 82 солдата и дружинника. Из 8 орудий осталось только 2, «и то годных только для салюта». Из 8 пулеметов — 5, из них годных 4. Запас патронов составил 138 штук на винтовку.

2). Укрепить позиции из-за отсутствия шанцевого инструмента, который остался только при орудиях.

3). Сухарный запас истощился, хлеб, за недостатком печей, мог выпекаться только на 50 проц. необходимого. Запас муки (большая часть тюремного ведомства) на 10 дней. Крупы имелось на 7 дней. Порционного скота, чаю, сахара и соли на месяц.

4). Перевязочного материала на наличных раненых (139 чел.) на неделю.

5). Моральное состояние войска удручающее.

6). Помощи извне ждать неоткуда.

7). Отсутствие конницы и ее наличие у противника. «Таким образом, — заключает совещание Ляпунов, — дать бой у Онора — значит видеть бегство войска. Отступить же на юг — значит обречь войска на голодную смерть потому, что предстояло отступить просекой, среди необитаемой тайги, где

нет никаких припасов, обозы же двигаться просекой не могли» (47). Положение отряда было обрисовано в столь безотрадном виде, что большая часть офицеров согласилась с невозможностью продолжать борьбу. Однако никаких конкретных действий после совещания предпринято не было.

Между тем от разведчиков стало известно, что Хандаса-1 занята двумя эскадронами кавалерии, до двух батальонов пехоты пробирается к левому флангу Онорской позиции, у Долдогана сосредоточено до 6 батальонов пехоты при 12 орудиях. Противник явно собирался предпринять атаку на русское расположение.

Около 18 часов из Рыковского в Онор прибыл тюремный надзиратель с письмом от тымовского окружного начальника надворного советника Соболева. В письме передавалось предложение командующего японскими силами на Сахалине генерал-лейтенанта Харагучи вступить с ним в переговоры о капитуляции ввиду отсутствия пути отступления и бесполезности дальнейшего сопротивления. Имея мнение большинства военного совета не продолжать сопротивления, генерал Ляпунов в 21 час отправил парламентером подпоручика 1-го Сахалинского батальона В. Акцинова с письмом следующего содержания: «Ваше превосходительство! Недостаток медикаментов и перевязочного материала, и вследствии этого, отсутствие возможности оказания помощи раненым вынудили меня предложить Вашему превосходительству прекратить военные действия из чисто гуманных соображений» (48).

17 ИЮЛЯ. В этот день активных военных действий не велось. Лишь около полудня со стороны Хандасы-1 появился перед стоявшим в сторожевом охранении Дуйским батальоном японский конный разъезд. Встреченный огнем передовых застав, он повернул обратно и скрылся.

Вечером генерал Ляпунов собрал начальников отдельных частей с тем, чтобы собрать у них письменные соображения о том, могут ли войска принять бой, рассчитывая на какой-либо успех. Вот что рассказывает об этом командир Дуйского батальона подполковник Домницкий: «Объехав по всему расположению, я спросил каждого офицера отдельно. Все офицеры ответили, что за себя они ручаются, но что касается громадного большинства солдат и дружинников, то тут спрашивать нечего — они от первого выстрела разбегутся, увлекая за собой стойких. Далее они говорили, что можно дать бой, несмотря на ожидание побега, но сделать это нужно было до

предложения о сдаче. Дав заключение, офицеры добавили, что они лишь дают ответ на поставленный вопрос, отнюдь не высказывая этим желания избежать боя» (49). Дав такой ответ своих офицеров, подполковник узнал от генерала, что поголовно все офицеры остальных частей уже дали заключение о невозможности боя. Очевидно, что генерал Ляпунов, военный юрист по образованию, решил заручиться письменным доказательством коллективной вины начальственного состава Сахалинских войск, ожидая военного суда над собой.

18 ИЮЛЯ. В 5 часов утра прибыл парламентер и привез ответ генерала Харагучи: «С предложением Вашего превосходительства в принципе согласен, прекращу военные действия на следующих условиях:

1). Выдача всей военной техники и всего движимого и недвижимого государственного имущества в теперешнем состоянии.

2). Сдача всех карт, документов, бумаг, имеющих отношение к военному ведомству и администрации.

3). Принятие этих условий со стороны Вашего превосходительства должно быть передано в Хандасу-1 не позднее 31 (18) июля 10 часов утра.

Если письменное заявление не придет к установленному сроку, тогда я безотлагательно приказываю начать военные действия» (50).

В 12 часов полковник Тарасенко отправился уполномоченным для ведения переговоров. Тем временем в Оноре были уничтожены казенные денежные суммы и дела, бумаги, карты, планы, касавшиеся обороны острова.

В Хандасе-1 уполномоченными с обеих сторон, после короткого спора, были разработаны и подписаны окончательные условия капитуляции, которая состоялась в Оноре 19 июля. С русской стороны сдались 64 офицера и 3819 солдат и дружинников (51), включая безоружных, освобожденных из плена в Рыковском, и нестроевых всех категорий (по другим данным, 79 и 3200 соответственно) (52). Японцам достались 281 лошадь, 2 орудия, 5 пулеметов, боеприпасы, фураж и мука. Несколько позже сдалась 4-я дружина капитана Внукова с 1 прапорщиком, 21 солдатом и 108 дружинниками.

19 июля в 17 часов генерал Харагучи принял генерала Ляпунова в Восточной церкви в Рыковском. Ляпунов сообщил ему, что он приказал по телеграфу вернуться для капи-

туляции в Онор отряду штабс-капитана Сомова из 2 офицеров и 100 солдат, который был послан им в Найоро на помощь отступающему с юга отряду капитана Быкова. Кроме того, он предостерег японцев, сообщив им о бегстве многих опасных преступников из сахалинских тюрем. Начальник сахалинских войск, таким образом, был полностью солидарен с тюремным начальством, которое, по данным владивостокского корреспондента журнала «Русское слово», предлагало «японцам не стесняться с каторжанами, особенно со штрафными; и расстрелянных было немало» (53).

20 июля в Рыковском состоялся парад японских войск в честь завоевания острова Сахалина (54).

СЕВЕРНЫЙ САХАЛИН ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Число сдавшихся в плен на Северном Сахалине было бы большим, если бы не героизм и верность долгу отдельных офицеров, не осрамивших своей чести.

Не согласился с мнением большинства военного совета 16 июля исполняющий делами военного прокурора на Сахалине полковник Новосельский. Он сформировал конную группу, к которой присоединились штабс-капитан Никольский, подпоручик Иванов и Бубанович. Всего в партии были 4 офицера, 24 солдата и 28 лошадей. Лошадей уступил командир полубатареи подполковник Мельников. В 12 часов 17 июля партия отошла из Онора через с. Казарское в с. Абрамовку, откуда, взяв сухарей, направилась на север. Переправившись через р. Поронай, партия на следующий день двинулась вдоль дороги Вальза — Лонгери, перевалила через водораздел рек Тымь и Поронай и 28 июля вышла к с. Соболиному на Тыми. Село было занято японцами так же, как и Адо-Тымово, куда они двинулись дальше. Пройдя 2 августа мимо расположения японцев, отряд вышел к Камышовому хребту, перевалив который, пошел по местности, покрытой болотами и озерами. 15 августа вышел к с. Ванги, откуда переправился в Николаевск, пройдя за 35 дней 600 верст (55).

Кроме партии Новосельского, не сдались на Северном Сахалине еще две небольшие группы: начальника 2-й дружины капитана Филимонова и штабс-капитана 2-й В.-Сибирской стрелковой бригады Благовещенского. Будучи прикоманди-

рованным к управлению местных войск, штабс-капитан Благовещенский был 9 июля отправлен для проведения маршрутной съемки троп и выбора позиций на случай высадки японского десанта в Мгачи и Танги. Выйдя 15 июля из тайги, он узнал, что японцы высадили десант и уже заняли селения в Тымовской долине. Затем штабс-капитан и сам видел японские разъезды и сторожевые посты. С 15 по 20 июля Благовещенский пытался пробиться к отряду, но узнал от местных жителей, что отряд окружен японцами на дороге в Онор. Не имея возможности достать продовольствие, но и не желая сдаваться в плен, он решил пробиваться в Николаевск. Спустившись с двумя солдатами по р. Тыми к Ныйскому заливу, русский офицер прошел вдоль восточного побережья на север, перешел на западный берег и вышел 30 июля в с. Висково. В тот же день к селению подошел японский крейсер. С него на берег были высажены 3 офицера и 50 матросов, которые поставили на берегу столб с надписью. 31 июля, идя на юг вдоль берега, Благовещенский встретился с группой русских моряков. С ней он переплыл на лодках в с. Тамлаво, оттуда на о. Лангар и 3 августа прибыл в Николаевск (56).

Капитан Николай Петрович Филимонов был одним из лучших боевых офицеров, присланных с Маньчжурского театра военных действий для усиления командования сахалинскими силами в январе 1905 г. Он родился 2 мая 1867 г. в Петербургской губернии. Сын майора. Службу начал в 1883 г. в 94-м пехотном Енисейском полку рядовым на правах вольноопределяющегося. Произведен в унтер-офицеры 5 ноября 1884 г., в прапорщики — 3 августа 1885 г., в поручики — 28 апреля 1892 г. 14 сентября 1894 года командирован в военное топографическое училище. В феврале 1897 года поручик 94-го пехотного Енисейского полка Н. П. Филимонов зачислен в запас. 22 апреля 1902 года за выслугу лет произведен в штабс-капитаны. 13 июля 1904 года определен из запаса на службу в 85-й пехотный Выборгский полк. 28 ноября 1904 г. за отличие в боях против японцев награжден орденом Св. Анны 4-й степени. 25 января 1905 года был командирован на Сахалин с «отрядом партизан» (57).

Командир 2-й дружины капитан Филимонов по приказу генерала Ляпунова производил маршрутную съемку в Тымовской долине с группой из 7 человек. Узнав о высадке японского десанта, он просил Ляпунова присоединиться к

основным силам, но ответа не получил. Избегая встречи с враждебно настроенным к дружинникам местным населением, он двинулся к казенной рыбалке в районе Адо-Тымово, чтобы присоединить к себе 20 дружинников, охранявших склад с продовольствием. Прибыв туда, он обнаружил, что чиновник Меркушин обезоружил дружинников и приготовил склад и рыбалку к сдаче японцам. Погрузив продовольствие (500 пудов) на 10 лодок, он спустился по реке на 25 верст и выгрузился. По дороге отстала часть скота, лошадей и повозок отряда, а также часть людей. Послав дружинников на поиски, капитан встретил совершенно деморализованную дружину капитана Внукова. Вернувшиеся дружинники пригнали часть скота и принесли 4 винтовки и 1400 патронов. Отставшие дружинники, очевидно, попали в плен.

Узнав от разведки, что в селах Усково и Славо чиновники сдали склады японцам, капитан Н. П. Филимонов решил их сжечь. Вызвав охотников, которых нашлось более чем достаточно, Филимонов приказал уничтожить склады. Были сожжены склады в Усково, Славо и рыбалка в Адо-Тымово. После неудачного поиска внахтинского склада, который также необходимо было сжечь, дружинники узнали о занятии Адо-Тымово японским отрядом, расположившимся там по квартирам.

От адо-тымовского пастуха капитану было известно все о передвижениях японцев. Узнав, что в направлении к нему движется японский отряд, и опасаясь, как бы противник не наткнулся на группу, вызванную им с залива Ныйво, Филимонов послал 4 охотников, которые должны были имитировать сильную засаду. Благодаря этому отряд в 25 человек благополучно присоединился к ним.

Сдавшаяся 29 июля дружина Внукова дала подробные сведения японцам о местоположении, численности отряда Филимонова. Узнав об этом из письма старосты Адо-Тымово, Филимонов решает спуститься до Ныйского залива, захватить там японскую шхуну и переправиться на ней в Николаевск, где просить начальство о формировании партизанского отряда. 1 августа отряд спустился на 80 верст по Тыми. От двух гиляков стало известно, что за ними движется двухсотенный отряд противника. Дружинники занимают оборонительную позицию. Вскоре показался японский отряд на 16 лодках. Открыв с дистанции 600—700 шагов губительный огонь залпами, отряд принудил японцев высадиться на берег. Прикрываясь кустарником, они начали

фланговый охват позиции капитана Филимонова. Этот маневр, в связи с превосходством противника, заставил капитана и его дружинников отходить. Японцы захватили лодки с продовольствием, личные вещи Филимонова, 540 рублей его собственных денег и две сберегательные книжки (капитана и его денщика) на сумму 1045 рублей. 19 дружинников, отстреливаясь, оторвались от капитана Филимонова и ушли в тайгу. Сам капитан с 14 дружинниками, ориентируясь по компасу, взял курс на Погиби и после девятидневного, донельзя трудного маршрута в 130 верст достиг д. Ванги на берегу Татарского пролива. На себе капитан Филимонов вынес все топографические карты, которые всегда были при нем. Остальная часть дружины была взята японцами в плен. Найдя две лодки, починив их и сшив паруса из мешков из-под муки, отряд отплыл к м. Погиби, а 20 августа переправился на м. Лазарева. Отсюда походным маршем отряд прибыл в с. Богородское на Амуре, пройдя 80 верст.

Жизнь Николая Петровича Филимонова закончилась трагически: «При возвращении обратно в полк, злоумышленниками в лице его подчиненных дружинников 12 сентября 1905 года он был убит на квартире в г. Хабаровске» (58).

4-я дружина капитана Внукова, покинув Арковскую позицию, скорым маршем пришла в Тымовскую долину и расположилась на отдых возле села Славо.

Посланные к полковнику Болдыреву связные вернулись, встретив японцев в д. Усково. Капитан Внуков двинулся с дружиной в направлении Адо-Тымово. Придя туда вечером того же дня (15 июля), дружина спустилась ниже, к Меркушевской рыбалке, где капитан надеялся встретиться с отрядом Филимонова. Здесь капитан предложил дружине сдаться в плен за неимением патронов и продовольствия. Однако большинство решило пробираться в Николаевск. Посадив на 4 лодки 120 человек и распустив остальных под видом мирных поселенцев, капитан Внуков двинулся вниз по Тыми. 16 июля произошла встреча с отрядом капитана Филимонова. Обрадованный Филимонов стал просить присоединить его отряд к дружине Внукова, но получил отказ. Взяв у Филимонова часть припасов, он продолжал путь на север и 20 июля прибыл в Ныйский залив. 24 июля прибыли разведчики с донесением, что военный губернатор генерал Ляпунов сдался без боя.

После этого известия капитан Внуков с дружиной под-

нимается вверх по Тыми для встречи с японцами и сдачи в плен. Вновь происходит встреча с отрядом капитана Филимонова, и вновь тот уговаривает Внукова начать совместные действия, предлагает продовольствие и, в крайнем случае, уходить на материк через м. Погиби. Разговор был передан дружине, и 106 человек заявили о своей готовности сдаться в плен. Несмотря на уговоры Филимонова, дружина двинулась к Адо-Тымово и 29 июля была разоружена и взята в плен. От нее японцы узнали о местонахождении отряда капитана Филимонова.

Еще долго после капитуляции продолжали скитаться по сахалинской тайге небольшие неорганизованные группы солдат и партизан. Когда японские миноносцы крейсировали в заливе Терпения и 26 августа высадились в устье р. Поронай, то адмиралу жители русской деревни Устье жаловались, что в лесах близ озера Тарайка (Невское) все еще скрываются русские дружинники, которые временами грабят и убивают людей (59).

Для обеспечения порядка на завоеванной территории генерал Харагучи еще 17 июля провозгласил на острове военное правление. Сюда были приглашены гражданские комиссары из числа служащих министерств иностранных дел, сельского хозяйства и торговли. Окончательно военно-административное управление островом было введено 23 июля. Военнопленные были отправлены в Японию; русские чины гражданского управления выехали в Шанхай; населению было предоставлено право делать выбор: либо уезжать на материк (в Де-Кастри), либо оставаться на острове. Но оставшиеся облагались бы податью.

Первая группа русского населения Сахалина численностью около 3000 человек была вывезена с острова на транспортах «Ето-Мару» и «Тойо-Мару» 7 августа. 18 августа те же суда переправили на материк еще около 2000 человек. Последняя группа (около 1600 чел.) была перевезена 28 августа. Однако русская охрана в Де-Кастри помешала высадке. Прибывший от командующего войсками Приамурского военного округа генерала Хрещатинского офицер попросил перевезти людей в Николаевск или пересадить их на русский корабль: ведь бывшим жителям Сахалина, среди которых было много женщин и детей, приходилось преодолевать сотни верст по бездорожью до ближайшего населенного пункта. Однако японцы отказали (60).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Боевые действия на Северном Сахалине, приведшие к капитуляции русских войск в Оноре, продолжались всего восемь дней. Причиной столь быстрого разгрома является абсолютное превосходство японцев в живой силе и вооружении. Соотношение сторон: в пехоте — 1:2, в артиллерии — 1:3, в пулеметах — 1:1,5, в кавалерии 1:10, не давало русским войскам реальных шансов на успех. К тому же причины неудач России в войне в целом и на Сахалине в частности лежат в ряде как стратегических, так и тактических ошибок и просчетов: 1). Непонимание важности стратегического дальневосточного направления, исходящее из переоценки германской военной опасности в конце XIX—начале XX веков. Военный министр А. Н. Куропаткин считал нашу западную границу «находящейся в небывалой в истории России опасности» и требовал укрепления там нашего положения без разбрасывания сил и средств. 2). Недооценка военной силы Японии, экономическая и военная мощь которой начала стремительно наращиваться после революции Мейдзи. 3). Недооценка стратегического положения Сахалина, в результате превратившегося в периферию периферии России. 4). Преобладание тюремно-административного начала над военным в руководстве Сахалина: в период подготовки острова к войне он находился под властью своеобразного триумвирата из гражданского губернатора фон Бунге, чиновника пограничного ведомства статского советника Блударева и и. о. начальника местных войск полковника Данилова. 5). Несостоятельность военного губернатора генерал-лейтенанта Ляпунова как военачальника; новый начальник местных войск генерал-майор Флейшер не успел вовремя прибыть на Сахалин. 6). При верно выбранной тактике действия отдельными партизанскими отрядами, к партизанской войне Северный Сахалин оказался не готов: не было широкой сети продовольственных баз, не налажена связь между отрядами и, наконец, отсутствие самих партизанских отрядов на Северном Сахалине. Японцы считают (61), что, несмотря на двойное превосходство в силах, партизанские действия нанесли бы им значительный урон. Блестящие действия отрядов капитанов Быкова, Даирского, Гротто-Слепиковского на юге, полковника Новосельского и капитана Филимонова на севере подтверждают это. 7). Недооценка важности правого фланга русских войск, куда

противник направил главные силы. 8). Оторванность Сахалина от материковых баз снабжения в результате успешных действий японского флота.

Подписанный 5 сентября 1905 года Портсмутский мирный договор подвел итоги войны. Кроме Южной Маньчжурии с Ляодунским полуостровом и свободы действий в Корее, Япония получила Южный Сахалин с правом производства рыбной ловли в дальневосточных водах. В историю России и Японии была вписана еще одна дата, на долгие годы определившая характер международных отношений на Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. IX. СПб., 1910. С. 92—93.
2. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 2 об.
3. Там же. Л. 3.
4. Урсун-Пруснюнски Р. Бои на острове Сахалин во время русско-японской войны. Вена, Тешен, Лейпциг, 1900. С. 16 (на немецком языке).
5. РГВИА. Ф. 487. Д. 914. Л. 11.
6. Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. IX. С. 95.
7. РГВИА. Ф. 487. Д. 915. Л. 12.
8. Там же. Л. 15.
9. Приказы войскам Приамурского военного округа. Хабаровск, 1904. № 135, 244, 364.
10. РГВИА. Ф. 487. Д. 915. Л. 15.
11. Там же. Л. 13.
12. П. В. Командировка на Сахалин в 1905 году. // Военный сборник, 1906, № 12. С. 187.
13. РГА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 482. Л. 209—210.
14. РГА ВМФ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—8.
15. Урсун-Пруснюнски Р. Указ. соч. С. 16.
16. Дикс М. Разгром Сахалина. // Исторический вестник. 1906. № 12. С. 887.
17. РГВИА. Ф. 487. Д. 914. Л. 21.
18. Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. IX. С. 98.
19. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 8 об. — 9.
20. Урсун-Пруснюнски Р. Указ. соч. С. 31—32.
21. Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи. Составлено Морским Генеральным Штабом в Токио. Т. IV. Действия против 2-й Тихоокеанской эскадры и овладение о. Сахалином. Издано под редакцией Морского Генерального Штаба. СПб. 1910. С. 206.
22. Там же. С. 215.
23. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 3.
24. П. В. Командировка на Сахалин в 1905 г. // Военный сборник. 1907. № 5. С. 211.

25. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 3.
26. Урсун-Прусцюнюки Р. Указ. соч. С. 49.
27. Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985. С. 12.
28. Точность карт вызывает сомнение. Например, на карте, захваченной у убитого японского офицера, не была обозначена дорога из Верхнего Армудана в Мало-Тымово. Зная о ней, японцы могли бы перерезать путь отступления русского войска еще 12 или 13 июля.
29. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 3 об.
30. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10064. Л. 3.
31. Там же.
32. Там же. Л. 4 об.
33. Дикс М. Указ. соч. С. 894.
34. РГВИА. Ф. 487. Д. 914. Л. 36.
35. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10064. Л. 6.
36. Там же. Л. 6 об.
37. Там же. Л. 8.
38. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 51.
39. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10064. Л. 10.
40. Там же. Л. 11.
41. Там же. Л. 11 об.
42. Там же. Л. 12.
43. Там же. Л. 13 об.
44. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 51.
45. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10064. Л. 15 об.
46. Там же. Л 17 об.
47. Там же. Л. 18.
48. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 52.
49. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 10079. Л. 16.
50. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 53.
51. РГВИА. Ф. 487. Д 915. Л. 7.
52. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 53.
53. Степанов. Оборона Сахалина в русско-японскую войну. // На рубеже. Хабаровск, 1941. С. 195.
54. История 30-летнего правления Губернаторства Карафуто. Токио. 1936. С. 1760 (на японском языке).
55. Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. IX. С. 130.
56. Там же. С. 132.
57. РГВИА. Ф. 31909 Л. 195 об — 196.
58. РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 15092. Л. 114 об.
59. Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи. Т. IV. С. 248.
60. Там же. С. 246.
61. Урсун-Прусцюнски Р. Указ. соч. С. 56.

Исторический портрет

Н. И. Колесников

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ НА САХАЛИНЕ

К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ПАВЛА АРТЕМОВИЧА ЛЕОНОВА

Среди партийных руководителей, возглавлявших Сахалинскую область в послевоенный период, особо выделяется фигура Павла Артемовича Леонова. Мне кажется, что не будет преувеличением утверждение о том, что и сегодня многие старые сахалинцы и курильчане относятся к этому человеку с чувством глубокого уважения. Уже это дает нам основание поговорить о «феномене Леонова».

Мало кто отмечал (в том числе и герой настоящего очерка), что условия, в которых начинал свою деятельность в Сахалинской области П. А. Леонов, коренным образом отличались от условий, в которых начинали работать его предшественники (П. Ф. Чеплаков и особенно Д. Н. Мельник). Образно говоря, он продолжал строить здание Сахалинской области на уже созданном предшественниками мощном материальном и кадровом фундаменте. К тому же большая часть его деятельности пришлась на «брежневский» период руководства — один из самых стабильных и результативных в деле решения экономических и социальных проблем. Нельзя также не учитывать, что П. А. Леонов руководил Сахалинской областью свыше восемнадцати лет: дольше, чем кто-либо до и после него.

Большое значение имели и личные качества первого секретаря обкома партии. П. А. Леонов был незаурядным организатором и способным инженером. Все это дополнялось уникальными связями и поддержкой в высших эшелонах власти, которые он успешно использовал для блага Сахалинской области.

МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

Павел Артемович родился 28 августа 1918 г. в селе Лаврово Ефремовского района Тульской области. С 1931 г. жил в Москве. Здесь он окончил среднюю школу, а в 1937 г. поступил в одно из лучших высших учебных заведений страны — Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана. Во время обороны Москвы осенью 1941 г. МВТУ было эвакуировано в Ижевск, где П. А. Леонов и окончил его в 1942 г. Незадолго до завершения учебы он был принят кандидатом в члены ВКП(б).

После окончания института П. А. Леонов был направлен на один из московских оборонных заводов. Здесь он работал мастером, старшим технологом, ведущим технологом, начальником мастерской сборки новых изделий. В феврале 1944 г. П. А. Леонов становится членом партии. В 1945 г. его выдвигают на партийную работу. Два года он работал освобожденным заместителем секретаря парткома завода, затем год — секретарем парткома.

В 1948 г. П. А. Леонов избирается секретарем Сокольнического райкома ВКП(б) города Москвы, в 1949 г. — вторым секретарем этого же райкома. В 1951 г. был взят в аппарат Московского обкома партии. Сначала в качестве заведующего отделом авиационной промышленности, затем — заведующего объединенным промышленно-транспортным отделом. В этот период он неоднократно избирается членом Московского обкома партии, депутатом Московского городского и областного Советов депутатов трудящихся. В ноябре 1955 г. П. А. Леонова взяли на работу в аппарат Центрального Комитета КПСС заведующим сектором областей Урала и Западной Сибири Отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР (1). В 1960 г. ЦК КПСС направил его на работу в Сахалинскую область.

25 августа 1960 г. в Южно-Сахалинске состоялся V пленум Сахалинского обкома КПСС восьмого созыва. Пленум освободил от обязанностей первого секретаря обкома П. Ф. Чеплакова, отозванного в распоряжение ЦК КПСС, и избрал нового руководителя Сахалинской партийной организации. Им стал П. А. Леонов. Представлял его заместитель заведующего Отделом парторганов ЦК КПСС по РСФСР М. А. Полехин. Он сказал: «Центральный Комитет придает большое значение Сахалинской области. ЦК считает необходимым иметь на посту первого секретаря Сахалинского

обкома подготовленного работника, имеющего опыт работы, и рекомендует на этот пост товарища Леонова — работника аппарата Центрального Комитета партии» (2).

САХАЛИНСКАЯ ЭПОПЕЯ

П. А. Леонов начинал свою работу на Сахалине в самом расцвете творческих сил, в возрасте 42 лет, а покинул область, уже отметив 60-летний юбилей. Поэтому воссоздать его политический портрет, рассказать о нем самом, о проделанной им работе, о стиле его деятельности крайне сложно. Ведь для этого необходимо проанализировать большой и неоднозначный период, охвативший практически четыре пятилетки. На протяжении всего этого времени П. А. Леонов (как и многие другие руководители его уровня) находился под неоднозначным влиянием «позднего» Хрущева, «раннего» и «позднего» Брежнева, да и сам он становился все старше и старше и, как всякий человек, с возрастом менялся, делался более опытным, знающим. Вместе с тем менялись его характер, привычки. Автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу полностью раскрыть все содержание и значение деятельности П. А. Леонова в Сахалинской области. Это скорее попытка на базе имеющихся архивных документов, публикаций как самого П. А. Леонова, так и публикаций о нем, а также собственных воспоминаний, рассказать о деловых и личных качествах этого незаурядного человека, о том времени, когда он руководил Сахалинской областью, о методах работы, которые были ему присущи.

Довольно скоро после начала работы в Сахалинской области новый первый секретарь показал себя инициативным, энергичным, деятельным и настойчивым руководителем. Он быстро сумел охватить весь немалый круг больших и малых, текущих и перспективных дел. Работал он (как и его предшественники) много и увлеченно и стремился к тому, чтобы так же работали аппарат и многочисленный актив.

КАДРЫ. Как и все первые секретари, П. А. Леонов главное внимание уделял кадрам (особенно входившим в номенклатуру ЦК и Сахалинского обкома КПСС).

На первых порах он больше приглядывался к людям и не спешил с перестановками, а тем более с заменой кадров. Да и, как мне думается, в этом не было особой нужды. Ведь в 50-е гг. в Сахалинской области сформировался крепкий костяк опытных, авторитетных, трудолюбивых кадров, обладающих к тому же сильными характерами, самостоятельностью суждений и действий, высокими моральными качествами.

Однако уже в 1961 г. в области начались заметные кадровые изменения. В течение одного года были заменены руководители сразу пяти отделов обкома партии, в том числе традиционно замыкавшиеся непосредственно на первом секретаре заведующие финансово-хозяйственным и особым отделами. При этом первый был снят с шумом, со строгим партийным взысканием. Новые люди возглавили отделы сельского хозяйства, промышленно-транспортный, строительства и стройматериалов (в последнем за год заведующие менялись дважды) (3).

Произошли кадровые перемещения и в Сахалинском облисполкоме: первый зампред Н. И. Беляев был перемещен на должность председателя областной плановой комиссии, а зампред Л. В. Князев снят с работы (4). Из пяти руководителей ведущих отраслей промышленности были заменены двое: начальника комбината «Сахалинуголь» отпустили подобру-поздорову, а начальника управления лесной промышленности сняли с работы со строгим партийным взысканием (5). Заменились также начальник УКГБ по Сахалинской области и первый секретарь обкома ВЛКСМ (6). В областном центре были заменены первый и второй секретари горкома КПСС и дважды — председатель горисполкома (7). То же самое произошло и с рядом других секретарей горрайкомов партии, председателей горрайисполкомов. Были смещены директор Сахалинского комплексного научно-исследовательского института и ректор Южно-Сахалинского педагогического института (8).

Произошло много других кадровых перемен. В 1961 г. заметные шаги в своей карьере сделали люди, занявшие впоследствии ключевые посты в системе областной власти: П. И. Третьяков был избран председателем Лесогорского райисполкома: А. В. Шевцов после нескольких месяцев работы в качестве зав. отделом строительства и стройматериалов обкома партии был избран первым секретарем Южно-Сахалинского горкома КПСС; Н. Г. Смирнов утвержден

инструктором промышленно-транспортного отдела обкома КПСС (9).

Замены и перемещения были продолжены и в 1962—1963 гг. В результате секретариат обкома партии был заменен полностью. Новыми секретарями обкома стали Т. П. Селявский (10), В. П. Губанов, вторым секретарем — А. В. Шевцов (должность секретаря обкома по сельскому хозяйству была вторично ликвидирована и восстановлена только в 1966 г.). Полностью был заменен и руководящий состав облисполкома, председателем которого стал С. А. Немцев. Дважды за этот короткий срок сменились первый секретарь Южно-Сахалинского горкома КПСС и первый секретарь обкома ВЛКСМ.

Стремление часто передвигать кадры, систематически заменять руководителей всех рангов было характерно для П. А. Леонова и в последующие годы. За весь период его деятельности на посту второго секретаря обкома партии перебывало четыре человека, председателя Сахалинского облисполкома — три, первого заместителя председателя облисполкома — четыре, первого секретаря Южно-Сахалинского горкома партии — шесть, председателя Южно-Сахалинского горисполкома — пять, первого секретаря обкома ВЛКСМ — семь и т. д. В аппарате обкома партии при П. А. Леонове на должностях заведующих отделами работали: отдела партийных органов — шесть человек, промышленно-транспортного — семь, отдела науки и учебных заведений — четыре, пропаганды и агитации — четыре, финансово-хозяйственного — четыре. И так практически во всех отделах. В целом в аппарате обкома ежегодно заменялось до 25 процентов всех ответработников. Многие секретари горрайкомов, советские, хозяйственные руководители прошли школу работы в аппарате обкома партии. Эта практика себя оправдала.

В этой массовой и частой замене кадров было что-то схожее с кадровой политикой П. Ф. Чеплакова. Но были и различия. Больше работников, нежели раньше, перемещалось в связи с их выдвижением (С. А. Немцев, Т. П. Селявский, В. П. Губанов и др.). Ряд работников перемещались вверх неоднократно (А. В. Шевцов, П. И. Третьяков, Б. Д. Назаренко, Н. Г. Смирнов, А. В. Переверзев и др.). Большинство тех, кто по тем или иным причинам был освобожден от своих постов, остались в области. Им были поручены другие важные участки работы, на которых они с

пользой для дела трудились по многу лет (В. В. Лобанов, Н. И. Беляев, Ф. И. Евстратов, З. П. Арсентьева, В. З. Калинин и др.).

При П. А. Леонове был взят курс на сахалинские кадры. Руководящие работники с материка практически не приглашались. Исключение составили начальники областных управлений КГБ и МВД, а также областной прокурор (которые, кстати, тоже часто менялись). Правда, в конце руководства П. А. Леонова руководитель управления МВД и областной прокурор были также выдвинуты из состава местных кадров. Направленный ЦК КПСС на должность второго секретаря обкома партии работник аппарата ЦК В. Н. Яковлев проработал на этом посту всего год и был вынужден покинуть область.

Можно по-разному относиться к кадровой политике П. А. Леонова. Однако результаты развития области в 60—70-е гг. показали, что в целом она себя оправдала. И даже сейчас, спустя многие годы после отъезда П. А. Леонова, мы, образно говоря, все еще «проедаем» кадровый потенциал, сформировавшийся и выросший в те годы. А за последний период, растеряв по разным причинам ряд сильных, компетентных работников, не выдвинули, по существу, новых ярких лидеров и не осознаем, что можем вступить в период жестокого кадрового кризиса, который больно ударит по нам всем.

П. А. Леонов в целом успешно использовал существовавшую в те годы номенклатурную систему, преодолевая негативные и используя ее положительные стороны. Он сумел творчески подойти к возможностям номенклатуры. Несмотря на то, что традиционно в номенклатуру обкома партии включались должности «работников наиболее важных, ответственных участков партийной, государственной, хозяйственной, общественной и иной работы» (11), как правило, областного, городского и районного уровней, он настоял на включении в номенклатуру обкома должностей низовых хозяйственных руководителей: начальников управлений флотов и их заместителей, а также капитан-директоров крупных судов и их первых помощников. Затем в номенклатуру бюро обкома вошли звеньевые сельскохозяйственных полеводческих звеньев. Это новшество было направлено на решение стоявших очень сложных проблем в двух важных отраслях народного хозяйства: рыбной промышленности и сельском хозяйстве.

Данный подход дал положительные результаты. Во-первых, возросла ответственность всех хозяйственных, советских и партийных работников за подбор и выдвижение низовых хозяйственных руководителей, за создание им условий для высокопроизводительного труда. Во-вторых, усилились непосредственный контроль и помощь им со стороны руководителей всех уровней. В-третьих, работники, возглавлявшие первичные коллективы и стоявшие в самом начале производственной цепочки, почувствовали не только свою ответственность за порученное дело, но и нужность, полезность их труда. Многие на Сахалине до сих пор вспоминают о полезности этой новации (12).

П. А. Леонов придавал большое значение не только работе с кадрами руководящих работников, но и постоянному непосредственному общению с рядовыми тружениками. Он умел разговаривать с ними, был внимателен к их нуждам и заботам, чутко, по-деловому реагировал на их замечания и предложения. Особое значение он придавал систематическим отчетам перед людьми. Как партийный руководитель он регулярно отчитывался в партийных организациях перед коммунистами (эти партийные собрания всегда были открытыми), как депутат — перед избирателями. Того же требовал от членов обкома и депутатов всех уровней.

Постоянную заботу он проявлял о моральной поддержке и поощрении всех тружеников. Поэтому систематически сотни наиболее отличившихся сахалинцев и курильчан представлялись к государственным и другим наградам, заносились на Доску почета, об их делах постоянно рассказывали пресса, радио, телевидение. Людям было приятно осознавать важность и нужность своей работы.

ЭКОНОМИКА. На протяжении всего периода своей работы в Сахалинской области П. А. Леонов самое серьезное внимание уделял развитию экономики.

Правда, вопреки сложившимся и до сих пор бытующим представлениям, первый период, пришедшийся на годы седьмой пятилетки (1961—1965 гг.), каких-то впечатляющих результатов не дал. Так, в промышленности в целом удалось лишь в основном удержать те темпы прироста, которые были достигнуты при П. Ф. Чеплакове. А прирост производства продукции в натуральном выражении по ряду важных пози-

ций даже снизился. Например, по добыче угля прирост в 5-й пятилетке составил 1381 тысячу тонн, в 6-й — 880 тысяч, а в 7-й — лишь 114 тысяч; соответственно прирост производства бумаги составил 65 тысяч тонн, 29 тысяч и 7,5 тысячи; производства цемента — 46,4 тысячи тонн, 17,6 тысячи и 12,5 тысячи. Только прирост добычи нефти был не ниже, а добычи рыбы — выше (в связи с массовым поступлением рыбодобывающего и рыбообрабатывающего флотов и широким переходом к лову различных видов рыбы) (13). Объем же незавершенного строительства достиг к 1962 г. рекордного уровня и стал равен годовому объему капитальных вложений по области (14).

В сельском хозяйстве прирост производства картофеля и овощей был в эти годы довольно скромным. Производство картофеля выросло всего на 26,1 тысячи тонн (со 119,7 тысячи — в 1960 г. до 145,8 тысячи — в 1965 г.), или на 18 процентов, а овощей — на 7,9 тысячи тонн (с 27,6 тысячи до 35,5 тысячи), или на 22 процента (15). Правда, и этого прироста хватило на то, чтобы с 1963 г. начать в основном обеспечивать население Сахалинской области картофелем, капустой и столовыми корнеплодами за счет их производства на месте (16). Трудности с обеспечением населения были лишь в 1972 г., когда производство картофеля упало даже ниже уровня 1960 г. (116,6 тысячи тонн) (17). Что же касается производства мяса и молока, то оно даже снизилось. Так, в 1960 г. мяса в убойном весе в хозяйствах всех категорий было произведено 8 тысяч тонн, а в 1965 г. — лишь 7,4 тысячи, производство молока соответственно снизилось с 73,8 тысячи тонн до 72 тысяч. Уменьшилось и количество коров: с 26,1 тысячи голов до 25,6 тысячи (18).

Думается, что здесь сказались не только массовые кадровые перестановки, но и два крупных «подарка» из Москвы.

В 1963 г. был проведен последний хрущевский эксперимент союзного значения — разделение краевых, областных, городских и районных партийных и советских органов на промышленные и сельскохозяйственные. Правда, П. А. Леонову удалось отстоять статус-кво в отношениях обкома партии и облисполкома, и они не разделялись, как это было, например, в Приморском и Хабаровском краях. Но многие райкомы были реорганизованы, руководящие органы разделены на промышленные и сельскохозяйственные. Это потребовало затрат времени и сил, вызвало дополнительные

кадровые перестановки, нарушило сложившиеся связи и управление. Лишь в 1965 г., в соответствии с решениями ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, все было возвращено на «круги своя».

Вторым мероприятием, затронувшим Сахалинскую область, было резкое сокращение северных льгот с 1 марта 1960 г. К сожалению, П. А. Леонов, приехавший на Сахалин с хрущевским настроем на уменьшение льгот, не сразу увидел негативные последствия данного решения. Его взгляды начали изменяться лишь тогда, когда стали отчетливо видны масштабы нанесенного области ущерба. Сахалин и Курилы стали терять население. О размерах потерь свидетельствуют следующие данные. По переписи 1959 г., общая численность населения области составляла 649,4 тысячи человек, по состоянию на 1 января 1962 г. — 628,9 тысячи (19), а по переписи 1970 г. — уже 615,7 тысячи (20).

Снижение численности населения области отрицательно сказывалось на составе занятых в народном хозяйстве главным образом потому, что среди уезжавших были, как правило, квалифицированные рабочие и специалисты самых трудоспособных возрастов, имевшие высокую профессиональную подготовку и опыт работы на Сахалине и Курильских островах. Здесь почти перестали оставаться демобилизованные воины, а также молодые специалисты, многие из которых, едва отработав установленных три года, также уезжали. Перестали задерживаться и многие вновь приезжавшие рабочие. Не случайно председатель Сахалинского совнархоза А. Д. Голуб (21), выступая на IX облпартконференции, с горечью говоря об «огромной текучести кадров», подчеркнул: «Мы завозим рабочих с материка, здесь они приобретают квалификацию и уезжают обратно... Мы готовим квалифицированные кадры для предприятий других районов страны» (22).

Но, несмотря на все сложности, уже в первые годы П. А. Леоновым была проведена значительная работа по созданию серьезных предпосылок для дальнейшего комплексного развития области в будущем. Данная работа с самого начала была поставлена на солидную научную базу. В 1962 г. в Южно-Сахалинске было проведено региональное научное совещание по развитию производительных сил Дальнего Востока. В работе совещания приняли участие около 250 ученых из научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, ряда научных отраслевых, плановых, проектно-изыс-

кательских институтов центра, Сибири и Дальнего Востока, а также производственники, партийные, советские и хозяйственные работники. На совещании были обстоятельно и всесторонне рассмотрены проблемы развития производительных сил Сахалинской области. Одним из пяти основных докладов, заслушанных на пленарном заседании, был доклад П. А. Леонова «Современное состояние и перспективы развития различных отраслей народного хозяйства области на 1961—1980 годы». Шестьдесят два доклада были рассмотрены на заседаниях девяти секций (23).

Большое внимание развитию науки уделялось и в последующие годы. Для решения проблем островного края привлекались лучшие научные силы страны. В 1965 г. в Южно-Сахалинске был проведен первый областной съезд работников науки, посвященный проблемам дальнейшего развития Сахалина и Курильских островов. В последующие годы (1968, 1971, 1972, 1974 и др.) в области были проведены различного рода научные форумы, в которых наряду с сахалинскими учеными приняли участие академики М. В. Келдыш, А. П. Виноградов, М. А. Лаврентьев, А. Л. Яншин, Г. И. Марчук, А. П. Окладников, А. И. Крушанов, Ю. А. Косыгин и многие другие (24).

Вместе с тем П. А. Леонов понимал, что как бы ни были хороши планы развития области, разработанные ее руководством при помощи ученых и производственников, они могут быть реализованы лишь при условии, если будут поддержаны центром. И он с большим искусством умел ставить вопросы перед Москвой и добиваться их решения. По его инициативе было подготовлено и 3 сентября 1964 г. принято очень важное для сахалинцев постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению развития производительных сил Сахалинской области». Подписано это постановление было Л. И. Брежневым, о чем в последующие годы П. А. Леонов говорил с большим удовлетворением, считая данный момент гарантией выполнения решения, подготовленного и принятого еще во времена Н. С. Хрущева.

В дальнейшем сахалинские проблемы нашли отражение в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области» и от 25 мая 1972 г. «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточно-Сибирского экономических ре-

тионов», ряда постановлений союзного и республиканского правительств. Многие конкретные решения принимались центральными хозяйственными и другими ведомствами в ответ на записки, направляемые в эти организации за подписями первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома.

В результате из года в год росли капиталовложения в развитие народнохозяйственного комплекса Сахалинской области. Если за годы седьмой пятилетки (1961—1965 гг.) они составили 1398 миллионов рублей, то в восьмой (1966—1970 гг.), девятой (1971—1975 гг.) и десятой (1976—1980 гг.) соответственно 1941 миллион, 2572 миллиона и 3039 миллионов (25). Благодаря этому было проведено техническое перевооружение всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, а также всех видов транспорта. Значительные средства были вложены в работу по повышению квалификации рабочих и специалистов.

Огромную роль в решении проблемы организации бесперебойных транспортных связей с материком сыграло строительство паромной переправы Ванино—Холмск (открыта в 1973 г.). Была построена железнодорожная трасса Победино — Ноглики. Железнодорожная линия Арсентьевка — Ильинский соединила восточное и западное побережья Сахалина. Вошли в строй вторая нитка нефтепровода Оха — Комсомольск-на-Амуре и нефтепровод Монги — Погиби.

Кардинальный прорыв был совершен в энергетике. Вошли в строй такие крупные электростанции, как Охинская ТЭЦ, Южно-Сахалинская (с 1972 г. Сахалинская) ГРЭС, начала давать электроэнергию Южно-Сахалинская ТЭЦ-1. Были построены сотни километров линий электропередачи, в основном создана единая энергосистема южных районов Сахалина.

Заметное развитие получило рыборазведение, которым занимались 18 рыбоводных заводов. Они довели к 1980 г. численность выращиваемых мальков сахалинских лососей почти до 1 миллиарда штук (26). Наряду с ростом лесозаготовок ощутимо расширились лесовосстановительные работы, которые проводили 22 лесхоза, доведшие ежегодные объемы лесопосадок до 10 тысяч гектаров (27).

В сельском хозяйстве получили развитие молочное животноводство, свиноводство, клеточное пушное звероводство. Была создана совершенно новая отрасль — промышленное птицеводство. Возникло мощное парниковое хозяйство. Благодаря дальнейшей механизации, химизации, мелиорирова-

нию земель возросли урожайность и валовые сборы картофеля и овощей. Повысилась продуктивность скота и птицы.

В итоге уже к 70-м гг. в развитии экономики области произошли заметные изменения. В этот период во многих отраслях народного хозяйства были достигнуты наивысшие за всю их историю показатели. Так, в 1975 г. было вывезено древесины 3909 тысяч кубометров (в том числе деловой — 3583 тысячи), произведено цемента 93,9 тысячи тонн (28); в 1979 г. добыто угля 5,8 миллиона тонн (29); в 1980 г. произведено бумаги 219,6 тысячи тонн, сборных железобетонных конструкций и деталей — 257,1 тысячи кубометров, кожаной обуви — 592 тысячи пар (30). Ощутимо вырос валовой объем продукции сельского хозяйства. Он увеличился (в сопоставимых ценах) с 75,7 миллиона рублей в 1965 г. до 128,8 миллиона в 1975 г. и до 152,8 миллиона — в 1980 г. (31). Усилилась экспортная направленность народного хозяйства области, которая поставляла на внешний рынок нефть, уголь, лес и пиломатериалы, газетную и мешочную бумагу, целлюлозу, пушнину, рыбу и морепродукты.

Таким образом, к моменту завершения деятельности П. А. Леонова область располагала крупным экономическим потенциалом. Здесь работало свыше двухсот промышленных предприятий, более ста десяти строительных, монтажных и ремонтных организаций, сорок два совхоза, десять рыболовецких колхозов. В области вырабатывалось 12 процентов общего объема промышленной продукции Дальневосточного экономического района. При этом доля области в дальневосточном улове рыбы составляла 22 процента, вывозке деловой древесины — около 13 процентов, добыче угля — 15 процентов. В области производилась вся продукция нефтегазодобывающей и основная часть целлюлозно-бумажной промышленности Дальнего Востока (32).

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА. В 60—70-е гг. в Сахалинской области довольно активно шло жилищное строительство: в седьмой пятилетке было построено 1369 тысяч квадратных метров общей (полезной) площади жилья, в восьмой — 1334 тысячи, в девятой — 1559 тысяч, в десятой — 1514 тысяч. Одновременно шел снос старых деревянных и каркасно-засыпных, барачного типа домов. Тем не менее жилищный фонд городов и поселков городского типа за два десятилетия вырос на 72 процента: с 4135,7 тысячи квадратных

метров общей (полезной) площади в 1961 г. до 7129,8 тысячи — в 1981 г. (34).

И хотя в целом жилищная проблема так и не была решена (как не решена она до сих пор), подвижки в ее решении были хорошо заметны для значительной части населения области. Ощутимы были перемены и в качестве жилья. В 1961—1981 гг. процент жилья, оборудованного водопроводом, возрос с 22 до 75, канализацией — с 13 до 68, центральным отоплением — с 21 до 69, ваннымн — с 8 до 62 (34). Тогда же был выполнен огромный объем работ по благоустройству городов, поселков и сел.

Жизнь населения области осложняли частые тайфуны с ливнями и наводнениями, землетрясения, сильные гололеды, ураганные ветры и обильные снегопады. Поэтому была отработана и постоянно совершенствовалась система преодоления последствий стихийных бедствий. Например, на случай сильных снегопадов города были разбиты на квадраты, за каждым из них закреплялось ведущее предприятие, которое выставляло технику; все тротуары и другие пешеходные места были раскреплены за коллективами предприятий, организаций, учреждений, учебных заведений. Эти и другие меры способствовали быстрому преодолению последствий стихийных бедствий.

Большое внимание неизменно уделялось народному образованию. И хотя общее число школ в области снизилось с 613 в 1960/61 учебном году до 268 в 1980/81 учебном году (в основном из-за их укрупнения), а численность учащихся сократилась за это время со 116,9 тысячи до 97,2 тысячи, в школьном деле произошли большие изменения позитивного характера. Шло очень большое школьное строительство. Всего в 1961—1980 гг. было возведено 149 школьных зданий более чем на 70 тысяч ученических мест (35). В конце 70-х гг. был построен целый комплекс зданий для Южно-Сахалинского государственного педагогического института, включавший учебный корпус, два общежития секционного типа в общей сложности на 900 мест, студенческую столовую и другие объекты.

В 1961—1980 гг. было построено детских садов и яслей на 31 тысячу мест. Число загородных пионерских лагерей выросло с 42 в 1960 г. до 49 — в 1980 г., а количество обслуживаемых ими детей увеличилось с 22,9 тысячи до 27,3 тысячи (36). Для школьников и дошкольников был построен ряд других учреждений: школы-интернаты, дома пионеров (в том числе

Южно-Сахалинский Дворец пионеров и школьников) и др.

Добрые перемены происходили и в развитии здравоохранения. В 60—70-е гг. были построены больницы на 3235 коек, амбулаторно-поликлинические учреждения на 3200 посещений в смену. Численность врачей всех специальностей выросла с 1560 в 1960 г. до 3183 — в 1980 г., количество среднего медицинского персонала — с 5720 до 10 192 человек (37).

Совершенно новым явлением стало освоение сахалинских и курильских месторождений минеральных вод и лечебных грязей. На базе Синегорских минеральных источников был открыт санаторий «Сахалин», построена целая сеть других санаториев и домов отдыха, водогрязелечебниц, туристических баз и др. Были организованы розлив и продажа населению местных минеральных вод, в том числе со Смирныховского месторождения, поставлявшего и поставляющего до настоящего времени населению области наиболее популярную минеральную воду под известным всем названием «Сахалинская».

Активно расширилась сеть клубов, Домов культуры, кинотеатров. Их строительство шло постоянно. Особенно много было построено в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) (38). Всего за 20 лет было введено в действие культпросветучреждений на 23 тысячи мест (39).

В соответствии с постановлениями бюро обкома КПСС в короткие сроки (1962—1964 гг.) было спроектировано и построено здание областного драматического театра имени А. П. Чехова (40). В этом большая заслуга П. А. Леонова и второго секретаря обкома А. В. Шевцова (41). П. А. Леонов выступал инициатором и «генератором» этого строительства, используя при этом и свой личный авторитет, и властные полномочия, а А. В. Шевцов был фактически главным прорабом стройки.

В этот период Сахалин стал краем сплошной кинофикации, радиофикации, почти полной «телевидениефикации». В области издавались три областные, двенадцать городских и районных газет, журнал отдела обкома КПСС «Блокнот агитатора», которые имели разовый тираж до 300 тысяч экземпляров. По подписке и через розничную продажу жители области получали до 740 000 экземпляров газет и журналов. Большая часть областных и центральных газет поступала к подписчикам в тот же или на следующий день, чему способствовало организованное в области печатание с матриц непосредственно в Южно-Сахалинске наиболее распространен-

ных тогда газет «Правда», «Советская Россия», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд».

Систематическая работа над повышением жизненного уровня трудящихся способствовала тому, что средняя заработная плата рабочих и служащих в Сахалинской области выросла со 171 руб. в 1960 г. до 223,4 — в 1970 г. и до 303,7 руб. — в 1980 г. (42). Значительно увеличились выплаты из общественных фондов потребления. При этом, как известно, цены на протяжении всего этого большого периода на все основные промышленные и продовольственные товары (за исключением предметов роскоши) практически оставались стабильными, как была стабильной плата за жилье, электроэнергию и др. Правда, в конце 70-х гг. несколько повысились цены на авиабилеты. Так, перелет от Южно-Сахалинска до Москвы стал стоить не 130 рублей, а 150. Однако это не мешало жителям нашей области все шире использовать этот очень удобный и достаточно доступный тогда вид транспорта.

С ростом материального благосостояния, повышением номинальной и реальной заработной платы заметно выросло потребление сахалинцами и курильчанами продовольственных и промышленных товаров. Например, только за 15 лет, с 1965 г. по 1980 г., ежегодная продажа населению возросла: холодильников — с 3,9 тысячи штук до 12,9 тысячи, пылесосов — с 4,7 тысячи до 12,1 тысячи, телевизоров — с 8,4 тысячи до 21,1 тысячи (43).

Заметно выросли сеть предприятий бытового обслуживания и вместе с этим перечень и объем оказываемых населению услуг. В 1960 г. в области было 425 бытовых предприятий, которые оказали услуг населению на сумму 4137 тысяч рублей, в 1980 г. таких предприятий стало 1115, и оказали они услуг (в сопоставимых ценах) уже на сумму 28 332 тысячи рублей (44).

Постоянно шел абсолютный прирост потребления продуктов питания. И растущий спрос населения на большие объемы, и ассортимент продуктов в основном удовлетворялись. Большое внимание уделялось не только бесперебойному снабжению населения картофелем, белокочанной капустой, столовой свеклой и морковью, но и зелеными культурами: салатом, шпинатом, укропом, петрушкой, зеленым луком. Массовое выращивание зеленых культур началось именно в эти годы, и важнейшая заслуга в этом принадлежала Л. А. Леонову и второму секретарю обкома партии Б. Д. На-

заренко (45). Они же были инициаторами выращивания в области таких «экзотических» для наших мест культур, как тыква, цветная капуста, кабачки. Значительное количество овощей, плодов и ягод завозилось в область с материка.

Круглогодично, по невысоким ценам, продавались цыплята-бройлеры, молоко и молочные продукты. Несколько сложнее обстояли дела со снабжением населения мясом. В течение всего года в широком ассортименте продавалась населению свежая, свежемороженая, соленая, консервированная рыба по очень низкой, доступной практически каждому жителю области цене.

Все вышесказанное заставляет старых сахалинцев и сейчас, много лет спустя после отъезда П. А. Леонова, с оттенком ностальгии вспоминать о том времени, когда «руководил областью Леонов».

ЛИЧНОСТЬ. Когда встречаешься с людьми, которые работали в Сахалинской области в 60—70-е гг., то они, вспоминая те или иные эпизоды, связанные с П. А. Леоновым, говорят о нем: «Да, это была личность!» И действительно. П. А. Леонов, не будучи идеальным человеком и руководителем (таких просто не бывает), бесспорно, был личностью крупного масштаба. Показать все стороны этой личности довольно сложно, поэтому ограничусь лишь некоторыми штрихами.

Одной из характерных черт П. А. Леонова было умение сочетать в своей повседневной деятельности решение узловых проблем и, казалось бы, частных вопросов. Он понимал, что жизнь конкретного человека не может быть сведена только к стремлению увеличить производство или повысить производительность труда, что она в значительной степени состоит из множества, на первый взгляд, малозначащих, второстепенных запросов, желаний и стремлений. И первый секретарь проявлял свой талант именно в умении охватить и комплексно решать всю пеструю мозаику самых разнообразных вопросов, имевших для конкретного человека самое серьезное значение.

Однажды (это было уже ближе к концу работы П. А. Леонова в Сахалинской области), войдя в кабинет первого секретаря, я заметил, что он чем-то сильно расстроен. Я спросил Павла Артемовича, как он себя чувствует и не случилось ли какой-либо неприятности. Оказалось, что он только что

прочитал закрытый документ ЦК КПСС, в котором давалась острая оценка ряду вскрытых фактов взяточничества, воровства и пьянства среди руководящего состава некоторых территорий СССР (как я понял, речь шла об отдельных союзных республиках, а также о некоторых краях и областях РСФСР). Его это сильно огорчило. Несколько успокоившись, он не без гордости заметил: «Но наш руководящий состав, наш актив этими болезнями не заражен». После небольшой паузы спросил меня: «А как ты считаешь?» Я лично знал сотни руководителей различных рангов и поэтому имел все основания для того, чтобы ответить: «Да, к счастью, сахалинцы этим болезням не подвержены».

Конечно, нельзя создание этого здорового сахалинского микроклимата относить только за счет одного человека (даже если это был первый секретарь обкома). Вместе с тем нельзя и недооценивать позитивного влияния этого твердого руководителя, которое он оказывал на окружающих в течение многих лет.

П. А Леонов постоянно занимался укреплением своего здоровья и того же требовал от других руководителей, не без основания полагая, что здоровый человек более работоспособен и «дешевле» обходится государству. Поэтому он не курил, сдержанно относился к спиртным напиткам и соответственно ценил эти качества и в других людях. Позиция и личный пример «первого» оказывали влияние на множество людей, с которыми он общался, а те, естественно, распространяли это влияние «вширь».

П. А. Леонов систематически занимался физкультурой. Каждое утро (независимо от времени года и того, был ли он дома, в отпуске или командировке) «первый» начинал с продолжительной пробежки. Когда же был введен новый Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), первый секретарь не только стал инициатором широкого обсуждения задач по расширению физкультурного движения в области, но и сам начал тренировки по тем видам спорта, которые нужно было сдать на значок ГТО. Того же он требовал от других руководителей. В результате Павел Артемович был в числе первых, кто успешно сдал все нормы ГТО и получил «золотой» значок. Такие же значки получили все члены бюро, большинство работников аппарата обкома партии. Личный пример «первого» и его повседневное внимание к физкультуре и спорту не в последнюю очередь спо-

собствовали заметному подъему физкультурного движения в области, укреплению здоровья ее жителей.

П. А. Леонов активно участвовал в предотвращении эпидемий гриппа. В самом начале 1962 г., когда на Дальний Восток надвигалась пришедшая с запада страны очередная эпидемия, по его инициативе на заседании секретариата обкома был обстоятельно рассмотрен вопрос «О мерах по предупреждению эпидемии гриппа в области». В решении предусматривался комплекс мер, способных ослабить удар приближавшейся эпидемии. Аналогичные меры предпринимались и в последующем, так как первый секретарь считал самым важным именно предупреждение этой своеобразной стихии, способной нанести урон одновременно и здоровью людей, и народному хозяйству.

В большом и малом первый секретарь заботился об экологии. Стремясь очистить воздушный бассейн областного центра, он был неутомим, организуя ликвидацию многих мелких котельных (особенно работающих на мазуте). Добивался максимально быстрого и качественного строительства внутригородских магистралей, что вело к увеличению их пропускной способности и снижению вредных автомобильных выбросов. Категорически требовал, чтобы гаражи строились только за пределами жилых массивов. На территории участка, на котором стоял многоквартирный дом, в котором он проживал, въезд какого-либо транспорта был категорически запрещен. Авторитет «первого» был так высок, что никто (хотя в этом доме жило «высшее» руководство обкома, облисполкома, КГБ и МВД области) на это и не претендовал: останавливали машины далеко от дома и шли пешком.

Как многие люди, П. А. Леонов любил собак. Но, будучи рационалистом, считал, что в таком переуплотненном городе, в таких сверхзаселенных домах держать собаку — непозволительная роскошь. Ведь даже один «собаковладелец» создает массу неудобств десяткам и сотням людей.

С этим можно соглашаться или нет. Но П. А. Леонов был тверд в своем стремлении сделать город чистым. Он не раз при мне говорил, что главное — это люди и их здоровье. И он упорно, из года в год, делал то, что считал правильным: заботился о полноценном питании жителей области, сбалансированном не только по калориям, но и по белку, и по витаминам, и по микроэлементам; заботился о чистоте воздушного бассейна городов и питьевой воды, об увеличении зеленых насаждений; заботился о чистоте улиц и скверов, подъездов

и дворов... Здесь для него не было мелочей. И непонятно, почему и зачем мы все это растеряли, отбросили? Ведь все это делалось нами и для нас, для наших детей и внуков.

В силу служебных обстоятельств мне в течение длительного периода приходилось общаться со многими делегациями и группами, посещавшими Сахалин. Это были видные ученые, писатели, артисты, рабочие. Нередко они делились своими мнениями о нашей области, о ее жителях. Отмечая много различных достоинств сахалинцев и курильчан, гости на первое место ставили их высокую духовность и порядочность. И эти качества людей не в последнюю очередь формировались под влиянием партийных организаций, обкома партии и его первого секретаря.

В личной жизни Павел Артемович и его жена Надежда Ивановна были скромны, не стремились к приобретательству, накопительству, к каким-то другим мещанским штучкам. Их влекли духовное, эстетическое начала. При всей своей загруженности первый секретарь много читал. Прежде всего, историческую и художественную литературу. Еще больше читала Надежда Ивановна, и круг ее чтения был шире. Поэтому она нередко обращала внимание супруга на те или иные книжные новинки, или на фрагменты из прочитанного, которые, по ее мнению, могли его заинтересовать или быть полезными в работе.

Увлечение книгой было тогда повальным явлением в целом в области. Личная библиотека стала главной гордостью многих сахалинцев. Многое сделали в создании атмосферы увлеченности книгой сахалинские писатели. Особенно плодотворно они работали после создания в 1967 г. по инициативе П. А. Леонова самостоятельной Сахалинской писательской организации. Неизменной поддержкой первого секретаря обкома пользовались сахалинские художники и архитекторы. Он активно содействовал созданию и росту профессиональных и самодеятельных драматических и хоровых коллективов. Был инициатором создания Сахалинского русского народного хора, давшего множество концертов для трудящихся области и с успехом выступавшего на гастролях в Москве, Минске, Ленинграде и других городах страны, а также в Японии и Чехословакии.

По инициативе П. А. Леонова в нашей области стали проводиться дни, декады, фестивали искусств с участием известных в стране и мире творческих коллективов и исполнителей из союзных республик, из различных городов Российской

Федерации. Сахалинцы получили возможность познакомиться с рядом государственных народных хоров, симфонических оркестров, балетных и других коллективов, широко известными и любимыми исполнителями: Борисом Штоколовым, Евгенией Мирошниченко, Ниной Бейлиной, Дмитрием Гнатюком и многими другими. Ряд выдающихся мастеров советского искусства нашли возможным посетить Сахалин исключительно из уважения лично к П. А. Леонову и в ответ на его приглашение.

Волею судьбы мне довелось лететь от Москвы до Южно-Сахалинска вместе с народной артисткой СССР, высокоталантливой певицей Марией Биешу. И Мария Лукьяновна говорила мне, что она очень уважает Павла Артемовича как яркого руководителя и разносторонне одаренного человека. Поэтому она и откликнулась на его личную просьбу и с большим трудом, но нашла возможность приехать в наш далекий край, несмотря на то, что все ее время было расписано на много месяцев вперед. Сахалинцы этого, конечно, не знали. Они просто радовались возможности посетить концерты обладательницы чудного сопрано, лучшей в мире исполнительницы партии Чио-Чио-сан.

Сахалинцы в те годы встречались с видными советскими прозаиками, поэтами, драматургами: М. Стельмахом, М. Дудиным, Д. Граниным, С. Смирновым, А. Каплером, Д. Кугультиновым, Ю. Друниной и другими. Аудитории были переполнены почитателями их талантов. Выдающаяся поэтесса Юлия Владимировна Друнина в разговоре со мной с приятным изумлением констатировала, что где бы она ни выступала: в областном центре или другом городе, непосредственно в цехах предприятий или в других аудиториях,— везде было много сахалинцев, которые хорошо знали ее стихи, увлеченно, по памяти цитировали их, выступая с приветствиями в адрес поэтессы. От себя замечу, что после каждой встречи большие группы наших земляков окружали ее, и она ставила свои автографы на книжках своих стихов, принесенных этими людьми из своих личных библиотек.

Супруги Леоновы увлекались цветоводством. Сначала они разводили цветы на участке у особняка первого секретаря на улице Сахалинской, а затем (после переезда в 1972 г. в многоквартирный дом на Коммунистическом проспекте) — на даче, построенной на озере Тунайча. Павел Артемович стал неутомимым пропагандистом и организатором более широкого распространения в области цветовод-

ства, в том числе создания розариумов. Сам «первый» иногда дарил приезжим знаменитостям выращенные им цветы. Я был участником заключительной части его беседы в обкоме с народной артисткой СССР Софьей Николаевной Головкиной, которая по личному приглашению первого секретаря посетила Сахалин с большой группой талантливых учеников возглавляемого ею Московского хореографического училища, с огромным успехом выступавших перед сахалинцами. В конце беседы Павел Артемович вышел в комнату отдыха, расположенную за его кабинетом, и вынес оттуда очень красивый букет роз. Вручая гостье цветы, он сказал, что просит принять от него и Надежды Ивановны выращенные ими розы.

П. А. Леонов проявил себя не только талантливым организатором развития народного хозяйства, науки, культуры Сахалина и Курил, творцом новых форм, методов и приемов работы с людьми, человеком большой души и сердца, но и исследователем-историком. Он — автор более ста серьезных публикаций в центральной и местной периодической печати, а также нескольких крупных исследований по истории Сахалинской области. В их числе — «Очерки истории Сахалинской организации КПСС» (46) и выдержавшая в короткий срок три издания (первое — в Южно-Сахалинске, а второе и третье — в Москве) книга «Область на островах» (47).

П. А. Леонов, естественно, не был идеальным человеком. Ему были присущи и недостатки, которые особенно проявлялись в последний период его деятельности. Так, много лет проработавший с ним Николай Иванович Беляев, в целом высоко оценивая работу П. А. Леонова и подчеркивая, что он «много сделал для области», в то же время отмечал: «Были у Леонова и отрицательные черты. Прежде всего — элементы барства... Многое наносное, что появилось в нашей областной парторганизации, началось с него. Домик на горке, база на Тунайче, спецполиклиника, всяческие спецтуалеты при кабинетах и т. п. — такого у нас раньше не водилось» (48). Можно было бы отметить и чрезмерное увлечение проведением разного рода расширенных заседаний бюро обкома, совещаний, митингов, юбилейных торжеств, отвлекавших людей от работы, и кое-что другое.

Но справедливости ради надо сказать, что при всех названных и неназванных издержках и просчетах главные вопросы постоянно держались в поле зрения и успешно

решались. Решались для людей и во имя людей, что осталось и бережно хранится в их памяти. Многолетняя деятельность П. А. Леонова в Сахалинской области была высоко оценена правительством, коммунистами и населением области. Он был удостоен двух орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции и двух орденов Трудового Красного Знамени, многих других наград, был депутатом Верховного Совета СССР шестого, седьмого, восьмого и девятого созывов, делегатом XXII, XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС, представлял областную партийную организацию в ЦК КПСС сначала в качестве кандидата, а затем и члена ЦК. Жители нашего островного края относились к нему с большим уважением, так как видели и знали, что он жил их нуждами, интересами и заботами, щедро отдавал свои силы, знания, умение и богатый жизненный опыт развитию производительных сил, науки и культуры области, повышению материального благосостояния трудящихся.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

23 декабря 1978 г. XIII пленум Сахалинского обкома КПСС пятнадцатого созыва освободил П. А. Леонова от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома в связи с избранием его первым секретарем Калининского обкома КПСС.

Его появление на тверской земле не вызвало там особых восторгов. И хотя П. А. Леонов и на новом месте работал с большим напряжением и присущей ему ответственностью, особых успехов он там не достиг. В центральной партийной прессе Калининский обком и сам П. А. Леонов были подвергнуты жесткой критике за неправильный стиль работы, низкий уровень руководства экономикой и другие серьезные недостатки (49).

Старые сахалинцы искренне сопереживали Павлу Артемовичу и не могли понять, в чем же дело. Это трудно объяснить и сейчас. То ли П. А. Леонов стал механически переносить сахалинский опыт на специфические тверские условия, то ли начал сказываться возраст, то ли повлияло изменение общей обстановки в стране. А может быть, сказалось все это вместе взятое и что-то еще и другое.

В результате в возрасте 67 лет П. А. Леонов был вынужден уйти на пенсию. До 70 лет он держался, но вскоре после юбилейной даты стал понемногу сдавать. Конечно, изме-

нить так резко смысл, содержание и темп жизни оказалось непростым и нелегким делом. Естественно, угнетала его и обстановка, складывавшаяся в конце 80-х — начале 90-х гг. в партии и стране. Большим невосполнимым уроном стал уход из жизни после тяжелой болезни его любимой жены, верного и преданного друга Надежды Ивановны.

27 марта 1992 г. в возрасте 73 лет Павел Артемович Леонов скончался (50).

Память о Павле Артемовиче Леонове, о его добрых делах сохранилась и живет в сердцах многих старых сахалинцев и курильчан. И мне кажется, что его многолетняя успешная деятельность в нашей области должна быть увековечена. На мой взгляд, достойным памятником этому неординарному руководителю и человеку могло бы быть, скажем, присвоение имени П. А. Леонова творению его рук, его сердца и ума — паромной переправе Ванино—Холмск. Другим не менее значительным памятником могла бы стать книга воспоминаний тех, кто близко знал его, кто работал с ним. Такая книга не только сохранила бы на долгие годы память о нем, но и, раскрыв стиль, методы, формы, приемы и средства его работы, могла бы стать своеобразным пособием, ценным руководством для творческого использования уникального леоновского опыта нынешними и будущими поколениями сахалинских руководителей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сахалинский центр документации новейшей истории (СЦДНИ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 274. Л. 4.
2. Там же. Л. 2.
3. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 298. Л. 99; Д. 299. Л. 120, Д. 301. Л. 39; Д. 309. Л. 103; Д. 313. Л. 3.
4. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 311. Л. 35; Д. 312. Л. 121.
5. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 307. Л. 13; Д. 312. Л. 121.
6. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 9.
7. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 296. Л. 159; Д. 299. Л. 56; Д. 307. Л. 84, 91; Ф. 4. Оп. 78. Д. 11. Л. 200.
8. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 78. Д. 9. Л. 190; Д. 12. Л. 45.
9. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 310. Л. 147; Д. 313. Л. 8, 67.
10. Селявский Терентий Петрович родился в 1919 г. На Сахалине с 1953 г. 25 лет возглавлял в обкоме КПСС идеологическую работу, с 1953 г. — в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации, с 1963 по 1978 гг. — в качестве секретаря обкома по идеологии.
11. Словарь по партийному строительству. М., 1987. С. 156.
12. Шамазов В. Крепость сцепленных звеньев || Советский Сахалин, 1993. 4 марта.

13. Сахалинская область в цифрах за 1946—1963 годы. Южно-Сахалинск, 1967. С. 14—16.
14. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 78. Д. 3. Л. 114.
15. Сахалинская область в цифрах. Южно-Сахалинск, 1975. С. 8.
16. Леонов П. А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975. С. 197.
17. Сахалинская область в цифрах. С. 8.
18. Там же.
19. Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах. 1946—1975. Южно-Сахалинск, 1982. С. 195.
20. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. Южно-Сахалинск, 1983. С. 6.
21. Голуб Андрей Демидович родился в 1906 г. В 1931 г. окончил институт. В 1947—1950 гг. работал вторым секретарем Сахалинского обкома КПСС. С 1950 г. — в аппарате ЦК КПСС. В 1954—1957 гг. — зам. министра угольной промышленности СССР. В июле 1957 — январе 1963 гг. — председатель совета народного хозяйства Сахалинского экономического административного района.
22. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 296. Л. 270.
23. Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах. С. 196—197; Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Область на островах. М., 1979. С. 76—77, 250—251; Леонов П. А. Преображенный край ‖ Огонек. 1970. № 7. С. 6.
24. Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Указ. соч. С. 200, 202—203.
25. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 50—51.
26. Героическая летопись создания. Южно-Сахалинск. 1981. С. 11.
27. Там же. С. 9.
28. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 22.
29. Высоков М. С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении ‖ Советский Сахалин. 1983. 11 марта.
30. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 23.
31. Там же. С. 27.
32. Дальний Восток. 1981. № 5. С. 4.
33. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 61.
34. Там же. С. 62.
35. Сахалинская область в цифрах за 1946—1966 годы. С. 106; Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 63, 77.
36. Сахалинская область в цифрах за 1946—1966 годы. С. 112; Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 63, 80.
37. Сахалинская область в цифрах за 1946—1966 годы. С. 120; Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 63, 75.
38. Сахалинская область в цифрах за годы восьмой пятилетки. Южно-Сахалинск, 1971. С. 79.
39. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 63.
40. СЦДНИ. Ф. 4. Оп. 78. Д. 11. Л. 23; Д. 43. Л. 64.
41. Шевцов Алексей Васильевич родился в 1916 г. На Сахалине работал в 1952—1979 гг. Сначала возглавлял строительно-монтажные организации. В 1960—1961 гг. — зав. отделом строительства Сахалинского обкома КПСС, 1961—1963 гг. — первый секретарь Южно-Сахалинского горкома партии. 1963—1969 гг. — второй секретарь обкома, 1969—1979 гг. — председатель Сахоблисполкома.
42. Сахалинская область в цифрах. 1970—1981. С. 56.
43. Там же. С. 63—64.

44. Там же. С. 74.

45. Назаренко Борис Дмитриевич родился в 1929 г. В 1950 г. после окончания Харьковского зоотехнического института приехал по путевке Министерства сельского хозяйства СССР на Сахалин. Работал в Томаринском районе главным зоотехником, зав. райсельхозотделом, директором МТС. В 1959—1961 гг. — директор Долинского совхоза. В 1961 г. избирался вторым, затем первым секретарем Южно-Сахалинского райкома партии. С 1962 г. работал зав. сельхозотделом, с 1966 г. — секретарем и с 1970 г. — вторым секретарем Сахалинского обкома КПСС. Избирался делегатом XXIV и XXV съездов КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР. Умер в 1980 г.

46. Леонов П. А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975.

47. Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Область на островах. Южно-Сахалинск, 1970; М., 1974; М., 1979.

48. Беляев Н. И. Шифровка от Сталина || Советский Сахалин, 1990. 7 ноября.

49. Махрин Ю. Утверждать принципиальность || Правда, 1984. 26 декабря.

50. Советский Сахалин. 1992, 1 апреля.

Публикации

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ СЕМЕНА НАДЕИНА

В собрании Сахалинского областного краеведческого музея хранится коллекция произведений самобытного сахалинского художника Семена Александровича Надеина. В нее входят полтора десятка рукописей эвенкийских легенд, преданий, сказок, повесть «Максим Канига», дневниковые записи, а также самая крупная коллекция силуэтных композиций и аппликаций, созданных С. А. Надеиным по мотивам эвенкийского эпоса, а также произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. А. Блока.

Наше знакомство с С. А. Надеиным произошло в 1969 г. В это время он уже жил в Южно-Сахалинске в интернате для инвалидов. Больше десяти лет длилась наша творческая дружба. Благодаря ей в музее начало формироваться собрание произведений С. А. Надеина. После трагической смерти художника его архив был передан Сахалинскому областному краеведческому музею. Так музейная коллекция пополнилась несколькими альбомами с силуэтными композициями и рукописями С. А. Надеина.

Семен Александрович Надеин родился в 1929 г. в маленьком эвенкийском стойбище Лок, что затерялось в центральной части Сахалина. Там прошли его детство и юность. Он кочевал с оленями, ловил рыбу, добывал пушнину. Так же, как и его прадед, дед и отец, был прирожденным охотником и оленеводом. Был ловок, силен и очень подвижен. С молоком матери впитал он любовь к родной природе, неброская красота которой манила его своими тайнами.

Эти тайны Семен постигал и в тайге, и в школе, в которой проучился всего четыре зимы. «С учителем очень повезло, — вспоминал он много лет спустя, — это был художник и поэт, мой соплеменник Григорий Чинков». Любимый учитель помог пытливому мальчугану полюбить книги так же,

как и тайгу. Но учиться дальше Семену не пришлось. Началась Великая Отечественная война. Мужчины ушли в армию, а одиннадцатилетнему подростку вместе со стариками и женщинами пришлось испытать все тяготы нелегкой кочевой жизни. После войны Семен работал в оленеводческом колхозе. Был он и охотником, и оленеводом. Довелось руководить бригадой.

В 27 лет с Семеном Надеиным случилась беда: в тайге отморозил ноги и навсегда оказался прикованным к больничной койке. Болезнь лишила его всего, что было дорого: тайги, охоты, а главное — свободы. Длинными больничными ночами не спалось. Одолевали воспоминания: дед у очага вырезает из бересты фигурки птиц и животных, из-под ловких пальцев матери появляются причудливые завитки орнаментов. Воспоминания детства рождали стихи:

Вижу синий дымок над зеленой листвой,
Чум, белеющий в диком лесу.
Я из чащи далекой знакомой тропой
В дом сухие гнилушки несу.

Все время Семен проводил за чтением книг и в общении с друзьями. Но руки, сильные, ловкие, требовали для себя дела... В одном из вариантов поэмы «Лесная песня» он напишет: «Тот недуг, что сковал мое тело, не смог заточить мою душу во мрак». Сильный, неординарный человек, Надеин должен был вырваться из душевного заточения и заново обрести смысл жизни. Однажды, когда Семен в очередной раз оказался в больнице, он попросил у медицинской сестры маленькие ножницы и кусок рентгеновской пленки, приладил свои крупные руки к миниатюрному инструменту и... произошло чудо! С его ладони полетел крылатый олень. Этот олень и помог человеку обрести смысл жизни, помог обнаружить талант, до того дремавший в глубинах его души.

Неудивительно, что первым своим персонажем Надеин выбрал оленя. Образ этого животного с детства живет в сознании каждого эвенка: они наблюдают его в разные периоды его жизни, в разное время года, на отдыхе и перекочевках, в совершенстве знают его особенности: характер, бег, изгиб рогов. Все это мы находим в надеинских оленях: «Олени, олени, не дают спать, тревожат и волнуют душу». Это из дневника художника. Возможно, поэтому среди его работ чаще всего мы встречаемся с изображением именно этого животного.

От работы к работе Надеин ставил перед собою все более сложные творческие задачи: усложнял сюжет, разнообразил композиционное решение. О его работах заговорили, в газетах и журналах стали появляться репродукции силуэтов и аппликаций. Художника это удивляло: «Раньше мне и в голову не приходило вырезать картинки, но в детстве я очень любил наблюдать за искусными резчиками, которые всегда водились в нашем роду, я и сам пробовал вырезать ножом», — так объяснял Семен Александрович факт «внезапности» раскрытия своего таланта. Искусство Надеина покоряет неуемностью фантазии, первозданной прелестью и поэтичностью, они выказывают в нем подлинного знатока жизни и быта своих соплеменников. В работах художника правда и вымысел всегда рядом, и всегда в них присутствуют проникновенно-мудрое осознание жизни и его вечное утверждение. Уже в самых первых своих композициях проявляется знание эвенкийского фольклора.

Это хорошо прослеживается в композиции «Танец шамана» с его торжественностью, динамичностью и музыкальностью: вы как бы погружаетесь в музыку шаманского ритуала: слышите звуки бубнов, ощущаете ритмы танца... В силуэтную композицию «Лесная красавица» художник вложил сказочный сюжет, в котором обязательно присутствуют два мира: добро и зло, и Надеин, пользуясь только ему присущими приемами, убеждает нас в необоримой силе добра и любви. Год от года совершенствовалось искусство художника, оттачивалось его мастерство. Он продолжал усложнять технику своих композиций.

В композициях Семена Надеина поражают насыщенность пейзажа, почти ювелирная деталировка. Работа «Возвращение в стойбище» — это своеобразная этнографическая зарисовка давно минувших дней. Перед нами — вешала для сушки юколы, юрты, на шесте — голова убитого медведя. С горы несется детвора встречать родителей, возвращающихся в родное стойбище на оленях и лодках. В картине ощущаются композиционная завершенность и продуманность каждой детали. Безграничное воображение художника в полной мере передается и зрителям. В композиции «На охоте» мы наблюдаем за охотниками, стреляющими из лука и ружья. Здесь художник демонстрирует своеобразный процесс перехода охотников от древнего лука к огнестрельному оружию. Работы Надеина представляют интерес как для искусствоведа, так и для этнографа.

Несомненной заслугой художника является и то, что ему удалось вырвать из забвения и донести до современников поэтический мир эвенкийских легенд и преданий, ощутить насыщенную тайнами природу Сахалина. Почти все работы Семена Александровича выполнены в технике силуэта, некоторые — аппликации. О силуэтных изображениях можно говорить много; они имеют очень древнюю историю, уходящую корнями в эпоху каменного века. Все известные современной науке древнейшие наскальные рисунки имели силуэтную структуру. И предки С. А. Надеина во все времена вырезали из бересты или кожи изображения животных и человека. Наряду с многочисленными изображениями оленя произведения Надеина полны изображениями других животных. Вот что пишет об этом сам художник:

Оживут, запляшут, как живые тени,
Мои бумажные птицы, звери и олени.
Красотой любуясь, полетят по свету,
Пронося с собой мою лесную песню...

С. А. Надеин был щедро наделен даром построения композиции. Любопытно, что художник никогда, даже при исполнении самых сложных сюжетов, не делал предварительных эскизов, набросков или рисунков. Со стороны это было похоже на чудо. Очевидно, четкая схема будущего произведения возникала у художника сразу, уже в готовом варианте.

От сюжетов, наполненных фольклорными темами, Надеин переходит к исполнению серии портретов классиков русской литературы. Пушкин, Гоголь, Блок... Пушкинская поэзия с детства проникла в душу художника. Свои ощущения, свое очень личное отношение к поэту и его творчеству он стремился выразить в силуэтах и аппликациях. Техника и материал — те же: ножницы и рентгеновская пленка. А вот сюжеты... «Пушкин и тунгус», иллюстрации к сказкам и поэмам. К сожалению, его «пушкиниана» осталась незавершенной.

В своем творчестве Надеин обращался и к поэзии Александра Блока. Многие его стихи знал наизусть. В одной из записей Надеина много места уделено рассуждению на тему «Блок и революция». Приведены строки: «И вновь порывы юных лет, и взрывы сил, и мудрость мысли». По признанию Надеина, поэзия Блока вдохновляла его на «взрывы сил». Он напоминает себе: «Обязательно вырезать портрет Блока».

Так появляется несколько вариантов профильного изображения поэта. К сожалению, и эта тема оборвалась на полуслове.

Художник Надеин щедро и бескорыстно дарил людям свое искусство. Злая рука оборвала жизнь художника в самом расцвете творческих сил. Он ушел, не завершив множество своих планов и задумок. Нет на его могиле надгробной плиты, не начертано на ней имя Надеина, не высечены строки его недопетой лесной песни:

...Просыпаюсь... исчезает мираж...
Нет, постой, задержись хоть на миг!
Я беру инструмент, и виденья мои
Оживают в картинках моих.
Сахалин! Что сравнится с твоей красотой?
Я твой сын, я твой брат и певец!
Все узоры мои, мои рифмы и сны
Ты вплети в свой волшебный венец!

Вступительная статья, подготовка к публикации и примечания К. Я. Черпаковой.

Приложение

С. А. Надеин

УЛАТЕ-СУЛАКИ

Эвенкийская сказка

На ровной поляне, у берега небольшой речки, посреди разлапистых густоветвистых деревьев стоял небольшой «утэкэн» из семи деревьев, срубленный когда-то давно неизвестно кем. Был сделан искусно, видимо, очень умелой рукой.

Обладательницей этого «утэкэна» была старая женщина. Немного сгорбленная спина, но плавная походка говорила о ее когда-то стройной фигуре. Черное от загара лицо, изъеденное морщинами, при улыбке напоминало о былой красоте. Нежный голос походил на журчание ручейка.

Была она круглой сиротой: ни детей, ни родственников, даже имя свое давно позабыла. Птицы и мелкие звери называли ее ласково «Эвэкэчен». Старушка любила их, как своих детей.

Но не все живут в мире и дружбе. Был и у нее заклятый недруг — рыжая лиса «Улате-Сулаки». Обижала она старушку своим коварством. Воровала рыбу «гагдака», ягоду, припасенную на зиму, орехи, корни дикоросов.

Жила старушка очень бедно. Заготовленных за лето припасов едва хватало на зиму. Из этих скудных запасов умудрялась уворовывать злая и хитрая «Улате-Сулаки». Летом и зимой старушка ставила в речку сплетенную из прутьев лозы «уки», в которую попадалась рыба, главная еда бабули. Из рыбы она готовила «гагдака», «як», «султа». В длинные зимние дни старушка надевала свою лисью шапку, которой очень дорожила (неизвестно откуда доставшуюся и когда), и шла на речку. Садилась у проталины удить рыбу до тех пор, пока не замерзнет, и, довольная своей прогулкой, уходила домой, напевая песенку.

Коварная и хитрая «Улате-Сулаки» решила перехитрить

старушку. Пришла к давно обгоревшему пню и стала натирать сажей бока, спину, живот, пока не стала походить на «Кэрэмэс-Сулаки».

Однажды вечером у двери старушки жалобно завыла лиса. Старушка испугалась, но все-таки вышла и спросила: «Зачем пришла? Уходи по-хорошему, ненавижу я весь ваш лисий род». Но лиса, сидя на задних лапках, пряча рыжие передние, плакала горькими слезами, приговаривая: «Все меня обижают, даже мои сородичи, проклятые вруши «Улате-Сулаки». Наверное, потому, что я их чернее и не люблю обманывать. Ох, горе мне, чем я виновата перед всеми, разве что чернотой и честностью. Да не я виновата, что Бог создал меня «Кэрэмэс-Сулаки». Ох, горе мне, надоела такая жизнь, куда же мне, бедной, деться, никто мне не верит. Пусти, добрая «Эвэкэчен», хоть малость погреться, а там я сама уйду своей дорогой, не стану тебя стеснять». И тут старческое сердце дрогнуло, она готова была разрыдаться от жалости и простить весь коварный лисий род. Открывая дверь, она сказала: «Зайди, погрейся, только не смей шкодить». Лиса оказалась очень застенчивой и скромной: от угощения старушки отказывалась и говорила: «Зачем тебя, бабушка, объедать, ведь самой не хватит на длинную зиму». Старушка насильно заставила поужинать гостью, а затем уложила спать.

Утром «Кэрэмэс-Сулаки» наносила воды, натаскала дров, проверила «уки» и принесла с десяток «майма».

Старушке понравилась проворная и скромная помощница. Она стала уговаривать ее остаться насовсем. Но та отказывалась. Наконец согласились на том, что останется лиса на зиму, а летом уйдет по своим делам, и только зимой будет приходить и помогать старушке. Та очень обрадовалась.

С приходом лисы стало попадать в «уки» вдвое больше рыбы. Старуха не знала, как ее благодарить, и радости ее не было предела.

Прошло дней пять. Однажды, когда день выдался особенно холодный и рыбы навалило много (ход был в разгаре), лиса говорит: «Сегодня и завтра будет много рыбы, надо не прозевать, пока рыба идет. Нужно будет коротать дни и ночи около «уки» и выбирать улов». Лиса, часто прибегая погреть уши к огню, не могла нахвалиться хорошим уловом. Тогда старуха говорит: «Ты, лиса, надень мою шапку, ведь холодно».

Лисы не было до самого вечера. «Видать, хорошо ловится рыба. Надо позвать лису и хорошо покормить на ночь». С этими мыслями старушка отправилась на речку, где стоит «уки». Пришла и видит: нет ни рыбы, ни лисы, и след давно застыл. Заплакала горькими слезами, проклиная себя и весь лисий род.

В это время прилетел «Оли», сел на дерево и заговорил:

— Зачем плачешь, «Эвэкэчен», кто обидел тебя?

— А как же мне не плакать, добрый «Оли». Обманула меня проклятая лиса, украла мою дорогую шапку, которую берегла, не надевая сама.

— Не плачь, я слетаю и принесу твою шапку, только разреши.

— А что же ты скажешь ей, добрый «Оли»?

— Я скажу ей: «Зачем украла шапку и обидела нашу любимую «Эвэкэчен». Верни, «Улате-Сулаки», а то плохо тебе будет».

— Нет, добрый «Оли», так не выйдет ничего. Ступай своей дорогой, а за сочувствие большое спасибо.

Улетел «Оли». Старушка продолжала плакать. Прилетел «Онголо» и говорит: «Зачем плачешь, наша добрая «Эвэкэчен?» Старушка повторила все заново. Когда тот предложил свои услуги и старуха спросила, что он предпримет, «Онголо» ответил, как и «Оли». Старуха отказала и ему, и «Онголо» улетел. Она продолжала плакать. Прилетела маленькая «Чиндэкэ» и промолвила: «Чив, чив-чив. Почему плачешь, наша добрая «Эвэкэчен», кто посмел тебя обидеть?» Когда старуха излила свое горе, птичка сказала: «Не плачь, бабушка, ступай домой спать, утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем. А шапку твою следовало бы вернуть».

Старушка поблагодарила за доброе слово маленькую «Чиндэкэ» и пошла к себе домой, а птичка улетела в лес.

В это время в жилище старого Лисовина собралось много лис разной масти у затухающего очага. Рядом с Лисовином сидела его жена «Улате-Сулаки», около них — лисята. Посреди жилища лежал завернутый в шкуру умирающий их внучонок. Над больным камлала старая шаманка «Кэрэмэс-Сулаки». Она надела на голову бабушкину лисью шапку и колотила в бубен, обтянутый рыбьей кожей. Весь лисий род был устремлен в одну точку — на умирающего сородича.

Вдруг неожиданно поднялся переполох, будто бы грянула гроза в ясный солнечный день. В жилище старого Лисовина

с шумом ветра поднялся искрометный вихрь пепла от затухающего огня. В тумане пепла было слышно порханье огромных крыльев невидимой птицы. Все лисы вместе с шаманкой «Кэрэмэс-Сулаки» попрятались по углам просторного жилища. А старый Лисовин, задрав вверх свою острую лисью морду, заговорил плаксивым голосом: «О, Великий бог шаманов, крылатый посланник просторного неба, обратись наяву и покажись перед нами, не губи наш ничтожный род. Великий владыка, сжалься над нами. Если мы в чем-то виноваты — прости». Ветер в жилище старого Лисовина стих, пепел рассеялся и стало светло, как прежде. Лисы вместе с шаманкой «Кэрэмэс-Сулаки» вышли из своих укрытий и видят чудо из чудес: над изголовьем их умирающего сородича сидит маленькая птичка «Чиндэкэ» с торжественным видом победителя и с гордо поднятой головой. Лисий род притих, напуганный посланником голубого неба — Великим шаманом птичьего рода. Молчание прервала «Улате-Сулаки»:

— Скажи, Великий шаман, какие болезни ты можешь лечить?

— Чив, чив-чив, я излечиваю мелкие болезни, как «симкин», «учекэ», и тягаюсь с большими.

— О, сородичи мои, наденьте Великому шаману на голову шапку, пусть покамлает, — воскликнул старый Лисовин.

«Улате-Сулаки» надела шапку на голову «Чиндэкэ» и попросила покамлать. Еще пуще прежнего поднялся вихрь пепла от затухающего огня. Было слышно порхание крыльев, подобное ветру. Затем стихло все, рассеялась пыль, Но ни шапки, ни Великого шамана уже не было. Поднялись визг и писк в просторном жилище старого Лисовина. Это он бил с досады свою жену «Улате-Сулаки» и шаманку «Кэрэмэс-Сулаки», а остальные сородичи разбежались по всему дремучему лесу и попрятались, кто где смог. И на этом распалось огромное жилище старого Лисовина, и осталось пустовать навсегда. Разыскивая сородичей, он находил лишь норы, где поселился каждый отдельной семьей.

Старушка встретила маленькую птичку «Чиндэкэ» с радостью. В знак благодарности она подарила ей черный платок и свой костяной «искэк», чтобы удобнее ловить букашек, клевать траву и ягоду. С той поры появились у «Чиндэкэ» на голове черная повязка и костяной клювик — это бабушкин подарок за ее находчивость и доброе сердце.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Улате-Сулаки — огненно-рыжая лиса (огневка)
2. Утэкэн — избушка (балаган)
3. Эвэкэчен — бабушка, бабуля (ласкательное)
4. Гагдака — юкола (сушеная рыба)
5. Уки — вентер, мордуша
6. Як — мелко нарезанная юкола
7. Султа — порошок, мука из рыбы
8. Кэрэмэс-Сулаки — Сиводушка-лиса
9. Майма — форель
10. Оли — ворон
11. Онголо — кедровка
12. Чиндэкэ — синица (синичка)
13. Симкин — кашель
14. Учекэ — понос
15. Искэк — инструмент для вытаскивания занозы

ЗАПРЕТНОЕ МЕСТО

(Предание)

Удивительно красива тайга в наших краях. Широко по Сахалину раскинула свой зеленый убор, укутала, словно мать теплым ковром любимое дитя. Таится в ее просторах много интересного и загадочного для человека. Она щедра и богата. Хранит в своих густых ветвях и кустарниках много зверей и разной дичи. Многому удивляется таежный житель: к примеру, полянам, изрытым множеством квадратных и круглых воронок. Они неглубокие, поросшие мелким кустарником да белым ягелем. Над всем этим возвышаются ветвистые лиственницы, загораживая своей тенью загадочные воронки. Останавливается у этих мест путник, любуясь их красотой, и думает: «Природой ли они созданы, руками ли человека?.. Много ли времени прошло с тех пор? Если это создано человеком, то кто он?» Как-то я попросил старого охотника, знатока сахалинской тайги, поведать мне об этих удивительных воронках. «Это жилища древних нивхов, — сказал Акиляк, так звали охотника. — Давно это было. Тогда на острове жили нивхи, вдоль морского берега бесконечно тянулись их малые и большие стойбища. Были они ловкие и смелые охотники. На лодках уходили в море стрелять зверя. Недостатка в пище не знали, устаревшее мясо за еду не считали, отдавали его собакам. Но с годами морские звери все дальше уходили от берега. Добычи стало меньше, и многие охотники возвращались домой с пустыми

руками. Жизнь становилась трудной. Только самые смелые охотники уходили на промысел в море, но большинство из них домой не возвращалось, гибли в море. И тогда обратились старики к шаманам с просьбой защитить сородичей от гибели. Но всемогущие владыки, предсказатели добра и зла, не в силах были спасти вымирающий род, хотя день и ночь, с бубном в руках, просили злых духов не обижать несчастных. Звали на помощь хозяина моря, чтобы и он защитил их от гибели. Но все было напрасно. Тогда обратились шаманы к оставшимся в живых сородичам: «О, люди, бог моря в обиде на нас. Кто хочет остаться в живых, уходите в глубь леса. Отныне забудьте о море. Когда станете лесными жителями, не вздумайте вспоминать о нем. Для вас оно «табу». Кто вымолвит это слово, того ждет гибель. И не пускайте молодежь в «запретное место», ибо по их следам может прийти в стойбище морское чудовище; тогда оно не пощадит и вас».

С тех пор жители моря обосновались в лесу. Они старались уходить подальше, и добирались до истоков рек. Строили свои жилища в земле. Питались нерестовой рыбой, научились промышлять лесных зверей и птиц.

Прошло много времени с тех пор. Старики вымерли. Новое поколение знало о море лишь из старинных преданий. Границу, которая окружила их стойбище, переходить запрещалось строго-настрого. Род нивхов стал заселяться у водоразделов крупных рек».

Все, о чем рассказал мне старый Акиляк, а я передаю вам, происходило у истоков реки Лангры, что на западном побережье острова. Однажды летом, в разгар хода кеты, самый бедный в стойбище юноша, взяв собак и сеть, отправился на своей лодке вниз по течению реки. Речка небольшая, но текла, извиваясь кривунами, угрожала заторами от завала деревьев. Охотник, упорно преодолевая трудности, продолжал свой путь. Останавливался лишь на ночлег и затем, чтоб поставить сеть. Рыбы ловил много. Утром опять продолжал свой путь. Река становилась все шире и шире. И юноша подумал: не пора ли возвращаться назад. Но любопытство победило страх. И охотник решил плыть дальше.

В низовье река стала совсем широкой, лес поредел. Такого путешественник еще никогда не видел. Он выбрал удобное сухое место и расположился на ночлег.

Глубокой ночью проснулся от шума ветра. Но когда

встал, осмотрелся, в лесу было так же тихо, как и вечером, а чудовищный шум доносился откуда-то из-за низовья реки: что-то гудело, слышались непонятные всплески. «Утро вечера мудренее», — подумал он и, повернувшись на другой бок, снова заснул. А когда пробудился, солнце было уже высоко. Позавтракав наскоро, нивх отправился в путь. Река все так же текла, извивалась среди песчаных намывов. «Красиво!» — подумал парень. Неожиданно из-за большого кривуна он увидел ослепительную синеву, подсвеченную солнцем, не было ей ни конца, ни края. И воскликнул юноша: «О, море, гроза моих предков и сородичей моих, прости меня, что я нарушил запрет и увидел тебя своими глазами!..» Он причалил к берегу реки, вышел на сушу и замер от восторга: поляна была усыпана цветами, слышалось многоголосие птиц.

Юноша подошел к песчаному берегу моря. Какие-то громадные чудовища, испугавшись человека, сползали в воду и, выныривая, смотрели на незнакомца. В прозрачной воде плескалось множество рыбы. Вот тогда впервые и отведал нивх жирную морскую рыбу.

На другой день он убил зверя, снял с него морскую шкуру и попробовал жирное мясо. Ему очень понравилось.

Отважный охотник решил здесь обосноваться. Построил себе жилье и вешала для сушки юколы. За короткий срок заготовил запас еды, которой могло хватить на две зимы.

Шло время. Как-то, нагрузив в лодку немного юколы и свежего мяса, нивх отправился в родное стойбище угостить сородичей вкусной едой и сообщить им о привольной и богатой жизни у моря.

Когда юноша поведал им о своей новой жизни, в селении поднялся переполох. Нивхи кричали ему: «Уезжай туда, откуда приехал. Ты теперь не наш сородич. Мы тебя проклинаем. И чтоб духа твоего здесь не было».

Только самого близкого друга уговорил уехать юноша. В ту же ночь они отправились на двух лодках к морю.

Прошло лет пять с тех пор, как уехали эти двое на поиски счастья. Любопытная молодежь из их стойбища стала тайком проникать в «запретное место». И пополз по стойбищу слух, будто бедный сирота сильно разбогател, привез себе красавицу-жену из-за моря. Теперь у них есть дети. Хозяин хорошо одевается и ездит на тридцати отборных собаках в гости к сородичам жены.

Он, передавая привет своим землякам, звал их переби-

раться к морю. И началось переселение к «запретному месту».

Постепенно временное убежище от злого морского чудовища стало забываться. Лишь проезжий путник остановится и с любопытством осмотрит заросшие белым ягелем, кустарником да вековыми деревьями загадочные воронки.

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Тот недуг, что сковал мое тело, не смог
Заточить мою душу во мрак.
Лишь закрою глаза — сразу вижу то лес,
То ручей, то скалу, то овраг...
На замшелой вершине высокой горы
Кто стоит, опершись на копье?
То мой предок, тунгус, что с Амура пришел,
Выбирает кочевье свое.
Как блистают глаза, устремленные вдаль, —
Мир, который еще не открыт!
Сколько новых дорог, сколько хитрых следов
Ожидает тебя, следопыт!
Вижу синий дымок над зеленой листвой,
Чум, белеющий в диком лесу.
Я, босой и несчастный, в лес ухожу,
В чум гнилушки сухие несу.
Мать сидит у огня. Закопченный котел
Обещает нехитрый обед.
Вот послышался топот оленьих копыт —
В чум заходят отец мой и дед...
Вижу первую школу — бревенчатый сруб,
Что поднялся в чащобе глухой.
Вижу первый урок, слышу первый звонок,
Вижу первую лошадь с сохой...
Просыпаюсь в поту, исчезает мираж.
Нет, постой! Задержись хоть на миг!
Я беру инструмент, и виденья мои
Оживают в картинках моих.
Сахалин! Что сравнится с твоей красотой?
Я твой сын, я твой брат и певец!
Все узоры мои, мои рифмы и сны
Ты вплети в свой волшебный венец!

СЛУЧАЙ В ЛЕСУ

Рассеивался и редел туман в долине реки, изредка показывались верхушки деревьев на другой стороне. Хорошо стала видна крыша соседнего домика. Через полчаса показалось ослепительно-яркое солнце. Актай стоял на крыльце своего лесничего жилища и любовался сахалинской природой, изредка позевывая от еще не совсем прошедшей дремоты после короткой летней ночи. «Как хороша тайга в здешних краях; конечно, не сравнить ее с Уссурийской или Сихотэ-Алинской. Разве можно сравнить низкие разлапистые лиственницы да мохнатые ели с нашими великанами: тополем, дубом, сосной и кедром. Сахалинским далеко до них», — так думал Актай, оглядывая окрестности сахалинской тайги своим опытным оком знатока лесных дебрей.

Много повидал на своем веку Актай, избороздил вдоль и поперек лесные дали. Много разного зверя повидал, много охотился, считал себя опытным охотником. «А вот какие здесь звери, можно ли их сравнить с нашими великанами, медведем, например? Вряд ли, наверное, такие же мелкие, как здешние леса. Не помешало бы встретиться и завалить хоть одного», — размышлял Актай в то прекрасное утро.

«Надо сходить вечерком на медведя», — с этими мыслями он зашел в дом и сел за приготовление снастей.

Под вечер его товарищи возились с лодками: завтра им ехать вверх по реке, столбить территорию здешних лесов. Актай взял карабин и пошел вверх по Паркатинке, вчера охотники видели там следы медведя. Не прошло и пятнадцати минут, как он бегом вернулся назад, к охотникам. Задыхаясь от быстрого бега, заикаясь, проговорил: «В двухстах метрах отсюда видел огромного медведя, стрелять не стал. Берите быстрее ружья и айда за мной». Густая трава шевелилась в том месте, где предполагался медведь, слышен был шорох стеблей. «Надо стрелять враз, не дай Бог, пораним, тогда нам не сдобровать», — шепнул он своим спутникам. Пуще прежнего завешелилась и зашуршала трава, показалась черная лоснящаяся спина. Актай вскинул карабин и замер... Из-за густого пырея показалась пестрая мордашка буренки, за ней двигалось стадо телят. Актай провел рукой по взмокшему лбу и сказал: «Напугали, черти! Эх, сахалинские медведи...». За спиной хохотали его спутники.

Полевые этнографические и археологические исследования на Сахалине и Курильских островах

Т. П. Роон

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ У УЛЬТА В НОГЛИКСКОМ РАЙОНЕ

С 15 июля по 15 августа 1992 г. в Ногликском районе работала совместная российско-японская этнографо-лингвистическая экспедиция. В экспедиции приняли участие японские исследователи — профессора Д. Икегами и К. Иноуэ, и научные сотрудники Сахалинского областного краеведческого музея Т. П. Роон (руководитель экспедиции) и И. А. Цупенкова. Основными целями экспедиции были:

1) изучение современной лингвистической ситуации в районах проживания ульта и возможностей для возрождения их языка и создания письменности;

2) исследование современного состояния оленеводства у ульта и выявление перспектив его развития в современных условиях, продолжение работы по описанию и фотофиксации элементов традиционной материальной культуры ульта.

Для достижения вышеназванных целей экспедиция была разделена на две группы. В первую группу вошли Д. Икегами и И. А. Цупенкова. Они постоянно находились в с. Вал и работали с ограниченным кругом информаторов (М. С. Михеевой, 1905 г. р.; О. Н. Семеновой, 1910 г. р.; Е. А. Бибиковой, 1940 г. р., И. Я. Федяевой, 1940 г. р.), выявляя правильное произношение слов, определяя диалектные особенности. Последнее особенно важно, т. к. носителей диалектов ультского языка сегодня практически не осталось (кроме

М. С. Михеевой и О. Н. Семеновой). Указанная работа полезна и для создания письменности ульта.

Современная лингвистическая ситуация среди ульта весьма сложна. Она характеризуется низкой степенью владения родным языком не только молодежью ульта, но и представителями среднего поколения. Повсеместно в качестве средства общения применяется русский язык. Проведенный опрос показал, что среди ульта практически каждый второй молодой человек считает, что ультский язык им не нужен и нет никакой необходимости его учить. Все это порождает ощущение того, что работа по созданию письменности не нужна самим ульта.

Вторая группа экспедиции в составе К. Иноуэ и Т. П. Роона работала в оленеводческой бригаде малого госпредприятия «Вал», используя методы опроса и включенного наблюдения за производственным процессом. В бригаде заняты 13 человек, в то время как все трудоспособное ультское население с. Вал составляет 85 человек.

В настоящее время традиционная система оленеводства ульта полностью разрушена. Сегодня сохранились лишь ее отдельные черты: элементы материальной культуры (транспорт, предметы кочевого быта и др.), элементы системы кочевания (летние маршруты на морском побережье Охотского моря, зимние — по Северо-Сахалинской равнине), производственные навыки и термины и т. д. Именно на эти черты культуры ульта участники второй группы обратили особое внимание. Ведь консервация и сохранение этих черт свидетельствуют о стремлении части этноса сохранить таким образом свою самобытность.

Оленеводство — единственная сфера деятельности ульта, где русский язык еще не полностью вытеснил национальный. Вся терминология, связанная с вещами, жилищем, пищей, оленем, окружающей природой, произносится по-ультски. Местные топонимические названия также имеют корни в ультском языке (Пильтун, Гаромай, Дайхурия, Даги и т. д.). Поэтому пастухи часто общаются на родном языке. Летом в тайге вместе с отцами живут их сыновья-школьники. Здесь они не только активно включаются в традиционную для ульта трудовую деятельность, но и погружаются в естественную языковую среду.

Несмотря на процесс разрушения внутриэтнических и традиционных хозяйственных связей, у многих ульта продолжает существовать устойчивая ориентация на олене-

водство. В основе этого лежат отношения собственности, главными объектами которых являются домашний олень и пастбища. До настоящего времени количество собственных оленей является показателем положения ульта в обществе. В период коллективизации каждый хозяин-мужчина отдавал в колхоз большую часть оленей. Однако и после этого он продолжал считать их своей собственностью. Эта практика сохраняется и сейчас. Прошло более полувека. Сменилось несколько поголовий оленей. Однако каждый пастух знает точное количество своих собственных оленей.

В ходе полевых исследований проведена фотофиксация транспортных средств ульта, процессов изготовления верховых и вьючных седел, жилищного комплекса оленеводов, перекочевок и т. д.

Решено продолжить полевые исследования ульта в Ногликском районе в 1993 г.

А. А. Василевский, И. А. Самарин,
Н. В. Плотников

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СЕКТОРА ЮЖНО-САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА: ИТОГИ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 1992 ГОДА

В 1992 г. исполнилось 30 лет с начала работ археологической экспедиции Южно-Сахалинского госпединститута. Отсчет им ведется с 1962 г., когда старший преподаватель кафедры истории ЮСГПИ В. А. Голубев вместе со своими студентами начинал археологические раскопки.

В 1992 г. экспедиционные работы традиционно преследовали три цели — охрана, паспортизация памятников археологии и обучение студентов-историков методике полевых исследований. В течение сезона проводились археологические разведки в Смирныховском, Анивском, Холмском, Корсаковском, Невельском, Томаринском и Южно-Курильском районах. Также проводились охранные раскопки на поселениях Седых-1, Чиркова-1 и городище Сирануси.

Седых-1. Были продолжены охранные раскопки межжилищного пространства в зоне разрушения. Общая площадь в 1991 г. — 268 кв. м., в 1992 г. — 53 кв. м. Выявлены в раскопе-1 межжилищная площадка с очагом, хозяйственными ямами, местами расщепления камня, а в раскопе-2 — остатки погребенной неолитической полуземлянки. Анализ стратиграфии и собранного материала позволяет подтвердить высказанные ранее тезисы об оригинальности седыхинской традиции и ее связи с нижнеамурским неолитическим

пластом III—II тыс. до н. э. (1). В этом ключе интересна вторая находка фризового венчика с фризовой композицией резного волнообразного и спирального орнамента, которая в корне отличается от сахалинских стилей декорации и сближается с нижнеамурскими. Эти же аналогии имеет найденная шлифованная цилиндрическая подвеска из камня. Новые подтверждения о сохранении традиций изготовления бифасов-заготовок нуклеусов, а также резцов и резчиков и находки частей биконических сосудов дополняют предложенный ранее список признаков этой традиции, достаточно чужеродной для Южного Сахалина.

Чиркова-1. Обнаружено впервые в 1991 г. В 1992 г. начаты охранные раскопки в зоне контакта со стройкой рыбцеха СП «Итал-Сахалин». Поселение расположено на поверхности 12—15-метровой абразионной террасы средневысотного прибрежного цикла на правом берегу одноименной реки, в 1 км к юго-западу от пос. Новиково, на берегу залива Анива. В раскопе (48 кв. м) был выявлен культурный слой мощностью до 2 метров. Выделено 4 горизонта. Первый (верхний) характеризуется наличием фрагментов плоскодонных сосудов с треугольно-штамповым орнаментом, горизонтальными прочерченными линиями, каннелюрами. Типологически керамика датируется X—XII вв. н. э. Горизонт-2 содержит керамику также плоскодонную, с ложнокордовым, зигзагообразным, вертикальным, ямочным орнаментом. Один фрагмент керамики украшен орнаментом, типичным для раннего сацумона. Также обнаружен кусок металлургического шлака. Горизонт по аналогиям датируем VII—IX вв. н. э. Горизонты-3 и -4 выделены стратиграфически, различий в типах материала не прослежено. Керамика представлена сосудами с острым и усеченно-коническим дном, с гребенчатым, реже шнуровым орнаментом в сочетании с жемчужинами, с декором в виде вертикальных или горизонтальных насечек. Каменный инвентарь включает шлифованные уплощенные или же с квадратным сечением тесла и топоры, разнообразные типы ножей, наконечников, метательных орудий. Скребки единичны. Костяных орудий — два. Это — обломок тесла и наконечник стрелы с четырехгранным насадом, двумя ассиметричными бородками и желобком (горизонт-3). Украшено одно керамическое кольцо. Особо интересна находка глиняной трубки длиной до 40 см, назначение неясно. В основании слоя-3 обнаружены два кострища с каменными кладками. В основании слоя-4 расчищена часть прямоугольной в плане

полуземлянки, особенностью конструкции которой является канавка, идущая параллельно стенке жилища, вероятно, для стока воды. Комплекс горизонтов-3, -4 имеет прямые аналогии в материалах таких известных раннеохотских памятников I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э., как Стародубское-2 и Сусуйская стоянка. В отличие от трех верхних супесных горизонтов четвертый связан с плотным суглинком, который хорошо сохраняет дерево и кость. Еще одна особенность горизонта в том, что жилище выдолблено в щебенистом цоколе террасы, что впервые позволяет с уверенностью восстанавливать его форму.

Нельзя не отметить многочисленные находки костей рыб, морских млекопитающих, раковин моллюсков во всех четырех горизонтах, что позволяет подтверждать выводы о высоком уровне морской адаптации аборигенов Сахалина в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. В связи с находками железных изделий в горизонтах-1—3 и шлака в горизонте-2 особо остро встает вопрос о возможном отнесении выявленных комплексов VII—XII вв. н. э. к эпохе раннего железа на Сахалине.

Городище Сирануси. Несмотря на длительную известность, памятник не подвергался детальному обследованию. В 1992 г. отрядом Н. В. Плотникова была проведена сплошная нивелировка поверхности городища и заложена траншея, прорезающая вал и ров. Это позволило автору прийти к ряду выводов. Первоначально городище, по-видимому, имело подчетырехугольную форму, образованную валами, опоясанными с внешней стороны рвом. В середине каждого вала находятся проходы, ров в этих местах засыпан. Характер отложений в траншее свидетельствует, что строители первоначально вырыли ров и, по мере его углубления, насыпали вал. Таким образом, высота стены от основания рва составляет около трех метров. Оползший в древности вал вновь подсыпался, что хорошо прослеживается стратиграфически. Обнаруженный на поверхности фрагмент керамики украшен мелкими штамповыми оттисками треугольной формы и напоминает по внешнему виду средневековую керамику материка Азии. Для более широких выводов потребуются дополнительные работы, которые планируются в ближайшие годы.

В Смирныховском районе на правом берегу р. Лангери близ пос. Пограничное обнаружено 4 поселения со следами древних жилищ, числом от двух до пятнадцати на памятник.

В шурфе на Пограничном-3 в жилищной западине обнаружена печь, аналогичная таким же печам на поселениях Стародубское-3 и Седых-1, что позволяет датировать памятник X—XVII вв. н. э. Отдельные находки керамики сделаны на горе Клин в устье р. Лангери и на правом берегу р. Окружной. Особенностью открытых памятников на р. Лангери является отсутствие культурного слоя вне жилищных западин.

В Анивском районе обследованы два местонахождения эпохи позднего палеолита близ с. Петропавловского напротив трактира «Доктор Живаго» (2). Найдены изделия на пластинах и торцовый нуклеус. Вероятный возраст находок — 16—12 тыс. лет. В урочище Починки обнаружены раковинная куча и поселение айнской культуры, на котором обнаружен сосуд «найдзи». В районе пионерлагеря «Космос» на р. Лютоге обнаружены поселение из 24 жилищ и стоянка из трех жилищ на обрывистом берегу р. Партизанки.

В Холмском районе переобследованы ранненеолитическая стоянка Пионер-1 (значительно разрушена), известный по японским данным «форт» «Коноторо-доджё», а также стоянки у села Костромского.

В Невельском районе обследована черта городской и сельской застроек. Из известных ранее 15 памятников культурный слой частично сохранился на стоянках Ранетой, Заречное, Горнозаводское-2, «Слаломная трасса». Хорошо сохранился слой на вновь открытых стоянках на ул. Бамбуковой и Больничной (Горнозаводск-4, -3), а также на известном памятнике сусуйского этапа — «Уни-Часи» в урочище Чайкино. Обследование берегов острова Монерон позволило выявить и описать 8 стоянок и поселений, в т. ч. ранее неизвестные поселения в бухте Кологераса и у старой телеграфной станции. Полученные материалы позволяют считать, что остров впервые посещался носителями южно-сахалинской неолитической культуры еще в IV тыс. до н. э. Находки культурных слоев, несущих керамику этапа эпидзёмон, охотской культуры и сацумон, позволяют считать остров важным пунктом в системе «промыслового кольца» — Крильон — Соя—Ребун—Монерон. В средневековье он посещался как хоккайдскими, так и сахалинскими айнами.

В Корсаковском районе впервые обнаружены стоянки на озерах Гусь и Русское, в западной части п-ова Пузино, на протоке из оз. Седых (Седых-8). Начата топосъемка пунк-

тов-1—3 поселения Свободное-1, отведена охранная зона памятника.

В Тымовском районе в 2 км к западу от с. Адо-Тымово И. А. Самариным найдено скульптурное изображение лица человека на скале.

В Томаринском районе на северо-восточной окраине г. Красногорска обнаружены два поселения различных этапов охотской культуры.

В Южно-Курильском районе на о. Кунашире, у ручья Рубежного на подножье вул. Тятя, найдена стоянка из двух жилищ.

Таким образом, в полевой сезон 1992 г. экспедицией было в той или иной степени обследовано более 50 памятников от эпохи палеолита до средневековья, в т. ч. 20 из них обнаружены впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Василевский А. А., Плотников Н. В., Самарин И. А. Итоги полевого сезона археологической экспедиции ЮСГПИ || Краеведческий бюллетень. 1992, № 2. С. 120.

2. Как оказалось, стоянки эпохи палеолита были известны ранее В. Я. Горобцу и С. В. Горбунову.

С. В. Горбунов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА «АБОРИГЕН» В 1992 ГОДУ

В полевой сезон 1992 г. краеведческий клуб «Абориген» при администрации Макаровского района Сахалинской области совершил 12 небольших экспедиций, во время которых проводились наблюдения, исследования и сбор материалов по геологии, зоологии, палеонтологии, археологии, востоковедению, этнографии, археографии, филокартии и другим разделам сахалинского краеведения. Работы проводились на территории Невельского, Холмского, Анивского, Долинского, Макаровского, Александровского, Тымовского, Ногликского и Охинского районов Сахалинской области.

На юго-западном побережье Сахалина — в Невельском районе, осмотрены и переобследованы археологические памятники Кузнецово-1, Виндис-1, Рифлянка, Горбуша-1, Крайняя, Вольная-1, -2, Луза, Оненуси, Брусничка, Перепутье-1, -2, Лужки, Чкалово-1, -2, Ивановка, Шебунино-2, Пояркова, Островки, Волково, Штормовое, Орловка, Чайкино-1—3, Горнозаводск-1, -2, Заречье, Лопатино, Селезнево, Казакевичи, Невельск-1, -2, Ловецкое-1—5, Ясноморск-1—3, Заветы Ильича-1—3, Светляки-Северные. На трех из них — Орловка, Волково и Пояркова — проведены небольшие раскопки.

В Орловке вместе с керамикой развитого этапа охотской культуры найдены костяные и каменные наконечники стрел, три орнаментированных игольника с изображением сцен морской охоты, изготовленные одним мастером, раковины моллюсков и кости животных. Кроме того, здесь же на склоне сопки обнаружено скопление медвежьих костей — возможно, результат медвежьего праздника. Синхронными стоянке Орловка оказались и стоянки Волково и Пояркова. Однако в Невельском районе имеются и более ранние памятники, например, стоянка Чайкино-3, Шебунино-1, Рифлянка, относящиеся к позднему дзёмону — эпидзёмону.

В урочище Штормовое на реке Борисовке в 300 м от берега моря имеется земляное сооружение в виде вала высотой

до полутора метров, квадратной формы, разомкнутое с южной стороны. Одна сторона квадрата — около 40 м. Внешне это сооружение напоминает часи — средневековые земляные укрепления на Сахалине, но лишь раскопки могут окончательно установить культурную принадлежность и функциональное назначение этого сооружения.

В Макаровском районе, в долине р. Пугачевки, где в последние годы обнаружено свыше 40 археологических памятников разных эпох — от палеолита до айнской культуры «найдзи», — проводились раскопки раннеголоценовой стоянки Пугачево-4. На площади 100 кв. м раскопа найдены кремневые и обсидиановые пластинки и орудия из них, включая треугольные наконечники стрел с краевой ретушью, плоско-выпуклые рубящие орудия, концевые скребки, шлифованные каменные стержни и 2 фрагмента керамики, вероятно, самой ранней на Сахалине. Кроме того, обнаружена стоянка охотской культуры в урочище Буруны, где найдены каменные орудия и остродонная керамика.

Новые археологические памятники обнаружены также в Долинском районе — стоянки Дудино-2 и Черная-2. В Охинском районе найдено 4 памятника по берегам озера Потанги, переобследованы памятники Романовка-1—5, Седьмовское озеро, Музьма, Рыбновск, Песчаное, Верещагино, Наумовка-1—3, озеро Сладкое, Кефи, Люги, Успеновка, мыс Виски, Уш-6, Москальво-1, -2, Некрасовка-1, -2.

В этнографической экспедиции, в которой, помимо автора, участвовали научный сотрудник Российского музея этнографии из Санкт-Петербурга А. Б. Островский и член научного клуба «Чхыв» из г. Охи С. С. Мусатова, проводились изучение нивхского орнамента на предметах традиционной культуры нивхов, а также сбор информации по истории аборигенных населенных пунктов Северного Сахалина и участию аборигенов Сахалина в Великой Отечественной войне. Экспедиция работала в Охинском, Ногликском и Тымовском районах.

Палеонтологические, геологические и биологические изыскания проводились преимущественно на территории Макаровского района. Самой интересной находкой оказался позвонок ископаемого миоценового зубатого кита, найденный членом КК «Абориген» Е. Мазуниным в устье р. Осиновки. Собрана также представительная коллекция неогеновых и современных моллюсков, которая частично представлена в экспозиции Макаровского краеведческого музея, соз-

данного в 1992 г. Основу этого музея составляют коллекции краеведческого клуба «Абориген», собранные за последние 10 лет.

ПОПРАВКИ:

В «Краеведческом бюллетене» № 3 за 1992 год в статье Д. Стефана «Сахалин и Курильские острова в зеркале американских иллюзий» на стр. 5 (последний абзац, строки 3 и 4 снизу) напечатано: «...Г. Дж. Сноу ошибочно изменил 1943 (год плавания Де Фриза...».). Следует читать: «...Г. Дж. Сноу ошибочно изменил 1643 (год плавания Де Фриза...»).

В «Краеведческом бюллетене» № 1 за 1993 год в статье В. Подпечникова «Репатриация» на стр. 103 (абзац 3, строка 2) напечатано: «...в странах Юго-Восточной Азии, находилось 645 тысяч японских граждан». Следует читать: «...в странах Юго-Восточной Азии, находилось 6450 тысяч японских граждан».

«КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ» № 3

Сдано в набор 17.05.93. Подписано в печать 15.10 93. Формат 60×80 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Заказ № 1338. Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Сахалинская областная типография управления печати и информации администрации Сахалинской области.
г. Южно-Сахалинск, ул. Дзержинского, 34.